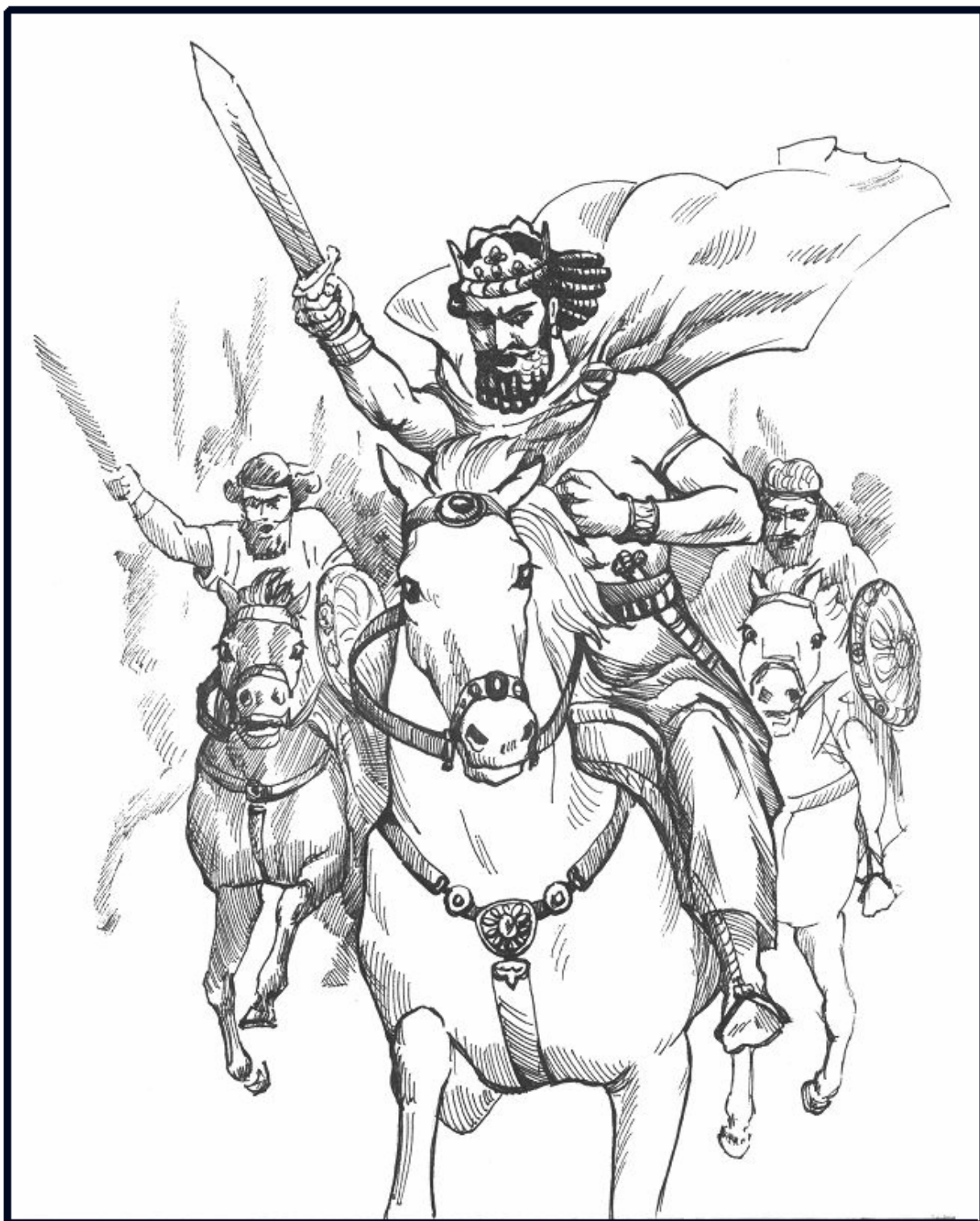

Аршакиды

Историческое досье

Содержание

Предисловие	4
ЧАСТЬ 1. ПАРФЯНСКОЕ ЦАРСТВО	7
1.1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	7
1.2 ТЕРРИТОРИЯ	9
1.3 ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО ПАРФЯНСКИХ АРШАКИДОВ	11
1.4 АРШАК I	12
1.5 ТИРИДАТ I	13
1.6 АРТАБАН I	14
1.7 МИТРИДАТ I	15
1.8 ФРААТ II и АРТАБАН II	16
1.9 МИТРИДАТ II	17
1.10 ДИНАСТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ	18
1.11 ПЕРВАЯ РИМСКО-ПАРФЯНСКАЯ ВОЙНА. БРОНИРОВАННЫЕ ВСАДНИКИ.	19
1.12 ВТОРАЯ РИМСКО-ПАРФЯНСКАЯ ВОЙНА. НИЧЬЯ.	24
1.13 ДИНАСТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ	25
1.14 ТРЕТЬЯ РИМСКО-ПАРФЯНСКАЯ ВОЙНА. КОМПРОМИСС КОРБУЛОНА.	28
1.15 СНОВА ДИНАСТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ	29
1.16 ЧЕТВЕРТАЯ РИМСКО-ПАРФЯНСКАЯ ВОЙНА. ТРАЯН МОЕТ САПОГИ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ.	29
1.17 ПЯТАЯ РИМСКО-ПАРФЯНСКАЯ ВОЙНА. ПИРРОВА ПОБЕДА РИМА.	30
1.18 ШЕСТАЯ РИМСКО-ПАРФЯНСКАЯ ВОЙНА. ОПУСТОШЕНИЕ ПАРФЯНСКИХ ГОРОДОВ.	31
1.19 ЗАКАТ ПАРФЯНСКОГО ЦАРСТВА	32
1.20 КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ	33
ЧАСТЬ 2. ВЕЛИКАЯ АРМЕНИЯ.....	36
2.1 ПРИРОДА И ЛЮДИ	36
2.2 КАК ПАРФЯНЕ СТАЛИ АРМЯНСКИМИ ЦАРЯМИ.	39
2.3 ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО	41
2.4 АРТАШЕС I	43
2.5 ТИГРАН II Великий	44
2.6 АРТАВАЗД II	55
2.7 АРТАШЕС II	57
2.8 РИМСКИЕ СТАВЛЕННИКИ.	57
2.9 АБГАР	58
2.10 НОВАЯ ВЕТВЬ. ТРДАТ I	61
2.11 ОТ ТРДАТА I ДО ТРДАТА II	63
2.12 ВОЙНА С АРТАШИРОМ.	64
2.13 ТРДАТ III	66
2.14 АГАФАНГЕЛ ОБ ОБРАЩЕНИИ АРМЯН В ХРИСТИАНСТВО.	70
2.15 ХОСРОВ II	72
2.16 ТИРАН.	74
2.17 АРШАК II	75
2.18 ЦАРЬ ПАП	83
2.19 НАХАРАРЫ И ЦАРИ. БОРЬБА И ЕДИНСТВО	86
2.20 ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ. ДУХОВНАЯ И СВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ.	90
2.21 РАЗДЕЛ АРМЕНИИ МЕЖДУ РИМОМ И ИРАНОМ (ПЕРСИЕЙ).	95
2.22 ЦАРЬ ВРАМШАПУХ. СОЗДАНИЕ АРМЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.	97
2.23 ПАДЕНИЕ АРШАКИДОВ И ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО ГОСУДАРСТВА.	98
ЧАСТЬ 3. ВИЗАНТИЯ. МАКЕДОНСКАЯ ДИНАСТИЯ.....	106
3.1 ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВИЗАНТИИ.	106

3.2	Перечень Византийских императоров армянского происхождения.....	107
3.3	Эпоха Македонской династии.	108
3.4	Карта Византийской империи в XI веке.	109
3.5	Происхождение и путь к престолу Василия I.	110
3.6	Василий I у власти.	113
3.7	Лев VI Мудрый.	118
3.8	Константин VII Багрянородный и Роман Лакапин.....	120
3.9	Роман II.....	123
3.10	Императрица Феофана и ее фавориты.....	124
3.11	Василий II.....	129
3.12	Конец Македонской династии.....	134
3.13	Церковные дела.....	135
3.14	Законодательная деятельность.....	138
3.15	Аграрная политика.....	140
3.16	Культурное наследие.	142
3.17	Крещение Руси.....	145
	Литература.....	150

Предисловие.

Каждый народ вправе гордиться своей историей, ее самобытностью, особенностями и неповторимостью. Но одних народов эта история насчитывает века, у других тысячелетия.

Историческое досье «Аршакиды» охватывает тринадцативековый период времени и состоит из трех частей:

Первая часть «Парфянское царство», охватывающая период от начала правления в Парфии основателя династии Аршака I Храброго (247 г. до новой эры) до гибели последнего царя парфянских Аршакидов (212 г. новой эры), посвящена изучению деятельности парфянских царей, анализу многочисленных и длительных римско-парфянских войн и культурному наследию Парфянского царства.

Вторая часть «Великая Армения» хронологически содержит генеалогию армянских царей из династии Аршакидов (Аршакуни) различных ветвей от времени правления Вагаршака I Великого (149 – 127 г.г. до новой эры) до 428 г. – года прекращения царствования династии Аршакуни, а вместе с ней и существования древнеармянского государства, как самостоятельной политической единицы. Это были годы и столетия, когда Армения находясь на перекрестке военных и торговых путей между Востоком и Западом постоянно протягивала взоры своих могущественных соседей Рима и Персии. Играя роль «буферного» государства, она не раз служила объектом военного вторжения. Здесь также освещаются проблемы взаимоотношений царей, нахараров (князей), духовенства и светской власти.

Третья часть «Византия. Македонская династия» раскрывает деятельность византийских императоров из рода Аршакуни, история которых условно делится на два неравных по значимости и продолжительности периода. Первый, самый блистательный в истории этой державы, продолжавшийся с 867 по 1025 год – год смерти императора Василия II. Второй – короткий период упадка с 1025 по 1056 год, когда скончалась последняя представительница династии императрица Федора. При этом большое внимание уделяется государственной политике в области внутренней жизни и внешней деятельности, в частности, развитию законодательства, сельскохозяйственного производства, культуры, взаимоотношениям светской и религиозной властей.

Подборку представленных в книге материалов можно охарактеризовать как летопись славных побед и горьких поражений Аршакидов в войнах с римлянами, греками, персами и другими народами как за сохранение государственности, так и за упрочнение независимости руководимых ими стран.

Ценность исторического досье повышается еще и благодаря тому, что в условиях современной нестабильности историю знают плохо. Для простого человека, а подчас и интеллигентного, все что прошло до его жизни, как бы сплющивается в нечто неразличимое. Для большинства людей династии Аршакидов, и Рюриковичей, Романовых и Бурбонов, равно как и древние египтяне, армяне и славяне, - почти современники. Чувство «реки времени», последовательности исторических событий не выработано у подавляющей части населения, то ли из-за огрехов школьной программы обучения, то ли из-за профанации истории современными публицистами, политологами и журналистами. Примеров можно привести много, но вряд ли это целесообразно в кратком предисловии. В этой связи как не вспомнить слова мыслителя и философа Н.Г. Чернышевского: «Можно не знать многих наук и быть образованным человеком, но нельзя быть образованным, не зная истории».

Системность знаний истории помогает лучше понимать и воспринимать художественную литературу и произведения искусства исторического жанра, видеть оттенки авторских замыслов, следить за глубиной их мысли, объективностью, правдивостью, искренностью и честностью их слов.

Предлагаемое читателю историческое досье «Аршакиды» не является художественным произведением. Это – систематическое историческое исследование разностороннего профиля, основанное на использовании произведений древних, средневековых и современных армянских, русских и зарубежных авторов, отображающих различные точки зрения на происходящие события, материалов летописей и сказаний, родословных списков и архивных документов.

Многие их представителей династии Аршакидов были выдающимися историческими деятелями. Особо следует отметить едва ли не решающую роль Трдата III в принятии Арменией христианства, а Константина Багрянородного, Василия II и его сестры царицы Анны в крещении Руси.

Длительное время в научно-популярной литературе и монографических исследованиях историческим личностям отводилась

весьма скромная роль. Между тем они – «живое лицо истории Отечества» и без них простое, неолицетворенное перечисление исторических фактов и событий представляло бы собой абстрактную, мертвую конструкцию. В этом отношении историческое досье «Аршакиды» в определенной мере восполняет образовавшийся пробел.

В заключении отметим, что в наше время нет недостатка в историко-исследовательской и историко-художественной литературе. Издаются исторические повести и романы, различные эссе и досье. К одним из них мы испытываем теплые чувства, к другим – антипатию. Но в истории, как и в жизни, добро соседствует со злом, ибо история – это и есть сама жизнь, но не одного человека, а всего народа, его лучших представителей, о чем свидетельствует содержание замечательного исторического досье «Аршакиды».

*Заслуженный деятель науки,
Действительный член
Петровской Академии наук и искусств,
Доктор исторических наук,
Профессор Устинов В.М.*

Часть 1. Парфянское царство

1.1 Общая характеристика

Есть в Средней Азии слово «пахлаван» — синоним русского слова «богатырь», но мало кто знает, что это слово обладает еще одним значением, что это — забытый этноним, то есть название народа. Пахлаван — это не только богатырь, но и парфянин. В этом слове живет воспоминание о целом народе, народе-богатыре — парфянах.

Сведений об этом народе сохранилось очень мало. Наука почти не знает документов, оставленных самими парфянами. Большинство свидетельств о Парфии и парфянах, которые имеются в распоряжении современного исследователя, — это свидетельства чужеземцев, часто настроенных враждебно, а иногда и просто не очень отчетливо представлявших быт и нравы чуждого им народа. И, тем не менее, даже в этой литературе мы встречаем такие, например, свидетельства: «В настоящее время они владеют такой обширной страной и таким множеством племен, что по величине своей державы являются до некоторой степени соперниками римлян. Причина этого — их образ жизни и обычаи, во многом варварские и скифские, но еще более благоприятствующие господству и военным успехам». Так писал о парфянах великий географ Страбон. А вот мнение древнего историка Помпея Трога: «Парфяне... как бы поделив весь мир между собой и римлянами, в настоящее время держат власть над Востоком». Можно было бы продолжить этот список свидетельств древних, но и приведенные высказывания показывают, что Парфия была одним из великих государств древности. Парфянское государство существовало без малого пять веков (с середины III века до н. э. до 20-х годов III века н. э.) и в пору своего расцвета охватывало обширнейшие территории юга Средней Азии, весь современный Иран и Ирак, часть земель Сирии и Афганистана. На протяжении нескольких веков исторические судьбы всего Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока определялись взаимоотношениями Римской державы и Парфии — двух крупнейших государств того времени.

[Г.А. Коваленко «Родина парфян»]

Парфяне, как персы и мидяне, были иранским пародом. Отечество парфян лежало прямо па восток от Мидии и впервые отмечено в надписях Дария I. Возможно даже, что «Парфия» есть только

диалектная форма слова «Персия».

Александр Великий прошел в своем походе через Парфию, и она оставалась под властью Селевкидов – потомков его телохранителя Селевка (со значительной долей самоуправления) полтора столетия. Этого было недостаточно, чтобы изменить главные обычаи народа, который был иранским по языку и зороастрийским по религии.

Высшие классы, однако, были слабо проникнуты зороастризмом и приняли в значительной мере греческую окраску. Греческий оставался официальным языком парфянской аристократии, и она восторгалась греческой литературой. Особенно занимали ее легенды о Геракле, и был сформирован практически культ Геракла.

Правителей Парфии называют Арсакидами, поскольку все они произошли от Арсака I, при котором парфяне впервые получили некоторую долю самоуправления под верховной властью Селевкидов.

[Айзек Азимов «Ближний восток»]

В середине III века до н. э. наступает кризис власти Селевкидов на Востоке. Центральное правительство в своей политике целиком ориентировалось на Запад, рассматривая восточные сатрапии только как источник, откуда поступают денежные средства и воинские контингенты. Однако греко-македоняне, жившие на Востоке, считали, что эта политика подрывает самые основы их владычества. Результатом этих разногласий явилось отложение трех наместников: Диодота — в Бактрии, Евтидема — в Согде, и Андрагора — в Парфии. Для последнего этот акт стал роковым. Кочевое племя парное под руководством своего вождя Аршака обрушилось на Парфию. Армия Андрагора была разбита, и сам он погиб в сражении.

[Г.А. Коваленко «Родина парфян»]

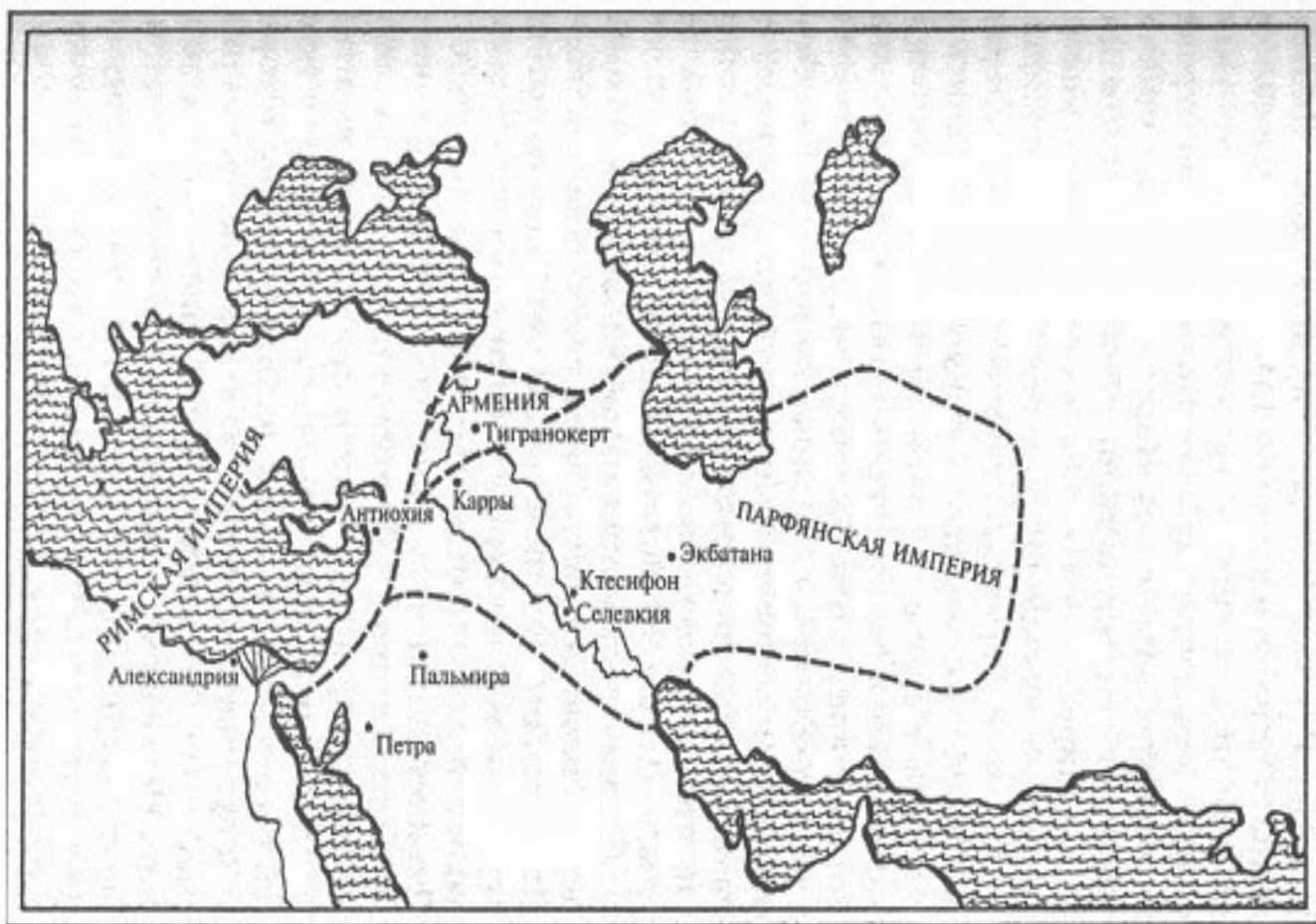
В буквальном переводе с санскрита частица «ар» означала «владелец», «владеющий». Если, к примеру, одно из иранских кочевых племен называло себя «саками», то слово «арсак» означало в переводе с санскрита «владыка саксов».

Слова «парн» («парф») на самом деле является диалектной формой персидского слова «парс», означавшего «перс». Если это так, то парфяне, попросту говоря, такие же персы, как и все жители Иранского нагорья, а парфянский язык – диалект персидского.

[Юрий Асадов «Родословные тайны армянских князей»]

1.2 Территория

И в древности и в наши дни слово Парфия имеет два значения: более широкое и более узкое. В первом случае — это вся обширная Парфянская держава, все земли, которыми управляли парфянские цари из рода Аршакидов. Такое значение — так сказать, «эластично», границы его применения то расширялись, то сжимались вместе с распространением и упадком парфянской мощи.

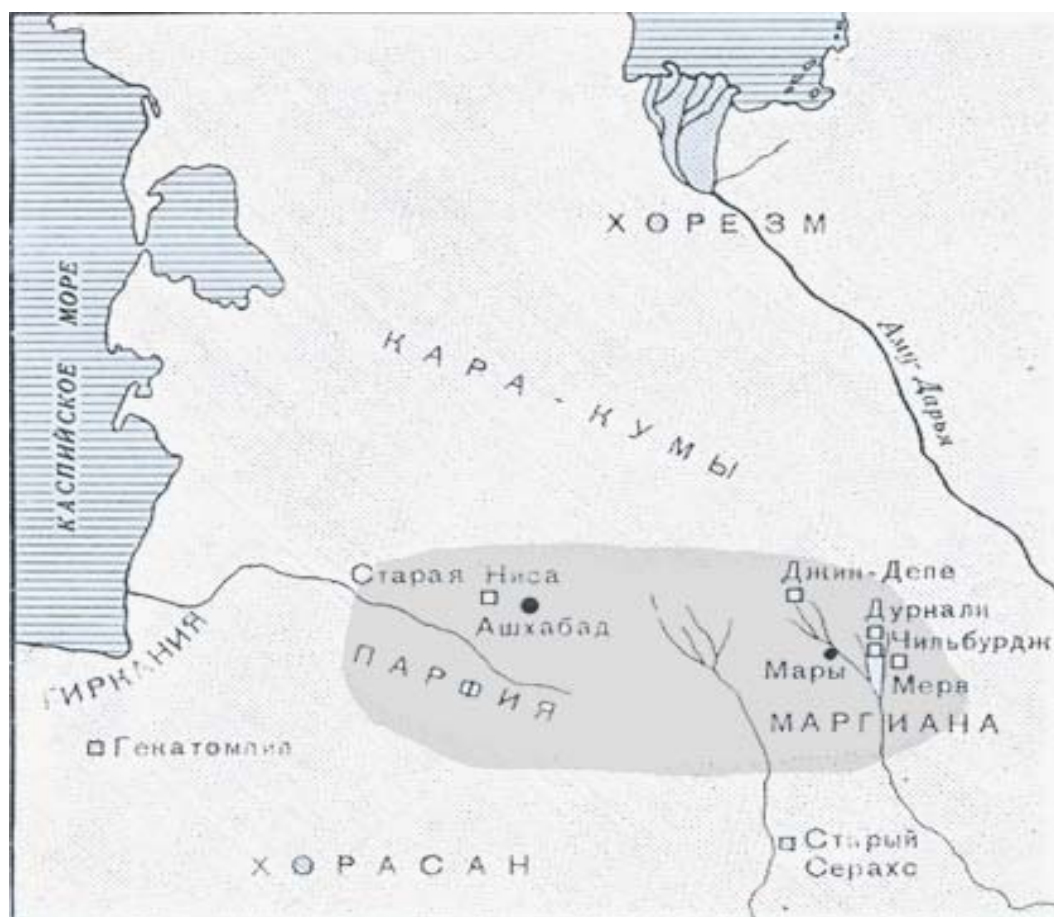

Карта Парфянской Империи в I веке н. э.

[Айзек Азимов «Ближний восток»]

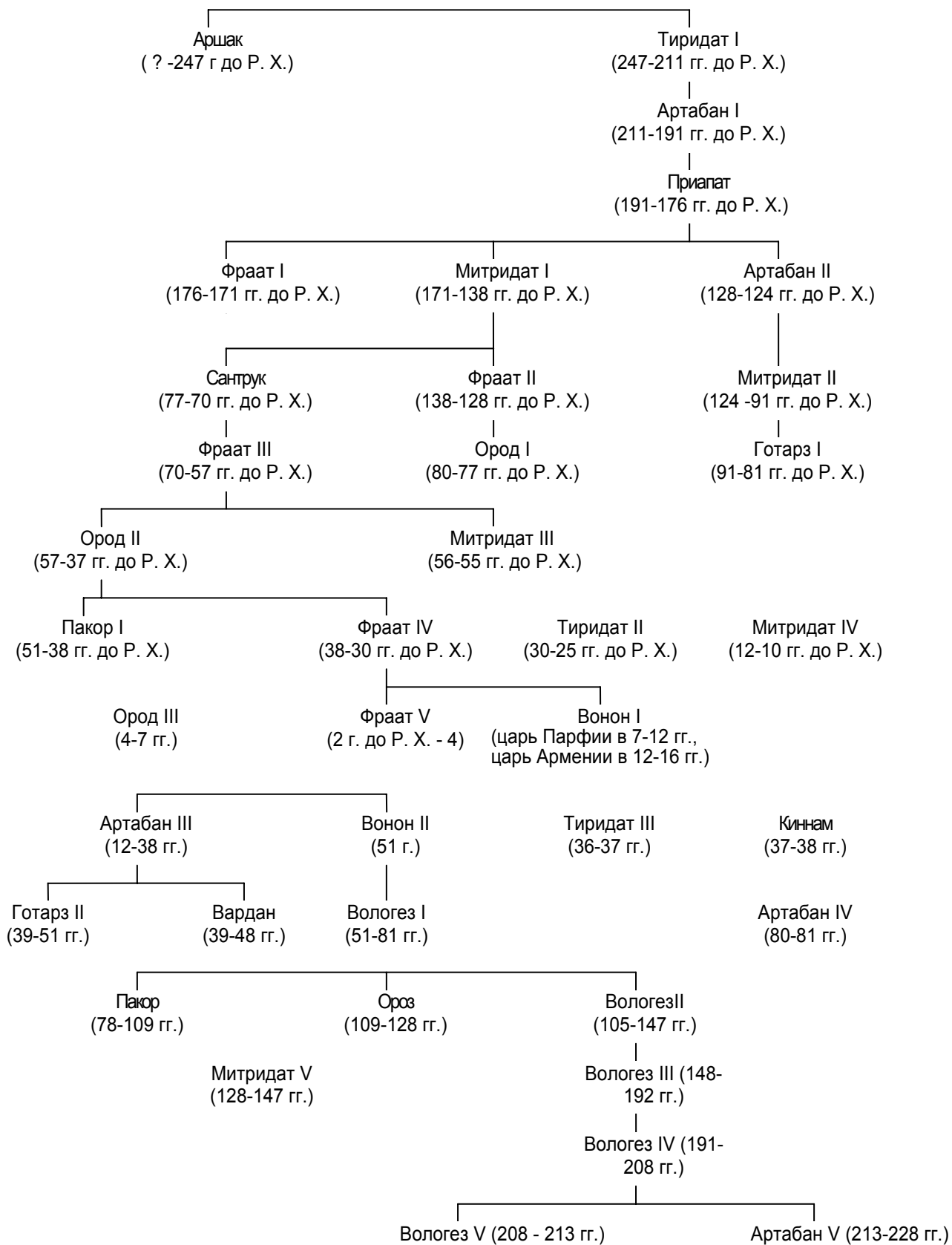
Второе же — гораздо более устойчивое, оно прилагалось к области коренного обитания парфян, их родине, первоначальному ядру их державы. Эта Парфия представляет собой узкую полосу плодородных оазисов, ограниченных на севере безбрежными песками Каракумов, а на юге — пустыней Деште-Кевир. В середине ее пересекают горы Копет-Дага. С юго-запада она граничила с богатой Гирканией, занимавшей долины у юго-восточного побережья Каспийского моря, на западе ее

соседом была Мидия, на северо-востоке, за песками Каракумов располагалась сказочно плодородная Маргиана, область в низовьях Мургаба, а на юго-востоке — Арея (Гератский оазис). Если все эти границы перенести на современную карту, то Парфия будет охватывать южную часть Туркмении и северо-восточную окраину Ирана

[Г.А. Коваленко «Родина парфян»]

1.3 Генеалогическое древо парфянских Аршакидов

[К. Рыжов «Все монархи мира»]

1.4 Аршак I

В 246 году до Рождества Христова один из вождей парнов по имени Арсак (он же – Аршак) по прозвищу Храбрый отстранил от власти в городе Пахле страны кушанов местного греческого вельможу – управителя и провозгласил независимость области от Селевкидов. Аршак I Храбрый стал основателем династии, которая затем правила не только в Парфии, но и во всей Персии, и в соседней Армении, и в далекой Византии в лице армянских императоров из рода Аршакуни.

[Юрий Асадов «Родословные тайны армянских князей»]

Драхма с изображением Аршака I.

В портретах парфянских царей очевидно желание передать сходство с конкретным изображаемым персонажем, которое сочетается со стремлением запечатлеть облик некоего «идеального» царя. Спокойствие, достоинство, властность – вот доминирующие черты в портретах царей из дома Аршакидов.

[Г. А. Кошеленко «Родина парфян»]

Парфяне даже в самые трудные для государства моменты не стремились освободиться от власти новой династии, созданной Аршаком, – династии Аршакидов. Так, позднеримский историк Аммиан Марцеллин сообщил: «Изгнав македонские гарнизоны, Аршак не нарушал мира и в отношении своих подданных проявлял милосердие и справедливость». Не менее показательна и та

характеристика, которая дана Аршаку в одном из лексиконов византийского времени: «Муж прекрасный, телом славный, царственный душой и в ратных делах опытнейший, по отношению к тем, кто покорен ему во всем, — кротчайший, а по отношению к тем, кто ему противостоял, — самый сильный». Видимо, действительно есть основания считать, что Аршак сумел найти какой-то *modus vivendi* сосуществования оседлых земледельцев и кочевников, что облегчалось их этническим родством и очень быстро начавшимся процессом ассимиляции парнов парфянами. Прочность только что родившегося Парфянского государства вскоре подверглась самому серьезному испытанию. Селевкиды не хотели мириться с потерей своих восточных владений, и в период 230—227 годов до н. э. Селевк II предпринимает поход против Парфии. Мы не знаем всех деталей развернувшихся событий, но итог нам известен — селевкидская армия была разбита и отступила. В соответствии с принципами эллинистической политической традиции Аршак после этой победы принимает царский титул. Независимость парфянского государства стала свершившимся фактом.

[Г. А. Кошеленко «Родина парфян»]

1.5 Тиридат I

Аршак погиб в сражении и его место на престоле занял Тиридат, принявший имя Аршака II (вообще, все парфянские цари в дальнейшем носили тронное имя Аршак). Его можно считать подлинным основателем Парфянского царства. Тиридат I не только добился царской власти, но и устроил свое царство, отчего стал для парфян не менее достопамятным, чем для персов Кир (Куруш), для македонян — Александр, для римлян — Ромул. Вскоре после захвата Парфии Тиридату удалось подчинить своей власти соседнюю область Гирканию. В 237 г. до Р. Х., установив мир на западных границах своей державы, Селевк II сделал попытку вернуть под свой контроль отпавшие восточные сатрапии. Однако его поход закончился полной неудачей — сирийцы были разбиты, и в дальнейшем парфяне ежегодно отмечали эту победу как день своей независимости.

[К. Рыжов «Все монархи мира»]

1.6 Артабан I

После смерти Тиридата I, его сыну Артабану I пришлось отражать новое наступление Селевкидов. В эти годы Сирийское царство переживало кратковременный подъем под управлением энергичного Антиоха III. Разгромив своих противников на западе, Антиох в 209 г. до Р. Х. вторгся в Парфию. Вскоре сирийцы захватили Гекатомпил, являвшийся в то время парфянской столицей. Артабан, не приняв сражения, отступил со своей армией в Гирканию. Чтобы не допустить туда Антиоха, он тщательно укрепил горные перевалы, расставив свои войска на высоких местах, откуда они могли внезапно нападать на врага и поражать его сверху камнями.

Драхма с изображением Артабана I

Но, несмотря на все препоны, Антиох сумел провести свою армию через опасные теснины и оседлал перевал. Здесь парфяне оказали сирийцам упорное сопротивление, однако были побеждены. Отбросив противника, Антиох вывел армию на равнины Гиркании и овладел царским городом Тимбраксой. Артабан вынужден был вступить с Антиохом в переговоры и признал над собой его верховную власть. При этом он сохранил все свои владения и царский титул на правах союзника державы Селевкидов. Впрочем, эта зависимость была недолгой — в 190 г. до Р. Х. Антиох III потерпел поражение от римлян при Магнезии, после чего Сирийское царство стало быстро слабеть. Правивший в то время в Парфии Приапат немедленно объявил о своей независимости и начал завоевания в соседней с Парфией Мидии (здесь он, по-видимому, завладел греческой колонией Апамеей). Эти

завоевания с успехом продолжались при его преемниках — Фраате I и Митридате I.

[К. Рыжов «Все монархи мира»]

1.7 Митридат I

В начале парфянские монархи принимали «Арсак» (Аршак) как официальное тронное имя, но они были известны и под собственными именами. Так, Арсак VI более известен как Митридат I: Это имя показывает зороастрийскую основу даже в эллинистических монархах, ибо означает «дар Митры», а Митра — зороастрийский символ Солнца. Митридат I взошел на трон в 171 г. до н. э. и с самого начала принял энергичную экспансионистскую политику. Пока Антиох IV был жив и устраивал походы на восток, Митридат оставался в обороне против Селевкидов, но сам продвигался на восток, в Бактрию. Затем, когда Антиох IV умер, он обратил свои взоры также и на запад.

Провинция Мидия, лежавшая между Парфией и Месопотамией, после смерти Антиоха IV провозгласила независимость. Селевкиды, будучи в глубоком упадке, ничего не могли с этим поделать, но Парфия, будучи на подъеме, могла. Она распространяла свое влияние на запад и к 150 г. до н. э. полностью поглотила Мидию. С этого момента мы можем говорить о Парфянской империи. Дело на этом не остановилось. Члены Селевкидского царского дома отчаянно дрались друг с другом в Сирии. Митридат поэтому усилил натиск на запад и в 147 г. до н. э. захватил Месопотамию вместе с ее гордой столицей Селевкией, основанной Селевком I полтора столетия назад.

Митридат старался уверить греческих колонистов и высшие классы Месопотамии, что парфянская оккупация не означает конца эллинизма. Он подчеркивал свою близость к эллинизму, приняв имя Митридат Филэллин («любитель греческого»). И действительно, он и его наследники были больше греками, чем сами греки.

С другой стороны, евреи Месопотамии выигрывали от прохладного отношения парфян к обычно нетерпимому зороастризму и процветали.

Тем не менее, греческие города Мидии и Месопотамии смотрели на нового парфянского хозяина с большой опаской (и, быть может, с некоторой долей снобизма) и ждали возвращения Селевкидов. Они засыпали Антиоха умоляющими призывами, и в двух случаях селевкидские монархи испробовали свою удачу в восточных походах.

В 140 г. до н. э. селевкидский царь Деметрий II вторгся в парфянские владения. Он выиграл несколько сражений, но в 139 г. до н. э. попал со своей армией в засаду. Армия была разгромлена, а сам он взят в плен. В следующем году умер Митридат. За тридцать три года своего правления он превратил свою провинцию в империю, контролирующую полосу территории длиной более 2400 км с запада на восток. Она заняла северную половину территории старой Персидской империи, от Евфрата к востоку. (Южная половина, состоявшая из провинций, прилегающих к Персидскому заливу и Индийскому океану, — заметим, что это сердце собственно Персии, — держалась более старомодного зороастризма и никогда не считалась бесспорной частью парфянских владений.)

[Айзек Азимов «Ближний восток»]

1.8 Фраат II и Артабан II

В начале 130-х гг. до Р.Х. сын Митридата I, Фраат II, уже вел войны в Месопотамии и овладел ее важнейшими центрами — Селевкией и Вавилоном. В 130 г. до Р. Х. сирийский царь Антиох VII попробовал вернуть Месопотамию. Сначала парфяне были разбиты в трех сражениях и отступили из Вавилона. Однако когда Антиох расположил свое войско в городах на зимних квартирах, страну охватило мощное восстание. Те из сирийцев, кто не успели бежать, были перебиты. Погиб и сам Антиох. Фраат окончательно овладел Месопотамией. Но в 128 г. до Р. Х. он потерпел поражение и пал в бою с новым грозным противником — кочевниками незадолго до этого завоевавшими Бактрию.

Драхма с изображением Фраата II

Преемник погибшего царя, его дядя Артабан II, не смог заставить кочевников удалиться в свои степи. В 124 г. до Р. Х. он получил смертельную рану в бою с тохарами и на следующий год умер. Между тем кочевники захватили на востоке ряд иранских областей и расселились в них. На западе от Аршакидов отпали Элимаида и Персида. В Нижнем Двуречье образовалось независимое царство Иоспасина, который одно время владел даже Вавилоном. На северо-западе парфян начал теснить армянский царь - Артавазд I.

[К. Рыжов «Все монархи мира»]

В 129 г. до н. э. парфяне решили создать в западной части своих владений новую столицу. Они выбрали пригород на востоке, на противоположном берегу Тигра. Пригород был назван Ктесифоном.

Ктесифону суждено было оставаться столицей Иранской державы (Парфянской и режима, который последовал за ней) в течение восьми столетий. Естественно, она росла, пока не сравнялась и даже не превзошла Селевкию. Образовались «города-близнецы», эллинский и иранский, отражая сплав двух культур, которым мог бы восхищаться Александр Великий.

[Айзек Азимов «Ближний восток »]

1.9 Митридат II

Трудное дело восстановления Парфянской державы выпало на долю сына Артабана II, Митридата II. Унаследовав от отца государство, находившееся в состоянии полной анархии, он, прежде всего, заключил мир с саками, согласившись ради этого даже выплачивать им дань. Для успешной борьбы с мобильными отрядами кочевников он организовал конное ополчение. Вместо тяжелой пехоты основным ядром парфянской армии стали с этого времени отряды тяжеловооруженных, одетых в доспехи всадников.

Драхма с изображением Митридата II.

Проведя военную реформу, Митридат через несколько лет возобновил войну с саками, нанес им несколько поражений и заставил 1 около 115г. до Р. Х. признать свою власть. В дальнейшем вожди саков занимали при парфянском дворе очень высокое положение. Только им, к примеру, принадлежало право возлагать диадему на голову вновь избранного царя. В то же время, около 120 г. до Р. Х., было покорено царство Иоспасина. Затем были подчинены Элимаида и Персида. В начале I в. до Р. Х. парфяне нанесли несколько поражений армянам, а потом Митридат возобновил завоевательные войны на западе. В 90 г. до Р. Х. был разбит правитель Келесирии и Финикии Антиох X. В 88 г. до Р. Х. в плену у парфян оказался еще один Селевкид — правитель Дамаска Деметрий III. Сам Митридат уже не участвовал в этих войнах — переехав на восток своей державы, он назначил правителем ее западных областей некоего Готарза (вероятно, своего сына).

[К. Рыжов «Все монархи мира»]

1.10 Династические конфликты

Но когда Митридат умер, Парфию поразила ее периодически повторяющаяся болезнь — династические свары. Все монархии периодически испытывают династические конфликты, но Парфия в этом отношении была хуже, чем большинство остальных. Во-первых, это была феодальная империя, в которой крупные землевладельцы были настолько могущественны, что почти не зависели от короны. Естественно, они постоянно были на ножах друг с другом и всегда готовы поддержать различных претендентов на трон. А таких претендентов всегда было в избытке, ибо у парфян был обычай

передавать корону от брата к брату, а братьев всегда было много.

[Айзек Азимов «Ближний восток »]

Митридат умер, а Готарз I был провозглашен новым парфянским царем. Ему пришлось вести тяжелую войну с армянским царем Тиграном II. В 88 г. до Р. Х. армяне завоевали Мидию, а к 85 г. до Р. Х. Их власть перешла вся Северная Месопотамия (Готарз сохранил за собой лишь незначительную область Центрального Двуречья с Вавилоном). О последних годах правления Готарза сведений мало. Кажется, в Парфии началась смута. Против Готарза выступил другой претендент на престол — Ород I. В 80 г. до Р. Х. он провозгласил себя царем. Но в 77 г. до Р. Х. его сменил представитель старшей ветви Аршакидов — Сантрук (предполагают, что это был один из сыновей Митридата I, долгие годы проведенный в плену у кочевников-сакарауков). Сантрук был уже пожилым человеком и правил недолго. В 70 г. до Р. Х. он умер. Ему наследовал сын Фраат III. При этом царе римляне в 64 г. до Р. Х. завоевали Сирию и сделались западными соседями Парфии.

В 57гг. до Р.Х. сыновья Фраата III, Митридат III и Ород II, убили отца. Сначала царем был объявлен Митридат, но через год парфянская знать низложила его (по свидетельству Юстина, из-за его жестокости). Царем стал Ород, Митридат не смирился с этим. Он бежал в римскую Сирию, набрал здесь войско и начал войну с братом. Греческое население месопотамских городов оказало ему поддержку. Митридат быстро захватил Месопотамию и вынудил в 56 г. до Р. Х. Орода отступить в собственно Парфию. Однако восточные сатрапии остались верны младшему брату. Опираясь на них, Ород перешел в наступление и захватил после недолгой осады важнейшие города Двуречья — Селевкию и Вавилон. В 55 г. до Р. Х. Митридат был захвачен и казнен.

[К. Рыжов «Все монархи мира. Древний Восток»]

1.11 Первая римско-парфянская война. Бронированные всадники.

Важным периодом во времена царствования Орода II стало начало римско-парфянских продолжавшихся потом на протяжении нескольких столетий и оказавших огромное влияние на историю обеих великих держав. Начало им положил поход римского триумвира Красса в 54 г.

до Р. Х. Для отражения врага Ород разделил свои силы на две армии. Первая из них состоявшая из пехотных соединений и руководимая самим царем, отправилась к границам Армении, где гористый рельеф затруднял действие больших масс конницы. Вторая армия, основным ядром которой были 10 тысяч тяжеловооруженных всадников, под командованием наследственного главнокомандующего Сурены осталась в Северо-Западной Месопотамии.

[К. Рыжов «Все монархи мира. Древний Восток»]

Красс оставил Рим и Италию ради Востока, самоуверенно настроившись на чисто агрессивную войну против державы, которая ничем не оскорбила Рим и, напротив, делала все возможное, чтобы избежать этого.

Две армии, римская и парфянская, были устроены совершенно по-разному. Римляне создали легион, пехотную организацию, обладавшую величайшей гибкостью. Легион не обладал подавляющим весом и мощностью фаланги, но фаланга действовала наилучшим образом только на открытых и ровных площадках, где она могла маневрировать как тесно сплоченное целое, тогда как легион мог распадаться и соединяться вновь без всякого ущерба для себя. В нескольких сражениях легионы сталкивались с фалангой, и, в конечном счете, гибкость легиона возобладала над грубым весом фаланги.

Парфяне, с другой стороны, подняли на новый уровень конницу. Лошади иранских племен еще оставались лучшими в мире, и парфянские наездники маневрировали с легкостью, вызывавшей завистливое восхищение у тех, кому доводилось с ними столкнуться. То была тактика «бей и беги», доведенная до совершенства. Конники внезапно обрушивались на неподготовленного врага, делали свою смертоносную работу и уносились прочь, чтобы ударить где-нибудь еще.

Рассказывают также, что, когда парфяне стремительно отступали, и враг мчался за ними, охваченный бессильным гневом из-за молниеносной атаки и молниеносного бегства, всадники по сигналу оборачивались в седлах, чтобы послать последнюю тучу стрел через плечо. Эти «парфянские стрелы», внезапно и неожиданно поражая преследователей, часто причиняли больше вреда, чем сама атака.

В дополнение к этому парфяне создали тяжеловооруженную конницу. То были катафракты (от греческих слов, означающих «полностью закрытые»). Эти всадники были закованы в броню, их кони

иногда также были защищены доспехами. Чтобы нести вес брони, лошади должны были быть крупными и мускулистыми. Такие лошади были доступны парфянам, но редко попадали к их врагам.

Тяжелая кавалерия двигалась не быстро, но этого и не требовалось. Она надвигалась на вражеский фронт, как громыхающая конная фаланга с тяжелыми копьями. Или, вооруженная луками, она поражала вражеские линии, будучи почти неуязвимой для ответного обстрела лучников противника.

Парфянские всадники вызывали такой ужас, что сделались в провинциях Запада воплощением страшных воителей. В Апокалипсисе (Откровении Иоанна Богослова), например, катастрофическая война символизируется изображением парфянского конного лучника.

Многое зависело, разумеется, от способностей и вдохновения полководцев. Римские генералы сталкивались с новым оружием и прежде. Они побили боевых слонов, не имея своих собственных, они построили корабли и укомплектовали их неопытными новобранцами, чтобы победить закаленную морскую державу (Карфаген).

На этот раз, однако, им не повезло. Красс воевал по учебнику. Перед задачей приспособления к неожиданным изменениям он оказался абсолютно беспомощным. Более того, ему недоставало преимущества разобщенности противника. Под угрозой неминуемого римского вторжения парфяне сумели покончить с гражданской войной.

Красс высадился в Сирии, пересек Евфрат и вступил в Месопотамию. Несколько греческих городов горячо его приветствовали, и, когда он на зиму вернулся в Сирию, его самоуверенность достигла новых высот.

Парфяне, соответственно, были обескуражены. В Антиохию была отправлена делегация, чтобы поторговаться с Крассом и заключить приемлемое мирное соглашение. Перед Крассом, однако, реяла тень Александра Великого. Александр последовательно отвергал все компромиссы, упорно шел к тотальной победе и достигал ее. С тех пор это стало блистающей целью военных вождей, многие генералы пытались использовать методы Александра, не имея его гения, и дорого заплатили за это.

Красс гордо заявил парфянам, что условия мира он будет обсуждать в Селевкии, и послы уехали с пустыми руками и очень разозленные.

В 53 г. до н. э. Красс снова пересек Евфрат.

Араб-проводник привел римлян к парфянской армии, но он был платным агентом парфян, и их армия была готова к встрече. Парфяне ждали в окрестностях г. Карр.

Видна была только малая часть парфянского войска, и римляне ринулись вперед, искренне веря, что достигли внезапности. Однако, когда они ввязались в бой, обычные всадники сбросили плащи и засверкала броня. То были смертоносные катафракты.

Прежде чем римляне осознали, что они ввязались в решающее сражение и их самих застали врасплох, запели парфянские луки и римляне начали падать со всех сторон. Красс в отчаянии приказал собственной кавалерии под командой своего сына Публия Красса атаковать парфян и попытаться отогнать их. Римская кавалерия пошла в атаку, и парфяне сразу же отступили, отстреливаясь через плечо. Легковооруженные и поэтому более быстрые римляне, уже настигая их, внезапно поняли, что их навели прямо на остальную парфянскую армию, с ее собственной легкой кавалерией, далеко превосходившей римскую по численности и мастерству.

Римляне дрались с упорством отчаяния, но это была бойня, и к концу они погибли почти все до последнего человека. Публий Красс также погиб, парфяне отрубили ему голову и насадили на копье. Затем парфянская кавалерия перестроилась и вновь атаковала главные силы римлян, неся высоко, как знамя, голову Публия. Дух римлян упал от такого зрелища, хотя Красс оказался на высоте положения, крикнув солдатам: «Эта потеря моя, не ваша!»

Битва продолжалась, римляне несли новые потери, и на следующий день Красс вынужден был отступить. Парфяне следовали за ним по пятам, и сам Красс был в конце концов убит. Наконец парфяне захватили боевые значки римских легионов — величайший позор в глазах Рима.

Лишь один из каждых четырех римских солдат вернулся в Сирию из этой губительной экспедиции. Хуже, чем само поражение, было торжествующее осознание парфянами того факта, что римлян можно победить.

Благодаря победе при Каррах Парфия приблизилась теперь к зениту своей мощи.

[Айзек Азимов «Ближний восток»]

**Победа при Каррах
(53 г. до р.Х.)**

*Забывать ли час, когда у сцены,
Минуя весь амфитеатр,
Явился посланный Сурены,
С другой, не праздничной арены, -
И дрогнул весь театр!*

*Актер, играя роль Агавы,
Из рук усталого гонца
Поспешно принял символ славы,
Трофей жестокий и кровавый
С чертами римского лица.*

*Не куклу с обликом Пенфея,
Но вражеский череп взнес Янсон!
Не лживой страстью лицедея,
Но правым гневом пламенея,
Предстал пред зрителями он.*

*Подобен воинскому кличу
Был Еврипида стих живой:
«Мы дедовский храня обычай,
Несем из гор домой добычу,
Оленя, сбитого стрелой!»*

*Катаясь, упала на подмости,
Надменный Красс, твоя глава.
В ответ на стук, глухой и жесткий,
По всем рядам, как отголоски,
Прошла мгновенная молва.*

*Все понял каждый. Как в тумане,
Вдали предстало поле Карр,
И стяг армянский в римском стане...
И грянул гул рукоплесканий,
Как с неба громовой удар.*

*В пыланьи алого заката,
Под небом ясно-голубым,
Тем плеском, гордостью объята,
Благодарила Арташата
Царя, унизившего Рим!*

[Валерий Брюсов «В Армении»]

Примечание В. Брюсова.

«Битва при Каррах (53 г. до р. Х.) произошла при армянском царе Артаване II (56-33 до р. Х.), сыне Тиграна Великого. Римские историки считают поражение при Каррах самым тяжелым после несчастных сражений при Аллии (с галлами), и при Каннах (с Ганнибалом). Во главе римских легионов стоял Красс, один из членов так называемого «первого

триумвирата»; во главе армянско-парфянских войск – парф Сурена. В бою пало свыше 20000 римлян; 10000 было взято в плен; захвачены были римские «значки» (знамена) и весь военный обоз; был убит и Красс, вместе со своим сыном. Сурена приказал отрубить у Красса голову и правую руку и отвести эти кровавые трофеи царям, армянскому – Артавазу и парфянскому – Ороду. Цари находились в новой армянской столице, Арташате, где праздновали бракосочетание парфянского царевича, Пакура, с сестрой Артавазда. Посланный Сурены, по имени Силах, нашел обоих царей в театре, где исполнялась трагедия Еврипида «Вакханки», – приезжей труппой греческих актеров, конечно на греческом языке. Перебежав театр, Силах поднялся на сцену, преклонился перед царями и бросил голову Красса актеру, игравшему роль Агавы. Этот актер (до нас дошло его имя: Ясон Тралльский) по ходу пьесы должен был показать зрителям голову Пенфея, растерзанного менадами. Вместо того, Янсен схватил голову римского полководца и, бросая ее на подмостки, продекларировал подходящие стихи трагедии: «Мы, по обычаю, приносим из гор домой нашу добычу, рога оленя, только убитого на счастливой охоте!» Весь театр был охвачен взрывом энтузиазма; все рукоплескали, приветствуя царя и поздравляя друг друга с победой над сильным врагом».

1.12 Вторая римско-парфянская война. Ничья.

Следующая война между Римом и Парфией началась в 40 г. до Р. Х. в годы второго триумvirата, когда восточные провинции Римской державы находились под властью Марка Антония. Переправившись через Евфрат, парфяне, возглавляемые Пакором I, ворвались в Сирию. Без труда были взяты Апамея и столица Сирии Антиохия. Пакор овладел Сидоном и Птолемаидой, вторгся в Иудею и захватил Иерусалим. Другая парфянская армия под командованием римского эмигранта Лабиена вторглась в Малую Азию. Но этот успех был кратковременным. В 38 г. до Р. Х. полководец Антония Публий Вентидий разбил Лабиена, а потом двинулся в Сирию и возле Гиндар разгромил Пакора. В этом сражении был уничтожен цвет парфянского войска. В бою пал и царь Пакор. Узнав о смерти сына, престарелый Ород отрекся от престола в пользу другого своего сына Фраата IV. Новый царь приказал немедленно перебить всех своих сводных братьев (от своих жен и наложниц Ород имел 30 сыновей), а потом велел умертвить отца. Эти и другие жестокости породили волну протеста. Против Фраата восстала Мидия, и царь начал упорную

войну с мятежниками.

В разгар этой смуты, в 36 г. до Р. Х., на Парфию напала огромная армия Антония, состоявшая из 16 легионов. Помня о печальном исходе предприятия Красса, Антоний избрал для нападения северный путь через гористую Мидию Антропатену и мятежную Мидию. Таким образом римляне рассчитывали ослабить действие парфянской конницы. Но в торах они столкнулись с другой трудностью - им пришлось переправлять по «узким дорогам через кручи и перевалы свой тяжелый обоз и осадные орудия. Из-за этого войска двигалось очень медленно. В конце концов, Антоний оставил обоз под охраной двух легионов, а сам с основными силами поспешил к столице Мидии Антропатены, городу Фрааспу. Он надеялся, что мятежники перейдут на его сторону, но ошибся — Фрааспу он нашел готовой к длительной осаде. Тем временем в отсутствие Антония Фраат внезапно напал на римский обоз, перебил охранявшие его легионы, захватил запасы продовольствия и сжег все осадные орудия. Это был тяжелый удар, решивший судьбу всей кампании. В армии Антония вскоре наступил голод, а из-за постоянных налетов парфянской конницы было очень затруднительно проводить фуражировку. Кроме того, без осадной техники штурм Фраасы оказался невозможным. С приближением зимы Антоний должен был начать отступление в Армению. Этот поход по горным дорогам, когда римляне, жестоко страдавшие от голода и жажды, должны были то и дело отбивать нападения парфянской конницы, оказался очень трудным. За 27 дней похода Антоний потерял более 30 тысяч человек. Таким образом, с размахом задуманная и начатая кампания окончилась ничем. Впрочем, и Фраат из-за внутренних смут не смог воспользоваться благоприятной ситуацией, когда в конце 30-х гг. до Р. Х. занятые гражданской войной римляне ослабили оборону своих восточных границ. В 36 г до Р.Х. царь с большим трудом восстановил свой контроль над Мидией.

[К. Рыжов «Все монархи мира»]

1.13 Династические конфликты продолжаются

В 30 г. до Р.Х. Фраат II он вынужден был оставить Ктесифон и бежать в далекие северо-восточные области, своей державы. Его место на царском троне занял другой Аршакид — Тиридат II. Однако и он продержался у власти недолго. Навербовав войско в северо-восточных

сатрапиях Парфянской державы и среди кочевников среднеазиатских степей, Фраат вернулся в Месопотамию. В 25 г. до Р. Х. поверженный Тиридат II бежал в Рим. Но смута на этом не прекратилась. В 12 г. до Р. Х. Фраат должен был уступить Ктесифон новому претенденту на престол — Митридату IV. Через два года Фраат выбил его из столицы, однако положение его оставалось шатким. Чтобы уменьшить число своих противников, царь выдал римлянам в качестве заложников некоторых своих ближайших родственников (в том числе нескольких сыновей и внуков). Когда при помощи хитрого маневрирования старый царь к 20 г. до н. э. с минимальным вмешательством римских войск был возвращен на трон, он выразил свою благодарность, вернув боевые значки, захваченные у легионов Красса.

Формально позор был смыт, но многие римляне, вероятно, чувствовали, что так поступают лавочники; в истинно римском стиле было бы разгромить парфян в битве. (К несчастью, таково вечное безумие человечества: оно видит нечто презренное в успехе, достигнутом путем переговоров, а не войны.)

В обмен на боевые значки Август послал Фраату подарок, который оказался роковым (хотя Август не мог предвидеть этого). То была просто прекрасная рабыня по имени Муза, которую Фраат добавил к своему гарему. Она быстро сделалась его любимой женой, родила сына и убедила Фраата отправить его старших, еще живых детей в Рим. Фраат так и сделал, с тем большей охотой, что сыновья были опасной роскошью для парфянского царя. Когда это было сделано, Муза стала ждать, пока ее сын подрастет. Когда он дорос до подростка, во 2 г. до н. э. она отравила Фраата IV и сын ее стал царем под именем Фраата V.

[Айзек Азимов «Ближний восток»]

Фраата V объявил свою мать Музу богиней и царицей и вскоре вступил с ней в официальный брак. Через два года он был низложен и убит. Царем стал представитель другой ветви династии Аршакидов — Ород III. Он правил три года и был очень жесток. В 7 г. заговорщики убили его во время охоты. На смену ему из Рима прибыл брат Фраата V, Вонон I, находившийся там в заложниках около 15 лет. В том же году его провозгласили царем. Но вскоре оказалось, что за годы жизни в Риме Вонон воспринял нравы и привычки тамошней аристократии. По свидетельству Тацита, он не любил охоты и шумных пиров — обычных

развлечений парфянской знати, не любил и лошадей. Он носил греческое платье и предпочитал передвигаться в носилках. В обращении с подданными был чрезмерно прост и приветлив. Парфянская знать быстро прониклась к Ворону презрением. В 12 г. против него выступил правитель Мидии Артабан, зять Фраата V. Вонон был разбит и бежал в Армению, а Артабан был провозглашён царем. С него начинается правление Пахлавской ветви Аршакидов.

За годы смут централизация в Парфянской державе ослабла. Внутри нее выделились независимые области, управляемые местными династиями. При Артабане III этот процесс был официально закреплён. Некоторым родственникам нового царя были переданы в управление целые страны, вследствие чего они превратились в полусамостоятельных правителей. Но, несмотря на то, что Артабан шел навстречу желаниям парфянской знати, положение его оставалось непрочным. В 35 г. несколько оппозиционно настроенных к царю вельмож попросили римского императора Тиберия отпустить на родину одного из внуков Фраата IV, Тиридата, который уже давно жил в Риме в качестве заложника. Едва Тиридат появился в Парфии, его сторонники подняли восстание. На его сторону перешел сатрап Месопотамии Орноспад. Тиридат легко овладел Ктесифоном. Но через год, собравшись с силами, Артабан III отбил у него столицу. Тиридат III бежал обратно в Рим. Но и Артабан не знал покоя до самой своей смерти. Недовольные его жестокостью парфянские сатрапы возвели, на престол его приемного сына Киннама. Престарелый царь должен был искать убежища у одного из своих вассалов — царя Адиабены. Тот помог ему вернуть престол. Но вскоре Артабан III умер. Ему наследовали сыновья Готарз II и Вардан. В течение десяти лет они то мирились друг с другом, то вновь начинали войну. В 48 г. Вардан был убит во время охоты заговорщиками, и Готарз захватил всю власть. В 49 г. ему удалось благополучно разгромить поддержанного римлянами Мехердата, сына Вонона I. Но в 51 г. он был убит, а царем стал сатрап Мидии, брат Артабана III, Вонон II. Через несколько месяцев он умер.

[К. Рыжов «Все монархи мира»]

1.14 Третья римско-парфянская война. Компромисс Корбулона.

После пятидесятилетнего невероятного династического хаоса в 51 г. на парфянском троне оказался наконец сильный владыка. Его звали Вологез I. Решившись покончить с ничейной ситуацией, он посадил своего брата Тиридата на армянский трон.

В 54 г. римский трон унаследовал молодой император Нерон, и он не собирался попустительствовать этому самоуправству. Он направил в Малую Азию самого способного из римских генералов — Гнея Домиция Корбулона.

Корбулон предложил компромисс. Пусть Тиридат остается на армянском троне, но присягнет на верность Риму, а не Парфии. Страна, которая формально была римской марионеткой, но управлялась парфянским царем, едва ли могла слишком сильно склоняться на ту или другую сторону, и обе конкурирующие державы были бы удовлетворены.

Парфия отвергла компромисс. Корбулон в 58 г. вторгся в Армению и проложил себе путь до Артаксаты, где столетием с четвертью раньше стоял Лукулл. Только в 63 г., однако, Корбулону, преследуемому завистью в Риме и упрямым сопротивлением в Ктесифоне, удалось осуществить свой компромисс. Тиридат остался царем, но под эгидой Рима.

Для Корбулона из этого не вышло ничего хорошего. Император Нерон был подозрительный тиран, которому заговорщики мерещились повсюду. В 67 г. вместо того, чтобы послать Корбулона в Иудею, где начиналось большое восстание, он послал генералу приказ покончить с собой. Корбулон повиновался, проворчав: «Так мне и надо», — это означало, что он заслуживал смерти за то, что не поднял восстание против тирана, еще имея за собой армию.

Впрочем, это не помогло Нерону. Он послал в Иудею другого генерала, Веспасиана (Нерон был убит в 68 г.). После некоторой неразберихи императором стал Веспасиан (как мог бы стать Корбулон, если бы уцелел).

В 70 г. Иудейское восстание было раздавлено, и Веспасиан установил дружеские отношения с Вологезом, который царствовал до 77 г.

[Айзек Азимов «Ближний восток»]

1.15 Снова династические конфликты

По свидетельству Плиния, Парфия в конце I в. распалась на 18 полусамостоятельных царств. Фактически парфянские цари имели реальную власть лишь в Ктесифоне и собственно Парфии. Но и здесь они не могли чувствовать себя спокойными. Преемнику Вологеза I, Пакору II, то и дело приходилось воевать с другими претендентами на престол. В 80-81 гг. власть у него оспаривал Артабан IV. В 105 г. царем провозгласил себя брат Пакора Вологез II. Не прекращались и внешние войны. С востока Парфии грозило Кушанское царство, с севера кочевники-аланы. Но наибольшая опасность по-прежнему исходила с запада – со стороны Римской империи. В 109 г. Пакор уступил власть другому своему брату – Орозу.

[К. Рыжов «Все монархи мира»]

1.16 Четвертая римско-парфянская война. Траян моет сапоги в Персидском заливе.

Только к 109 г. Парфия смогла перевести дух и Хосров I (Ороз) утвердился как единственный правитель страны. Несмотря на усталость Парфии от войны, Хосров взял на себя смелость нарушить компромисс, который поддерживал мир с Римом со времен Корбулопа. Он заменил правителя Армении другим, который признавал скорее парфянское, чем римское верховенство.

Случилось так, что римским императором был в то время Траян. Он был одним из лучших и талантливейших императоров и имел сильную склонность к экспансионистской политике и способность ее осуществлять. Он провел две громадные войны против воинственных и хорошо руководимых племен Дакии (нынешняя Румыния) и присоединил эту страну к империи.

В 115 г. он повернул на юг в Месопотамию и аннексировал ее северную часть. Область, где почти двумя столетиями раньше сражался и погиб Крассе, стала теперь римской и оставалась римской еще несколько веков. В 116 г. Траян переправился через Тигр и аннексировал регион, лежавший за Тигром, как провинцию Ассирия.

Затем на Тигре и Евфрате были построены римские суда, и они двинулись на юг. Двойной город Селевкия-Ктесифон попал в руки римлян. Руины Вавилона (Траян увидел жалкую маленькую деревушку)

услышали шаг римских легионов — и, наконец, римский император стоял на берегу Персидского залива.

Ни один римский полководец не проникал прежде так далеко на восток. Ни один, римский полководец не проник снова так далеко - Римская империя достигла максимальных размеров. От западной оконечности Испании до Персидского залива она простиралась более чем на 5 тыс. км.

Но Траян не был удовлетворен. Глядя на волны Персидского залива, он, говорят, печально произнес: «Если бы я был моложе!» Но он был стар. Ему было шестьдесят четыре, и возраст сказывался. Но даже будь он молод, как Александр, он должен был идти дальше, ибо тучи уже собирались вокруг него.

При всей внушительности его успехов, он находился в опасности. Крепость Хатра, находившаяся между реками, не сдалась его войскам и представляла собой постоянную опасность для его линии коммуникаций. Парфяне отступили перед ним, но их армия оставалась нетронутой в горах на востоке. В самой империи евреи Кирены подняли дикий и опасный мятеж.

Траян просто обязан был вернуться, невзирая на возраст. Он не выдержал. Он покидал Месопотамию уже больным и умер в Малой Азии еще на пути домой.

Адриан, его наследник, был сторонником мира. Он разумно рассудил, что завоеваний Траяна не удержать без постоянной вооруженной борьбы. Он уступил большинство из них, заключил мир с Парфией на основе старого Корбулонова компромисса и вернул Хосрову (Орозу) плененную Траяном дочь.

[Айзек Азимов «Ближний восток»]

1.17 Пятая римско-парфянская война. Пиррова победа Рима.

Однако полстолетия спустя авантюре Траяна суждено было повториться, причем так, что каждый из участников заплатил за нее дороже, чем прежде. В 161 г. Адриан умер, и два правителя наследовали ему как императоры. Одним из них был Марк Аврелий, философ, другим — Луций Вер, искатель наслаждений.

Парфянским монархом был в то время Вологез III, и ему казалось, что два римских монарха обречены на гражданскую войну. Поэтому он

мог без опасений (как он думал) нарушить компромисс Корбулона. Он захватил Армению.

Марк Аврелий, однако, был не просто философ. Он был способным правителем и полководцем. Он направил Луция Вера на Восток вместе с очень способным генералом Авидием Кассием. Кассий прошел путем Траяна, обрушившись на юг через Месопотамию.

В 165 г. он взял Селевкию. Это был крупнейший говорящий по-гречески город за пределами Римской империи, и даже тогда в нем проживало, быть может, 400 тыс. человек. Кассий без видимых причин, исключая желание погреться в лучах победы, приказал сжечь город. Это было сделано, и Селевкия уже никогда не оправилась. Великий город пришел к концу почти через пять столетий после своего основания. Далее Кассий взял Ктесифон и разрушил царский дворец, но город оставил относительно нетронутым.

За преступное разрушение Селевкии Парфия отплатила невольной, но ужасной мстью. Эпидемия черной оспы проложила себе путь через Азию и достигла Парфии. Римские солдаты гибли в количествах, достаточных, чтобы вынудить отступление из Селевкии.

Возвратившиеся солдаты разнесли эпидемию во все части империи, и в 166-м и 167 гг. она унесла несчетное число римлян. Болезнь ослабила империю больше, чем полномасштабное вражеское вторжение. Многие думают, что начало римского упадка можно датировать этой эпидемией, что империя настолько ослабла, что уже не могла полностью оправиться от бедствий, обрушившихся на нее в последующие десятилетия.

[Айзек Азимов «Ближний восток»]

1.18 Шестая римско-парфянская война. Опустошение парфянских городов.

В 197г., воспользовавшись очередной гражданской войной в Риме, сын Вологеза III, Вологез IV, попытался вернуть северную Месопотамию, но был отражен новым императором Септимием Севером. Построив корабли, тот быстро спустился по Тигру в Нижнее Двуречье, захватил Селевкию, Ктесифон и Вавилон.

В третий раз за восемьдесят лет Север разграбил их полностью, перерезав мужчин и уведя в рабство женщин и детей.

Но Рим был теперь слабее, чем при Траяне и Марке Аврелии. Ему

было труднее поддерживать армию так далеко от дома, и недостаток припасов заставил Севера повернуть назад. На пути назад он осадил Хатру, которая сопротивлялась так же упорно, как когда-то сопротивлялась Траяну.

[Айзек Азимов «Ближний восток»]

1.19 Закат парфянского царства

Систематическое опустошение римлянами самых богатых парфянских сатрапий привело к ослаблению их царства, которое в конце II в. окончательно распалось на множество фактически независимых княжеств. Внутренние усобицы ускорили падение династии Аршакидов. В 208 г., после смерти Вологеза IV, царем стал его сын Вологез V. В 213 г. против него выступил его брат Артабан V. После упорной войны он захватил Мидию, Парфию и часть Двуречья с Ктесифоном. Но Вологез твердо удерживал за собой Селевкию, Вавилон и несколько других городов. В 216 г. в Месопотамию вторглась римская армия во главе с императором Каракаллой. Для парфян это нападение оказалось полной неожиданностью, и Артабан смог собрать достаточные для отражения врага силы только в 217 г. В римской Месопотамии, в районе Насибиса, произошло ожесточенное трехдневное сражение, не принесшее победы ни одной из сторон.

Это была последняя война между Римом и Парфией.

[К. Рыжов «Все монархи мира»]

Примерно в эпоху Марка Аврелия район вокруг Персеполиса попал под контроль некоего пастуха (так говорит легенда) по имени Сасан. Его потомки звались в его честь Сасанидами.

В 211 г. после борьбы вокруг его наследства победителем стал внук Сасана Ардашир. (Это имя представляет собой позднюю персидскую форму древнего царского имени Артаксеркс). Ардашир начал утверждать свою власть над всей Персией и к 224 г. сделался национальным вождем иранства. Он двинул войска на Артабана V, который был тогда парфянским царем. Четыре года Ардашир накапливал силы, тогда как Артабан терял их. Наконец Артабан попытался перенести войну на персидскую территорию. В последней битве при Хормузе, на морском берегу вблизи устья Персидского залива, Ардашир разгромил и убил последнего из парфянских царей

и в 228 г. занял Ктесифон. Империя лежала у его ног. Только Хатра, упрямая цитадель парфянского государства, держалась еще почти двадцать лет, пока ее, наконец, не захватил сын Ардашира.

Так пришел конец династии, которая почти пять столетий управляла иранскими территориями и три с половиной столетия — Месопотамией. Арсакиды (Аршакиды), однако, вымерли не полностью. По условиям компромисса Корбулона один из Арсакидов еще правил в Армении, и династия продолжала там править еще несколько поколений.

[Айзек Азимов «Ближний восток»]

1.20 Культурное наследие

«Не заботило Арсакидов прекрасное и, выставляя что-либо напоказ, думали они не о наслаждении зрителей, не об их одобрении, а лишь о том, чтобы поразить взоры; ибо варвары — друзья не красоты, а одного лишь богатства» — так воспринимал и оценивал культуру парфян Лукиан. И этот строгий вердикт на многие столетия определил отношение европейской науки к парфянской культуре. О ней судили предвзято, целиком основываясь на оценках греческих и римских авторов.

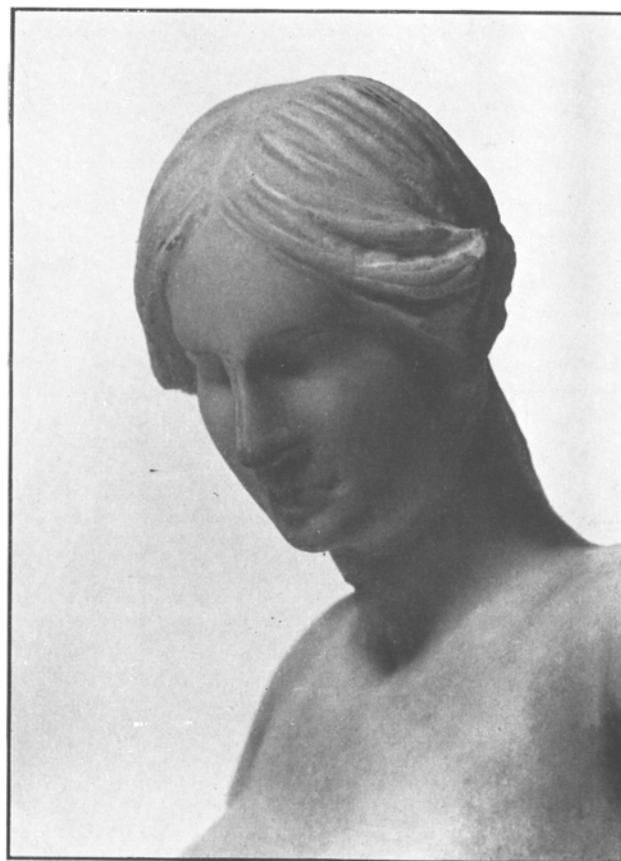
Такая предвзятость оценки роковым образом повлияла на сохранность памятников парфянской культуры.

В прошлом веке развернулись достаточно широкие по своим масштабам археологические раскопки на Ближнем Востоке. Археологи исследовали месопотамские и вавилонские города, храмы, дворцы. Их находки потрясали мир, перед которым вставали ранее почти совершенно не известные цивилизации шумерийцев, аккадян, ассирийцев, вавилонян. Но почти каждое сенсационное открытие несло с собой разрушение парфянских памятников. Ближний Восток был миром городов, живших тысячелетиями. Потомки строили свои дома на земле предков. И с каждым поколением рос «культурный слой» — чем выше, тем ближе он к нам по времени. Почти на самом верху, у самой дневной поверхности лежали парфянские слои, хранящие под собой остатки гораздо более древних эпох. И лопата археолога XIX века безжалостно разрушила парфянские слои. Скорее, скорее вниз, в глубину, на встречу с Ассирией, Вавилоном, Шумером, Аккадом. Парфянский слой, находки из него — ну, что же с ними церемониться, это же «варварское» искусство, искусство, не имеющее никакой ценности. Так копали Лофтус в Уруке-Варке, и Петерс — в

Нипшуре. Только в 20-е годы нашего столетия выяснилось, что раскопки прошлого века разрушали не менее ценные для истории цивилизации слои греческого и парфянского городов в Ниневии.

Современной науке история Парфии известна еще недостаточно. Можно смело сказать, что представление о Парфянской державе на современном уровне изученности ее — это почти то же самое, что представление европейцев об Африке до путешествия Стенли и Левингстона: достаточно четко известны внешние контуры, но глубины еще ждут своего открытия и таят тысячи тайн.

... Об уровне Парфянской культуры можно судить, например, по найденной при археологических раскопках статуе «Рогунда». Согласно сказанию, дочь Митридата I, Родогуна мыла волосы, когда пришла весть о нападении, и поклялась смыть их только тогда, когда враги будут уничтожены. Этот сюжет, по свидетельству римского писателя Филострата, существовал и в живописи (он сам описал виденную им картину, изображающую жертвоприношение Родогуны богам после победы), а греческий военный теоретик Полиен утверждал, что Родогуна с распущенными волосами изображалась на парфянских царских печатях.

Родогуна. Фрагмент скульптуры.

... Культурное наследие Парфии в значительной мере органично включилось в культуру государства Сасанидов.

В чем же заключается различие между этими двумя эпохами? Парфянская эпоха — это эпоха поисков. Бурный процесс взаимодействия различных художественных традиций и культур — определяющая черта в развитии искусства Парфии. Естественно, что разнообразие встающих при этом проблем порождало разнообразие ответов. Искусство же эпохи Сасанидов пошло иным путем — из множества решений, найденных парфянскими мастерами, отбирались единичные, соответствующие новым представлениям; решения, которые возводились в канон и совершенствовались. Искусство эпохи Сасанидов — искусство каноническое и именно в силу этого искусство рафинированное. Но и то и другое есть результат преемственности развития, результат усвоения и творческой переработки принципов предшествовавшего искусства — то есть искусства Парфянского государства.

Влияние парфянского художественного наследия не ограничивалось территориальными рамками государства Сасанидов. В период существования Парфянского государства и после его падения, влияние его культуры на востоке мы находим в государстве Кушан. Например, традиции парфянской скульптуры явственно видны во дворце Халчаяна, относимом к эпохе сложения этого государства, а принципы парфянского зодчества нашли применение в строительстве династийного храма кушанских царей в Сурх-Катале (Афганистан). На западе огромную роль в сложении искусства позднего Рима и Византии сыграли художественные центры Северной Сирии и Месопотамии (Эдесса, Хатра, Пальмира), своеобразие культур которых в значительной мере определялось воздействием парфянского искусства. Роль и значение искусства Парфии еще далеко не полностью выявлены исследователями, но, несомненно, одно — это была одна из ярких страниц в истории мирового искусства.

[Г.А. Коваленко «Родина Парфян»]

Часть 2. Великая Армения

2.1 *Природа и люди*

Армения страна горная. Непрерывные цепи гор с их бесчисленными отрогами покрывают поверхность земли, образуя гигантскую сеть. Между частыми сплетениями горной сети стиснуты глубокие лощины, мрачные ущелья и узкие равнины. Эти лощины, эти долины и равнины являлись отдельными областями, отделенными друг от друга естественными границами.

Насколько сильно была изрезана поверхность страны, настолько сильно раздроблены области. Поэтому Армения была той исключительной страной, в которой на небольшой территории имелось так много провинций. Провинции были изолированы друг от друга и почти не сообщались. Горы служили непроходимой преградой между ними, а долины - глубокими рвами. У человека встретилось много трудностей в борьбе с суровой природой.

Здесь утесистый кряж, внизу бездонная глубина, откуда едва доносится глухое рокотание реки, а в вышине нависают скалы, ежеминутно угрожающие обвалом и грозящие скрыть решительно все под собой. В этом грозном неистовстве природы только уроженец гор мог проложить себе дорогу, состязаясь в проворстве с дикими козами.

Кое-где дороги упирались в темные, дремучие леса. В них люди размножались, росли вместе с лесами, питались их плодами и за пределами своего густолиственного леса не признавали никакой иной страны.

Приближаясь к этим лесам, путники не столько боялись зверей, сколько жителей, засевших в лесных трупцах, как в логовищах. К трудностям путей сообщения, созданными горными и лесными препятствиями, присоединялись также и реки. Они протекали по глубокому каменистому дну, между берегами, с двух сторон окаймленными высокими, как крепостными стенами, скалами. Зажатые в узких ущельях, они были от бешенства, ревели, грохотали и пенистыми потоками бились о несокрушимые скалы, стремясь хоть немного расширить свое русло. Страшные каскады Аракса внушали путникам ужас.

В теснинах гор и ущелий армянские реки не допускали судоходства.

Они были судоходны лишь тогда, когда оставляли глубины ущелий и теснин и когда протекали по ровным долинам, тихо и плавно приближаясь к морю.

Пять великих патриархов, армянские реки: Тигр, Ефрат, Кура, Аракс и Фазис – были нетерпимы, а искусство строить мосты пока еще было бессильно сдерживать их под великолепными арками. Вот почему мост через Аракс, сооруженный императором Августом, был признан за чудо, недаром Virgilii воспел его в своих стихотворениях. А мост, сооруженный персидским царем Киром через ту же реку, считался творением бога.

Древнейший мост у города Арташата, называвшийся Таперакан, первоначально представлял собою свайную постройку, которая держалась лишь в тихий период реки.

Не меньшим препятствием для сообщения являлась зима, продолжительная зима Айастана (Армении).

Уже в октябре во многих местах, в особенности на возвышенностях, густой снег застилал долины, засыпал овраги, бесследно заносил дороги и прерывал всякое сообщение. Путники двигались по дорогам не иначе, как с длинными шестами в руках, для того чтобы в случае снежного обвала вышедшие на поиски могли догадаться по верхушкам шестов, что под снегом находятся люди. Шесты представляли и другие удобства. Опираясь на них, путники перепрыгивали через пропасти, а попав под обвал, пробивали ими отверстия, чтобы дышать.

Снежными опасностями подвергались не только обыкновенные смертные, но даже и цари. Царь Санатрук в детстве трое суток пробыл под снегом в объятиях своей няни. Их нашла белая собака, посланная на поиски и сторожившая это место до тех пор, пока не пришли люди. Царь Тиран Первый был погребен под снежной лавиной; его так и не смогли найти. Десять тысяч греков Ксенофонта, проходя через армянскую страну, обморозили себе руки и ноги, хотя зима только что начиналась. Ксенофонт приказал даже обмотать ноги коней теплыми мешками, но это не помогло. В дни Артавазда I армянская зима погубила восемь тысяч римских воинов Антония при его возвращении из персидского похода.

Ужасны армянские вьюги, бураны!

Свирепый ветер ожесточенно передвигает огромные снежные холмы и засыпает небо густой ледяной пылью. В эти роковые моменты всякое живое существо ищет места, где бы укрыться. На больших дорогах, в опасных местах, строились для укрытия караванов особые постоялые

дворы. Но редко во время буранов каравану удавалось благополучно добраться до места спасения: чаще всего его заносило снежной массой, иногда в нескольких шагах от убежища.

В горных местах почти половину года крестьяне жили вместе со своим скотом под снегом, в темных землянках. В этих подземных ямах, как хозяева, так и их скот имели достаточные запасы еды. Но голод и падеж скота были неизбежными спутниками затянувшейся зимы. Крестьяне добывали воду, оттаивали снег, но корма для скота достать было неоткуда.

Весеннее солнце вместе с теплом приносило наводнение. Овраги наполнялись мутными, шумными потоками, и сообщение становилось затруднительным. Но вот белые, покрытые снегом равнины у подножья гор начинали постепенно чернеть, затем покрывались чудесным зеленым покровом. Вместе с щебетанием ласточки доносилось блеяние новорожденных ягнят. Пастухи устраивали свои шалаши на усеянных цветами пастбищах.

У подножья гор, на равнинах, созревали гранаты, инжир, маслины. Золотистым янтарем отливали гроздья винограда, и, подобно косам светловолосой девушки, волновались, развевались отяжелевшие колосья. А там, на высотах, выделялись очертания снежных вершин гор, и широким, густыми слоями все еще неподвижно лежал снег в вековых углублениях скал.

В долинах, на низменных и ровных местах летняя духота и зной становились еще более нестерпимыми, чем зимний холод. Солнце жгло, небо извергало огонь. Люди, спасавшиеся от зимней стужи в землянках, теперь убегали со своим скотом на прохладные горные высоты. И так в течение каждого года совершалось это переселение, - от тепла к холоду и от холода к теплу. Но переселение это происходило в пределах своей области.

Жестокие условия природы, полные крайностей, создавали таких же жестоких и суровых людей. Это и было причиной того, что их обычаи, нравы, поведение и вообще весь общественный строй носили отпечаток тех природных условий, в которых им приходилось жить.

Реки, огромные озера, горные цепи с их многочисленными отрогами, изрезавшие поверхность страны, создавали множество мелких частиц, каждая из которых представляла собой особую провинцию, отделенную естественными границами.

[Раффи «Самвел»]

2.2 Как парфяне стали армянскими царями.

Долгое время армянских Аршакидов сравнивали с потомками датчанина Рюрика на Руси. Пришли, мол, и стали править. Хотя и инородцы. По с Аршакидами это не совсем верно. В предыдущих главах мы уже пытались убедить читателя в том, что и у армян, и у персов, а парфяне — тоже персы, единые индоарийские корни и единая первоначальная религия. Даже в сегодняшнем языке того и другого народа очень много общих слов и общих имен собственных. А в то время им и переводчик не был нужен, они говорили на родственных языках.

В 149 г. до Р.Х. Митридат I (171—138 г.г. до Р.Х.) по просьбе армянской знати дать им царя из его парфянского рода возвел на престол Армении своего брата Вагаршака (Валаршака). Воцарение нового государя не обошлось без новых кровопролитных схваток с Селевкидами. Но Вагаршак вышел с честью из всех испытаний. Он правил в Армении 22 года, после чего воцарился на 13 лет его сын — Аршак I Армянин. Прозвище царя, естественно, было условным, ибо носило чисто географический смысл. На самом деле армянский царь по происхождению был парфянином.

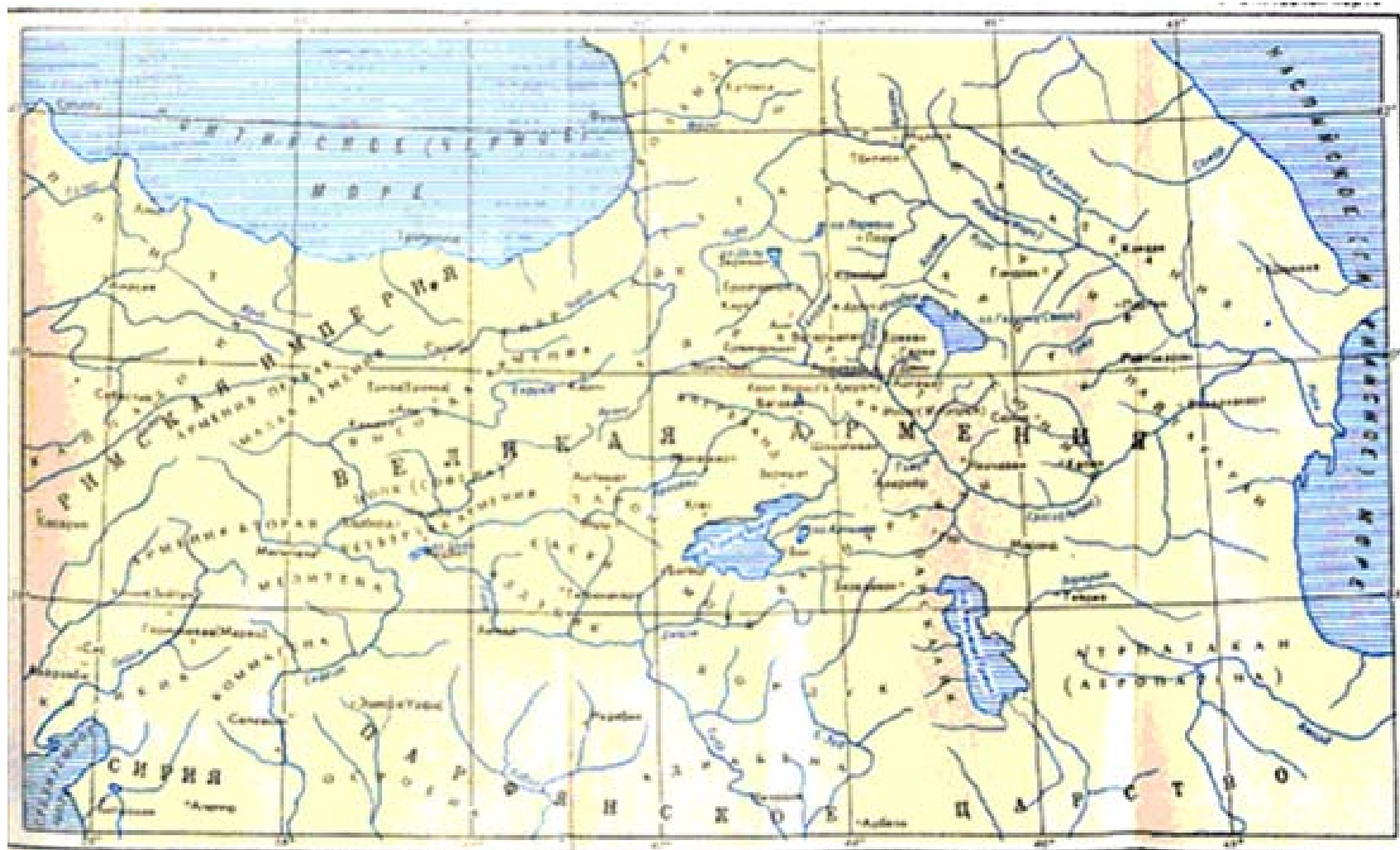
[Юрий Асадов «Родословные тайны армянских князей»]

Выдержка из письма Вагаршака, царя Армении Аршаку Великому, царю Персии (Митридату I).

« Аршак, царь земли и моря, особой и обликом воистину сходный с нашими богами, счастьем же и удачей превзошедший всех царей и широтой мысли подобный небу над землей! Валаршак, твой младший брат и соратник, поставленный тобой царем в Армении, желает здоровья тебе и неизменных побед! ».

[Мовсес Хоренаци «История Армении»]

Карта Великой Армении.

Автор карты А.М. Восканян, редактор С.Т. Ермян

Картограф П.Г. Погосян

2.3 Генеалогическое древо.

АРМЯНСКИЕ ЦАРИ ИЗ ДИНАСТИИ АРШАКИДОВ: ВЕТВЬ ПЕРВАЯ	
Вагаршак I Великий, брат парфянского царя Митридата I	149-127 г.г. до Р.Х.
Аршак I Армянин, сын Вагаршака I	127—114 г.г. до Р.Х.
Артасес I Парфянин, сын Аршака I	114—89 г.г. до Р. Х.
Тигран II Великий, сын Артасеса I	89—55 г.г. до Р.Х.
Артавазд II, сын Тиграна II	55—34 г.г. до Р.Х.
Аршам (Артасес), сын Артасеса I	30—20 г.г. до Р.Х.
Тигран III, сын Артавазда II	6—8 г.г. до Р.Х.
Тигран IV, сын Тиграна III, и его сестра Эрато, дочь Тиграна III	8—5 г.г. до Р.Х.
Артавазд III (Артаван), сын Артавазда II	5—3 г.г. до Р.Х.
снова — Тигран IV и Эрато	3 г. до Р.Х. — I г. н.э.

АРМЯНСКИЕ ЦАРИ ИЗ ДИНАСТИИ АРШАКИДОВ: ВЕТВЬ ВТОРАЯ, ЭДЕССЕЙСКАЯ (НИЖНЯЯ И МАЛАЯ АРМЕНИЯ)	
Абгар Укама, сын Аршама	1—36 г.г. н.э.
Ананун, сын Абгара	37—38 г.г.
Санатрук Аршакид, племянник Абгара	38—68 г.г.
и далее несколько царей, носивших имя Абгар и другие имена, — на троне в Эдессии и Нисибине...	

РИМСКИЕ СТАВЛИНИКИ ИЗ ЧИСЛА АРШАКИДОВ (1-62 г.г.) В ВЕРХНЕЙ АРМЕНИИ	
марзпан Ариобарзан Арцруни-Аршакид	1—15 г.г.
марзпан Зенон Парфянин, сын парфянского царя Фраата IV	15—16 г.г.
марзпан Аршез Аршакид, сын парфянского царя Артавана III	16—18 г.г.
марзпан Зенон (Артасес) Понтийский	18—34 г.г.
марзпан Аршак Парфянин, сын парфянского царя Артавана III	34—34 г.г.
марзпан Митридат Аршакид, брат иберийского царя Фарсмана	34—50 г.г.
марзпан Радамист Иберийский, сын царя Фарсмана	50—51 г.г.

марзпан Трдат I Аршакид, брат парфянского царя Вологеса I	51—57 г.г.
марзпан Тигран V Аршакид, племянник Тиграна IV	57—62 г.г.

АРМЯНСКИЕ ЦАРИ ИЗ ДИНАСТИИ АРШАКИДОВ: ВЕТЬ ТРЕТЬЯ (ВЕЛИКАЯ АРМЕНИЯ)	
Трдат I, брат парфянского царя Вологеса I	62—68 г.г.
Ерванд II Аршакид (из боковой ветви)	68—79 г.г.
Вагарш I (он же — Арташес II), сын царя Санатрука Аршакида из Эдессии	79—130 г.г.
Артавазд IV, сын Вагарша I	130—132 г.г.
Тиран I, сын Вагарша I	132—153 г.г.
Тигран II, сын Тирана I	153—181 г.г.
Вагарш II Партев, сын Тиграна II	181—194 г.г.
Хосров I Великий, сын Вагарша II	194—215 г.г.
Трдат II (Хозрой), сын Хосрова I	215—262 г.г.
Хормизд-Арташир Сасанид, сын персидского царя Шапура I (Аршакида по матери)	262—272 г.г.
междущарствие — персидские марзпаны	272—286 г.г.
Трдат III Великий, внук Трдата II	287—330 г.г.
междущарствие: Санатрук Аршакид и Пакор	330/330 г.г.
Хосров II Малый, сын Трдата III	330—338 г.г.
Тиран II, сын Хосрова II	338—350 г.г.
Аршак II, сын Тирана II	350—367 г.г.
Пап, сын Аршака II	368—374 г.г.
Вараздат, племянник Аршака II	374—376 г.г.
междущарствие: Аршак III и Вагаршак III, сыновья царя Папа	378—388 г.г.
Аршак IV	388—388 г.г.
Хосров III Аршакид (из боковой ветви)	388—389 г.г.
Врамшапук Аршакид, брат Хосрова III	389—415 г.г.
снова — Хосров III	415—416 г.г.
Шапур Сасанид, сын персидского царя Йездигерда I	416—420 г.г.
междущарствие: патриарх Саак I Партев и его племянник — ишхан Вартан Таронский	420—423 г.г.
Арташес III (Арташир), сын Врамшапуха Аршакида	423—428 г.г.

[Юрий Асадов «Родословные тайны армянских князей»]

2.4 Арташес I

С 114 года до Р. Х. в Армении в течение 25 лет правил старший сын Аршака I Армянина — Арташес I Парфянин, которого историки долгое время путали с Арташесом из династии Арташесидов. Но прозвище царя уместно уточняет его происхождение. Греческий историк Поликрат, называя Арташеса I Парфянином, так говорил о нем: «По мне, Арташес Парфянин превзошел Александра Македонского, ибо, оставаясь в своей стране, властвовал над Фивами и Вавилоном...» Историк Флегониос также называл Арташеса Парфянином.

Этот легендарный государь Армении сумел перехватить пальму первенства у своего родственника — персидского Аршакида Митридата II, и отобрал у последнего титул «царя царей» и право чеканить монету с изображением своего профиля. Чуть позже Арташес I Парфянин захватил также разные большие и малые малоазиатские государства, разгромил Фракию и Элладу.

[Юрий Асадов «Родословные тайны армянских князей»]

На двадцать четвертом году персидского (парфянского) царя Аршакана в Армении вступает на престол Арташес, сменив своего отца Аршака. Преуспевая (в делах), он не ограничивается вторым престолом, а домогается главенства. Аршакан не противится и соглашается уступить ему первопрестольную власть. Ибо Арташес был мужем гордым и воинственным; он и свой царский двор учредил в Персидской стране и монету стал чеканить особую, со своим изображением.

...Арташес велит собрать рать в восточном и северном краях столь огромную, что оказывается невозможным ее сосчитать, но лишь оставлять на дорогах и на стоянках признак ее многочисленности — кучи камней, набросанных по количеству людей. Далее, он движется на запад и берет в плен лидийского царя Креза.

В Азии он находит отлитые из меди и позолоченные статуи Артемиды, Геракла и Аполлона и велит перевезти в Армению с тем, чтобы они были установлены в Армавире.

Арташес овладевает сушей между двумя морями и заполняет Океан множеством кораблей, стремясь поработить весь Запад. Так как в Риме были большие смуты и мятежи, то никто не сопротивлялся ему достаточно упорно. Однако не могу сказать, по какой именно причине возникает некое страшное смятение, и толпы воинов принимаются уничтожать друг друга;

Арташес же, пытаясь бежать, погибает, как говорят, от руки собственных ратников после двадцатипятилетнего царствования.

Скамадрос же пишет: «Возгордившийся лидийский царь Крез обманулся ответом оракула Пифии: «Крез, перейдя реку Алис, погубит государство». Полагая, что это относится к чужим, он погубил самого себя, ибо Арташес Парфянин заковал его и водрузил на железную жаровню. (Крез же, вспомнив слова Солона Афинского, стал говорить на своем языке: «О Солон, Солон! Мудро ты сказал, что человека «не следует считать счастливым до его кончины». Услышали находившиеся поблизости и рассказали Арташесу, что Крез призывает какое-то новое божество. Арташес смилостивился и велел привести его к себе; спросив и узнав, о чем тот кричал, он приказал прекратить его истязания».

Пишет и Флегониос: «Арташес Парфянин превзошел мощью всех царей; он не только победил лидийцев и взял в плен Креза, но и изменил природу стихий в Геллеспонте и во Фракии: плыл по суше и ступал по морю, угрожая фессалийцам. Молва о нем поразила эллинский мир. Он сокрушил лакедемонян, обратил в бегство фокейцев; локрийцы сами сдались ему, беотийцы вступили в его подданство. Вся Эллада трепетала перед ним.

Но немного спустя он превзошел всех и в отношении бедствий. Не так тяжело было положение Кира в войне с мазкутами и не перенес столь тяжелых испытаний Дарий при бегстве от скифов, а Камбис — от эфиопов; меньше было и то, что (претерпел) Ксеркс при походе на Элладу, оставив там богатство и шатер и еле спасши свою жизнь в бегстве. Но Арташеса, прославившегося величайшими победами, умертвили его собственные воины».

[Мовсес Хоренаци «История Армении»]

2.5 Тигран II Великий

Первые десятилетия I в. до н. э. в истории Армении занимают особое место. В этот период новый царь Армении Тигран II, прозванный Великим (95 — 55), встав на путь внешних завоеваний, создал большое государство. Армения превратилась в одну из самых могущественных держав того времени.

Тигран II начал свою деятельность с того, на чем остановился его дед Арташес I, — с присоединения Софены — армянской приевфратской области, бывшей до того отдельным царством. В Софене правил потомок Зареха Артан. Уже в 94 г. войска Тиграна без труда овладели страной.

Этот шаг вывел Армению в сферу оживленных международных отношений. Софена с давних пор была связана политически с соседней Каппадокией, с чьей помощью в основном и сохраняла самостоятельность. Теперь Каппадокия сама находилась под угрозой поглощения безмерно усилившимся соседним Понтийским государством. Царь Понта Митридат VI Евпатор стремился сблизиться с Арменией. Он направил к Тиграну посольство с предложением заключить союз. Для Тиграна союз с могущественным Понтом был выгоден и желателен. Союз был закреплен браком между Тиграном и юной дочерью Митридата Клеопатрой.

В числе прочего, стороны договорились о захвате Каппадокии, причем по договору территория этой страны должна была отойти к Понту, а Тигран мог забрать всю движимость и депортировать население. Каппадокии предстояло стать тем источником, откуда Армения черпала бы необходимые ей людские массы — городское население и рабов.

Первый поход армянских войск в Каппадокию был предпринят в 93 г. Страна была захвачена, царь Ариобарзан бежал в Рим. По приказу из Рима Сулла, губернатор Суровой Киликии, ставшей к этому времени римской провинцией, восстановил власть каппадокийского царя. Однако уже в 91 г. военачальники Митраас и Багой вновь овладели Каппадокией. Лишь два года спустя Риму удалось вернуть Ариобарзана на престол.

На пути осуществления завоевательной программы Тиграна II стояли в первую очередь парфяне, завладевшие Мидией, Атропатеной, странами Северной Месопотамии и обосновавшиеся на Армянском нагорье, в области «Семьдесят долин». Около 87 г. до н. э. армянские войска вступили в эту область и, продвигаясь далее, вторглись в Мидию-Атропатену и собственно Мидию. Преследуя парфянские войска, они подступили к Экбатанам — одной из резиденций парфянского царя. Во время осады города был предан огню расположенный за его стенами царский замок Адрапана. Устрашенный парфянский царь Готарз поспешил заключить мир и не только отказался от «Семидесяти долин», но и передал Тиграну власть над Мидией-Атропатеной и странами Северной Месопотамии. Он отказался также от традиционного титула парфянских властителей «царь царей» в пользу Тиграна II. Последний укрепил свою власть над Мидией-Атропатеной браком своей дочери с царем этой страны и обратил свое внимание на юг.

Здесь за столетие до этого, при Арташесе I, к армянскому государству была присоединена область Тморик. Теперь власть Тиграна распространилась и на соседнее небольшое царство Кордуену (Кордук), и на расположенную вдоль среднего течения Тигра Адиабену. Вслед за этим были заняты области Северной Месопотамии Мигдония с центром Нисибином и Осроэна с городом Эдессой. Теперь уже только Евфрат отделял владения Тиграна от стран, оставшихся под властью Селевкидов.

Селевкидские цари уже потеряли былую мощь. Центральная власть была бессильна обеспечить политическую целостность государства, безопасность торговли, сплотить вокруг себя важнейшую составную часть государства — эллинистические города. Господствующий класс не был удовлетворен царской властью и помышлял о смене ее. Римский историк Юстин повествует: «Некоторые думали, что надо пригласить Митридата Понтийского, другие — египетского Птолемея... Все сошлись на кандидатуре Тиграна, который не только имел свою военную силу, но и был союзником парфян и тестем царя Митридата. Итак, будучи приглашен занять престол Сирии, Тигран в течение 17 лет правил в полном спокойствии; он не мешал другим войнами и никто его не тревожил, так что воевать не было необходимости».

Так в 83 г. до н. э. Тигран II в столице Селевкидов Антиохии-на-Оронте воссел на их трон. Его войска продвинулись далее на юг вдоль Средиземного моря и заняли Финикию. Были завоеваны также Равнинная Киликия и Коммагена. Армянская держава стала непосредственно граничить с Римской республикой, обосновавшейся до этого в Горной Киликии.

Держава Тиграна II охватывала значительную часть Передней Азии. Она простиралась от Средиземного моря до Каспийского и от реки Куры до Месопотамии. Кроме того, в сфере ее влияния находились сопредельные страны и народы — Иберия и Албания на севере, многие арабские племена — на юге.

Новосозданная держава была типичным эллинистическим государством, хотя и меньшим по величине, но вполне сходным по структуре и функциям с предшествовавшими ей державами Селевкидов и Александра Македонского, прототипами которых, в свою очередь, были Ахеменидское, Мидийское, Ассирийское государства. Все они, как и держава Тиграна, являлись экономически и этнически пестрыми военно-политическими объединениями, состоявшими из обществ, находившихся на самых разных уровнях развития. Наиболее

важной, экономически и культурно развитой из завоеванных Тиграном стран была Сирия — ядро некогда обширной державы Селевкидов. В ее состав входили крупные и богатые полисы (города) — центры ремесла, торговли и культуры, имевшие свои земледельческие области, и среди них Антиохия-на-Оронте, столица Селевкидов, ставшая южным центром державы Тиграна. Южнее Сирии, по западному побережью Средиземного моря, тянулись древние финикийские города — Тир, Сидон, Берит (Бейрут), Арад и другие, которые в I в. до н. э. все еще сохраняли свое значение в традиционной торговле между Востоком и Западом.

Во главе стран, захваченных у Селевкидов, был поставлен один из приближенных Тиграна Багарат, его резиденцией стала Антиохия.

Примыкавшие к южным границам Великой Армении Осроэна и Мигдония были самыми плодородными областями Северной Месопотамии. Возникшие при Тигране экономические и особенно культурные связи между этими странами и Арменией в дальнейшем все более укреплялись и сыграли заметную роль в истории армянского народа. Правителем месопотамских стран был поставлен Гурас, брат армянского царя, с резиденцией в Нисибине.

К востоку от Мигдонии, по левому берегу Тигра, располагалась Кордуена, уже в это время наполовину армяноязычная. В дальнейшем она составила часть исторической Армении. Ниже по течению Тигра была расположена Адиабена, охватывавшая большую часть исторической Ассирии, в частности, ее столицу Ниневию. На восток от этих стран, вплоть до Каспийского моря простиралась обширная Мидия-Атропатена с городами Ганзака и Фрааспа. По сравнению с западными областями державы Тиграна, восточные области существенно отставали в экономическом развитии.

С завоеванных стран взималась дань, по-видимому, весьма тяжелая, если судить по накопленным Тиграном богатствам, роскоши его двора, размеру государственного строительства, величине военных расходов. Понятно, что тяжесть налогов и податей падала и на саму Армению. Покоренные страны обязаны были предоставлять Тиграну войско. Подобные обязательства имелись и у тех стран, которые, не входя в состав державы, находились в сфере ее влияния. Армия Тиграна, по описанию Плутарха, включала, помимо войска армян, силы атропатенских мидян, адиабенцев, гордиенцев, арабов, мардов, иберов, албан и других народностей.

Положение различных завоеванных стран не было однотипным. Так, например, если цари Атропатены и Кордуены остались на своих тронах, а первый из них даже стал зятем армянского царя, то Месопотамия и Сирия были обращены в административные единицы, управлявшиеся назначенными Тиграном сатрапами.

Одним из важнейших мероприятий Тиграна было упорядочение торговли. Оно было важно не только для купцов, но также для землевладельцев, владельцев ремесленных мастерских, сбывавших свои изделия на рынках многих стран. Основные торговые пути с запада на восток, включая средиземноморские порты, откуда эти пути начинались, располагались на территории новосозданной державы. Некоторые арабские кочевые племена были поселены Тиграном вдоль торговых путей, в местах переправ, горных проходов и т. п., чтобы сделать эти пути безопасными, удобными, а также наладить сбор таможенных пошлин. Такие посты были созданы, например, в Зевгме, на переправе через Евфрат, в горном проходе Амана, соединявшем Киликию с Сирией и т. д. В деле упорядочения морской торговли Тигран не располагавший собственным флотом, также опирался на другие народы, в частности, на прибрежное население Киликии.

Хорошо понимая огромную роль городов, в особенности богатых и влиятельных сирийских городов, в системе державы, Тигран II проявлял к ним большое внимание. Ряд городов получил право чеканки монет и другие привилегии.

Старая столица Армении Арташат осталась на севере, новая — Антиохия находилась вне Великой Армении. Возникла необходимость создать столицу в такой области Армении, чтобы она одновременно могла служить центром державы. В 80-х годах до н. э. на берегу одного из северных притоков верхнего течения Тигра, в армянской области Ахдзник был основан город Тигранакерт — новая столица державы.

Тигран совершил ряд насильственных переселений из городов Киликии, Каппадокии и Месопотамии. Так, например, из Каппадокии было депортировано все население ее столицы Мазаки, из Киликии — население эллинистических полисов Сола, Адана, Эпифания и ряда других. Конечно, эти громадные, порядка полумиллиона, массы людей не могли быть поселены в одном только Тигранакерте. В античных источниках Тигранакерт предстает как большой, великолепно отстроенный и богатый город, со стенами высотой в 25 метров, с царскими дворцами и загородными парками. Однако первый этап жизни этого города, до его разрушения римлянами, длился всего 10—15

лет, и в течение этого времени население его не могло бы достигнуть цифры, превышающей 100 тысяч. Остальные переселенцы размещались, стало быть, в других городах и местностях. Известно, в частности, что, помимо столичного города Тигранакерта, при Тигране появилось еще два города с таким же названием в области Утик и Арцах, и Тигранаван в Гохтне. Кроме того, пополнялось также население старых городов - Арташата, Ервандашата, Зарехавана, Заришата и др., о чем можно судить по данным армянских источников.

Чужеземное население армянских городов, если не считать евреев, чьи общины в этих городах сохранялись еще в IV в. н. э., скоро вступило на путь ассимиляции с армянами.

В то время как в Армении царский двор был занят внутренними делами обширной державы, на западе назревала опасность римского вторжения.

К 70 г. до н. э., когда Тигран II впервые вступил в дипломатические сношения с Римом, соседний Понт уже успел, начиная с 89 г., провести три войны против Рима.

Вначале счастье улыбнулось Понту, но потом начались неудачи. Луцию Лукуллу, одному из блестящих полководцев Рима удалось шаг за шагом оттеснить Митридата в Понт и нанести ему сокрушительное поражение. Митридат бежал в Армению и тем положил начало конфликту, который далее перерос в чреватую для Армении тяжелыми последствиями римско-армянскую войну.

Выдающийся полководец и опытный политик, Тигран II, однако, недооценил римскую опасность. Взирая со стороны на отчаянную борьбу Понта с Римом, он упустил из виду, что его внутренние, на первый взгляд не касающиеся Рима предприятия весьма остро затрагивали римские интересы. Рано или поздно, но Рим должен был столкнуться с новой, выросшей на Востоке силой, и этот момент приближался. В 70 г. Лукулл прислал к Тиграну своего представителя Аппия Клавдия с требованием выдать Митридата: понтиец должен был украсить триумф Лукулла в Риме. Приняв посланца Лукулла в Антиохии, Тигран отказался выдать Митридата, что послужило Лукуллу поводом для войны с Арменией.

Еще по пути в Антиохию Аппий Клавдий совершил разведывательную поездку по Армении, различными посулами сея рознь между подвластными Тиграну династами и царями. Он сумел склонить многих из них к мятежу, в частности, царя Кордуены Зарбиена. Римляне, таким образом, уже готовились к войне независимо от

результатов переговоров с Тиграном или же предвидя его отказ. Тигран, однако, продолжал пребывать на юге державы, осаждая город Птолемаиду близ границ Египта, последний оплот селевкидской царицы Селены. Вернувшись из Антиохии, он завершил осаду, захватив царицу Селену. К стенам взятой Птолемаиды явились послы царицы соседней Палестины, чтобы ларами и уговорами предотвратить ожидавшийся поход Тиграна в Палестину.

Такова была обстановка весной 69 г., когда Тигран, как сообщает об этом историк Иосиф Флавий, внезапно получил известие о вторжении Лукулла в Армению. Со своей шеститысячной гвардией Тигран поспешил на север, приказав сатрапу Сирии Багарату вести за ним войска.

Чтобы приостановить стремительное продвижение Лукулла по Армении, наперерез ему был отправлен армянский полководец Меружан, однако его отряда оказалось недостаточно; Меружан потерпел поражение и пал на поле битвы. Тигран же по прибытии в Армению застал столицу Тигранакерт уже осажденной. Темной ночью его гвардия, пробившись сквозь кольцо римских войск в город, вывезла оттуда казну и гарем царя.

Собрав 70—80 тысяч войска, Тигран подступил к осаждавшим Тигранакерт римлянам. Армии встретились близ Тигранакерта, на берегу реки Никефорион (ныне Фаркин-су) 6 октября 69 г. до н. э. Оставив отряд под стенами города, чтобы оградить свой тыл от вылазки гарнизона, Лукулл с основными силами занял позицию на берегу реки. На противоположном берегу расположилось войско Тиграна. Ударив одновременно с двух флангов по многочисленному, но пестрому по составу армянскому войску, римляне внесли панику и расстройство в его ряды и рассеяли его.

Теперь они могли обратить все внимание на осаду Тигранакерта, которая длилась уже несколько месяцев. Задача римлян была сильно облегчена предательством греческих наемников, находившихся на службе коменданта Тигранакерта, армянского полководца Манкая. Увидев с башен города, чем завершилась битва с Тиграном, они сочли его поражение окончательным и открыли ворота города римским войскам. По приказу Лукулла римляне разграбили Тигранакерт и разрушили его до основания.

Между тем Тигран и Митридат, прибывший из отведенной ему крепости, уже набирали и обучали новое войско, а также искали

союзников. Они обратились к парфянскому царю Фраату с предложением союза против римлян, обещая вернуть захваченные Тиграном земли и предостерегая против неизбежного в будущем нападения римлян на Парфию. Фраат колебался; его ответа ждало также посольство от Лукулла. В итоге он дал неясные обещания обеим сторонам.

Лукулл направился на север с намерением захватить также вторую столицу Армении — Арташат и тем завершить войну. Армянское войско придерживалось теперь новой тактики — изматывало противника мелкими стычками, затрудняло снабжение продовольствием, уничтожало отделившиеся группы врага. Начав поход на север в начале лета, Лукулл лишь осенью добрался до переправы через Арацани. Свои измученные легионы он воодушевил перспективой богатой добычи при захвате "Армянского Карфагена" - Арташата. Угроза потерять Арташат заставила Тиграна решиться на битву. Сражение произошло у переправы через Арацани. На этот раз римлянам противостояла армия не столь многочисленная, как при Тигранакерте, но лучше обученная и набравшаяся опыта в борьбе с римлянами. В сражении римляне понесли огромные потери и не смогли продолжить продвижение на север. Через несколько дней под давлением своего войска Лукулл начал отступление. Чтобы вновь завоевать благорасположение армии, Лукулл повел ее на Нисибин, богатый город Северной Месопотамии, суливший большую добычу. Взятие после нескольких месяцев осады Нисибина было последним успехом Лукулла в этой армянской кампании.

Тигран тем временем возобновил активные боевые действия, очищая от римлян южные области Армении. Митридат же с приданным ему армянским войском вторгся в Понт и отвоевывал свое царство. Нанеся поражение одному из оставленных там военачальников Лукулла Фабию, он двинулся на другого из них — Триария. Лукулл поспешил на помощь, но опоздал — войско Триария потерпело поражение и было почти полностью истреблено. В этих условиях солдаты Лукулла отказались воевать с Митридатом. Не пошли они и против Тиграна. Вскоре стало известно, что римский сенат, недовольный действиями Лукулла, сместил его и передал командование на Востоке Гнею Помпею.

Казалось, обстоятельства благоприятствуют восстановлению довоенного положения Армении. Этому, однако, помешала междоусобица. Еще в предыдущем 67 г. сын Тиграна II Тигран

Младший, опираясь на недовольные политикой царя элементы, в частности — на представителей родовой знати, восстал против отца и, потерпев поражение, нашел убежище у парфян.

Парфянский царь Фраат принял его и обласкал, выдал за него свою дочь и ждал удобного момента, чтобы возвести его на престол Армении вместо ненавистного Тиграна II. Ходили также слухи, что Тиграна Младшего подзадоривал и его дед с материнской стороны Митридат Евпатор. Вскоре Фраат с Тиграном Младшим вторглись в Армению. Сначала им сопутствовала удача, и они даже осадили Арташат, а Тигран II отошел в горы. Однако осада затянулась, Фраат должен был уйти, оставив Тиграну Младшему лишь часть войска. Вернувшись, Тигран II разгромил эти силы, а его сын, изверившись в парфянах, бежал на этот раз к Помпею, уже прибывшему на место военных действий и развернувшему энергичную деятельность. Спор между отцом и сыном был для него чрезвычайно благоприятным обстоятельством.

Помпею удалось разбить Митридата и принудить его к бегству. Митридат направился на север в Крым, в принадлежавшее ему Боспорское царство. По дороге он попытался вновь заручиться поддержкой Тиграна II. Однако последнему было не до него: в сопровождении Тиграна Младшего Помпей вторгся в Армению, направляясь вдоль Аракса к Арташату. Армения вновь оказалась перед тяжелыми испытаниями, ей угрожала потеря самостоятельности. Считая вооруженную борьбу в создавшихся условиях столь же доблестным, сколь и гибельным делом, Тигран II выбрал другой путь. 75-летний царь, один, без сопровождающих, безоружный, явился в лагерь Помпея. Этот шаг, как бы его ни расценивали античные авторы, был продуманным, дипломатически и психологически безупречным ходом; был учтен и характер простодушного и тщеславного Помпея. Расчувствовавшийся римлянин обнял старца и посадил рядом с собой. Помпеи предпочел отца — противника парфян сыну — их другу. Тигран II остался царем Великой Армении, а сын получил престол Софены, т. е. практически ничего, ибо этот престол был уже ранее пожалован ему отцом. Выразивший недовольство Тигран Младший был взят по приказанию Помпея под стражу.

В 66 г. было подписано мирное соглашение, которое при сложившихся обстоятельствах можно считать дипломатическим успехом Тиграна, несмотря на тяжесть условий договора. Армения лишилась всех внешних территориальных завоеваний и заплатила

огромную контрибуцию; однако государство Великая Армения осталось целостным. Оно было объявлено «другом и союзником римского народа».

Войско Помпея осталось на зимовку в долине реки Куры. Здесь оно подверглось нападению иберов и албан, но отразило его. В 65 г. Помпей сам двинулся на иберов, победил их и намеревался преследовать Митридата. Однако, получив весть о восстании албан, Помпей направился в Албанию и привел ее к повиновению.

В 64 г. Помпей занимался малоазийскими и сирийскими делами. Он сверг с сирийского престола Антиоха Азиатского, Селевкида, посаженного на престол Лукуллом. Сирия была объявлена римской провинцией.

Тем временем парфяне вторглись в Кордуену и завладели ею. Войско, посланное Помпеем, выбило их оттуда и вернуло область Армении. В 64 г. парфяне вновь вторглись в Армению. Тигран II обратился к Помпею, к нему же обратились и парфяне. Третейские судьи, посланные Помпеем, решили спор в пользу Армении, вследствие чего в ее составе остались не только Кордуена, но и некоторые земли Северной Месопотамии. Рим явно пересмотрел свою позицию в отношении Армении, заигрывая с нею в предвидении будущей парфянской опасности. Помпей даже восстановил титул Тиграна «царь царей», который после поражения Тиграна перешел было вновь к парфянам. Фраат III, который наконец-то начал постигать суть римской политики, уступил и решил потерпеть, питая, в свою очередь, надежду на союз с Арменией в будущей борьбе против Рима.

В 63 г. разнеслась весть о смерти Митридата Евпатора, которую римляне восприняли с восторгом. Несгибаемый старец до последнего вздоха не оставлял мысли о сведении счетов с Римом. В Боспорском царстве он набрал и обучил сильную армию, с которой намерен был по Северному Причерноморью через Фракию вторгнуться в Италию. После решения территориальных споров с Парфией, когда Кордуена отошла к Армении, примерно десять лет, до самой смерти Тиграна II (55 г. до н. э.), Армения пребывала в состоянии мира. Страна несколько отдохнула от прошедших над ней военных и политических бурь.

[Н.Г. Нерсисян «История армянского народа»]

Тигран Великий

(95-56 гг. до р. Х.)

*В торжественном, лучистом свете,
Что блещет сквозь густой туман
Отшедших вдале тысячелетий, -
Подобен огненной комете,
Над миром ты горишь, Тигран!*

*Ты понял помыслом крылатым
Свой век, ты взвесил мощь племен,
И знамя брани над Ефратом
Вознес, в союзе с Митридатом,
Но не в безумии, как он.*

*Ты ставил боевого стана
Шатры на всех концах земных:
В горах Каказа и Ливана,
У струй Куры, у Иордана,
В виду столиц, в степях нагих.*

*И грозен был твой зов военный,
Как гром, спадавший на врагов:
Дрожал, заслыша, парф надменный,
И гневно, властелин вселенной,
Рим отвечал с семи холмов.*

*Но, воин, ты умел Элады
Гармонию и чару чтить;
В стихах Гомера знал улады,
И образ Мудрости-Паллады
С Нанэ хотел отождествить!*

*Ты видел в нем не мертвый идол;
Свою заветную мечту,
Вводя Олимп в свой храм, ты выдал:
Навек – к армянской мощи придал
Ты эллинскую красоту!*

*И, взором вдаль смотря орлиным,
Ты видел свой народ, в веках,
Стоящим гордо исполином:
Ты к светлым вел его годинам
Через войны, через тоску и страх...*

*Когда ж военная невзгода
Смела намеченный узор, -
Ты помнил благо лишь народа
Не честь свою, не гордость рода, -
Как кубок яда, пил позор.*

*Тигран! Мы чтим твой вознесенный
И лаврами венчанный лик!
Но ты, изменой угнетенный,
Ты, пред Помпеем преклоненный
Во имя родины, - велик!*

[Валерий Брюсов «В Армении»]

2.6 Артавазд II

После Тиграна II на престол Армении взошел его сын Артавазд II (55—34 г.г. до Р.Х.), известный тем, что выдал свою дочь замуж во имя укрепления дружбы и добрососедства за парфянского царевича Пакора.

В 40 г. до н. э. парфянские войска, ведомые царевичем Пакором, при участии армянского отряда вторглись в Сирию и завладели городом Апамея. Здесь армия разделилась на две части: одна из них под командованием римского эмигранта республиканца Лабиена двинулась в Малую Азию и дошла до ее западных областей, другая же под началом Пакора направилась на юг, вдоль средиземноморского побережья. Города Сирии и Финикии, за малым исключением, охотно открывали ворота перед завоевателями, настолько им была ненавистна римская власть.

В 39 г. Антоний отправил против парфян одного из своих талантливых полководцев Вентидия Басса. В решающей битве парфяне потерпели поражение, и царевич Пакор, зять армянского царя Артавазда II, был убит.

Антоний решил идти походом на парфян. Желанным союзником для него была, естественно, Армения. В сущности, у Артавазда не было

выбора: армяне никак не могли избежать участия в походе, ибо на сей раз его путь пролегал через Армению. Поход начался в 36 г. Войско Антония состояло из 100 тыс. воинов и большого количества осадной техники. Антоний спешил дойти до Атропатены и завладеть ее центром Фрааспой. Он форсировал движение основных сил, выделив для прикрытия медленно продвигавшейся осадной техники лишь два легиона. Осада Фрааспы, однако, затянулась, а тем временем парфяне напали на оставленные два легиона и уничтожили осадные машины. Это событие заставило Артавазда решительно отстраниться от безнадёжного и ставшего очень опасным дела и отозвать свои войска из римской армии.

Будучи не в состоянии вступить в битву с приближавшимся парфянским войском, Антоний начал отступление, которое под градом ударов преследовавших его парфян оказалось гибельным. Римляне во время похода потеряли 35 тысяч воинов. Антоний считал Артавазда виновником провала своей экспедиции, хотя тот прикрыл его отступление.

Из Армении Антоний отправился в Александрию, к царице Египта Клеопатре, на которой он был женат. Он сделал несколько попыток заманить Артавазда к себе, но тщетно, — Артавазд не поехал.

Вскоре, как рассказывают римские историки, Антоний во главе большого войска направился в Армению. Его легионы стали подходить к Арташату, и тогда Артавазд вынужден был явиться к нему. Антонин заковал его в цепи и назначил выкуп. Затем под предлогом получения выкупа занял несколько крепостей, намереваясь постепенно завладеть Арменией.

В стране, однако, росло сопротивление. Арташес, сын Артавазда, во главе части армянских войск начал борьбу с римлянами, но, потерпев поражение, бежал в Парфию. Во время триумфа, устроенного Антонием в 34 г. в Александрии по поводу его победы над Арменией, он подарил закованного в золотые цепи Артавазда и его семью царице Клеопатре. Артавазд, как с восхищением повествуют о нем античные авторы, повел себя отнюдь не смиренно, и взбешенная Клеопатра приказала бросить его в темницу. Спустя три года он был обезглавлен.

[Н.Г. Нерсисян «История армянского народа»]

2.7 Арташес II

Борьба между Октавианом и Антонием в 31 г., закончилась полным поражением Антония и Клеопатры, и они покончили самоубийством.

Воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, царевич Арташес, находившийся в Парфии, сопутствуемый вспомогательным парфянским войском, вступил в Армению, разбил и взял в плен находившегося здесь царя Атропатены и в 30 г. утвердился на армянском престоле.

После победы над Антонием Октавиан, ставший единоличным властителем Рима, объявил себя императором Августом. Теперь Рим, освободившийся от внутренних усобиц, представлял еще большую, чем прежде, опасность для соседних стран, в том числе для Армении.

Арташес II, утвердившийся на престоле и поддерживаемый парфянами, велел перебить все римские гарнизоны, оставшиеся в армянских крепостях. Этим актом Армения решительно объявила о своей независимости. В годы правления Арташеса II (30—20 гг. до н. э.) Армения не была втянута в войны.

Римляне, не прибегая пока к военным действиям, стали окружать Армению своими союзниками. После некоторых приготовлений, император Август решил поставить у власти в Армении желательного для Рима царя. Полководец Тиберий с большими силами двинулся на Армению, взяв с собой Тиграна, брата Арташеса II, воспитанного в Риме и предназначавшегося в армянские цари. Перед этой военной демонстрацией проримская партия в Арташате составила заговор против Арташеса II, и он был убит в 20 г. до н. э. Армения лишилась энергичного и сильного царя.

[Н.Г. Нерсисян «История армянского народа»]

2.8 Римские ставленники.

По характеристике римского автора I в. н. э. Юстина, после Рима и Парфии Армения оставалась третьей по значению среди государств того времени.

Это хорошо понимали и римские политики. Император Август в своем знаменитом «Завещании» писал, что после смерти Арташеса II он мог бы обратить Армению в римскую провинцию, но предпочел

оставить ее местным царям. Но дело обстояло, конечно, не так. Если бы Рим имел реальную возможность поглотить Армению, то никогда не остановился бы перед этим, как не останавливался во многих случаях с другими странами. В данном случае Рим делал все, что мог: старался возводить на армянский престол послушных царей.

Убийство Арташеса II в 20 г. до н. э. и воцарение Тиграна III вызвали в Риме подлинное ликование. Здесь считали, что тягостный вопрос об Армении, наконец, нашел свое разрешение. Однако несколькими годами позже Тигран III под влиянием настроений, царивших в Армении, переменял римскую ориентацию на парфянскую.

[Н.Г. Нерсисян «История армянского народа»]

После смерти Тиграна III в Армении последовательно правили: Тигран IV (8 — 5 г.г. до Р. Х.), его родной дядя — Артавазд III (5—3 г.г. до Р.Х.), затем снова Тигран IV (3 г. до Р.Х. — 1 г. н.э.), разделивший престол со своей царственной супругой Эрато, являвшейся не только женой, но и сестрой Тиграна IV.

С убийством Тиграна IV на войне с северными горскими племенами потомственная династия армянских Аршакидов на время прервалась. Вновь через трон страны проследовала вереница римских ставленников из числа местной знати, из которых можно упомянуть Зенона (18—34 г.г.), попытавшегося было вновь воскресить заветное для армян имя Арташеса. Но, окрестив себя новым именем, он не только не сумел завоевать сердца своих подданных, но и изрядно запутал древних историков, которые никак не могли определить, в какой из летописей какой Арташес упоминается.

[Юрий Асадов «Родословные тайны армянских князей»]

2.9 Абгар

Абгар, сын Аршама, вступает на престол на двадцатом году правления Аршавира, царя персов. Этот Абгарос именовался "аваг айр" из-за своей необычайной скромности и мудрости, а потом также из-за возраста. Греки и сирийцы, не умея правильно произнести это (имя), наименовали его Абгарос. Во второй год его царствования вся Армянская страна полностью стала данницей римлян, ибо, как говорится в Евангелии от Луки, императором Августом был издан приказ совершить перепись по всей вселенной. Поэтому римские должностные лица были присланы также в Армению и принесли с

собой статуи Августа, кои установили во всех храмах. Около этого времени родился наш Спаситель Иисус Христос, Сын Божий.

В это же время между Абгаром и Иродом вспыхивает ссора, ибо Ирод приказал установить в армянских храмах свое изображение рядом с изображением императора, на что Абгар не согласился, и Ирод воспользовался этим предлогом. Он послал фракийские и германские войска опустошить Персидскую страну, приказав идти через земли Абгара. Абгар не согласился и воспротивился, заявив, что эти войска, согласно приказу императора, должны пройти в Персидскую страну через пустыню. Ирод был оскорблен этим, однако не мог ничего предпринять лично, охваченный множеством болезней; так как он посягнул на Христа – в нем завелись черви, как повествует Иосиф. Он посылает племянника по брату, Иосифа, которого он женил на своей дочери, бывшей ранее замужем за его братом Перуром. Тот с большой ратью добирается до страны Месопотамии и сталкивается с Абгаром в области Бугнан, служившей военным лагерем. Вступив в сражение, он погибает, а войско обращается в бегство. Вслед за тем умирает и сам Ирод, и Август назначает главой иудейского народа его сына Архелая.

Немного спустя умирает Август и его на римском престоле сменяет Тиберий.

Письмо Абгара Тиберию.

«Абгар, царь Армении, господину своему Тиберию, императору римскому, (желает) радости.

Знаю, что ничто не остается скрытым от твоей царственности, но, как друг, сообщаю тебе письмом дополнительные сведения. Иудеи, живущие в Палестинских областях, собравшись, распяли Христа без какой-либо вины с его стороны, вопреки благодеяниям, кои он совершил для них, знамениям и чудесам, вплоть до воскрешения мертвых. И знай, что это не просто человеческая, но божественная сила. Ибо когда его распяли, было затмение солнца и землетрясение, и сам он через три дня воскрес из мертвых и явился многим. Да и теперь повсюду имя его через учеников его творит величайшие чудеса; это воочию было явлено и нашей собственной особе. Итак, после того что произошло, твоя царственность знает, что именно надо предпринять в отношении иудейского народа, который свершил такое, и что написать всему свету, чтобы они поклонялись Христу как истинному Богу. Будь здоров».

Ответ Тиберия на послание Абгара.

«Тиберий, император римский, Абгару, царю Армении, (желает) радости. Твое дружеское послание прочли передо мной; прими нашу благодарность за

него, хотя и раньше нам приходилось слышать о Христе. Пилат в свою очередь досконально рассказал нам о его знамениях, как и о том, что после воскресения его из мертвых многие убедились, что он Бог. Поэтому я и сам пожелал сделать то же, что ты замыслил. Однако у римлян в обычае при учреждении (нового) божества не ограничиваться одним только царским указом, но прежде подвергать его испытанию и рассмотрению со стороны сената. Поэтому я внес предложение в сенат, но сенат отклонил его, поскольку дело не было предварительно рассмотрено. Однако мы повелели, чтобы все, кому угоден Иисус, могли включить его в сонм богов, и пригрозили смертью тем, кто станет злословить о христианах. Что же до иудейского народа, который дерзнул распять того, кто, как я слышал, был достоин не креста и смерти, но почести и поклонения, то, как только я освобожусь от войны с восставшими против меня испанцами, я расследую (дело) и воздам им должное».

Абгар вновь пишет послание Тиберии.

«Абгар, царь Армении, господину своему Тиберию, императору римскому, (желает) радости.

Прочел я послание достойное твоей царственности, и обрадовался твоему заботливому повелению. Но, да не во гнев будет тебе сказано, поступок твоих сенаторов весьма смехотворен, ибо в их представлении божество должно учреждаться посредством людских толков. Итак, получается, если Бог не будет угоден человеку, то он не может быть Богом, и человеку якобы подобает заступаться за Бога. Но да будет твое, господина моего, благоволение на то, чтобы послать в Иерусалим другого человека вместо Пилата, дабы он с позором был отстранен от должности, на которую ты его назначил. Ибо он исполнил волю иудеев и распял Христа без оснований, без твоего приказа. Желаю тебе здравствовать».

Письмо Абгара Арташесу.

«Абгар, царь Армении, Арташесу, брату своему, царю Персии, (желает) радости.

Знаю, что ты уже слышал об Иисусе Христе, Сыне Божьем, коего распяли иудеи, который воскрес из мертвых. Он разослал своих учеников по всему свету учить всех. Один из главных его учеников, по имени Симон, находится в пределах твоего государства. Итак, поищи и найдешь его, и он полностью излечит всех вас от ваших недугов и болезней и укажет вам жизненный путь. Да уверуешь его слову ты и братья твои и все, кто добровольно подчиняется

тебе. Ибо приятно мне, чтобы мои сородичи по плоти стали бы родными и близкими мне также по духу».

И не успев получить ответы на эти послания, Абгар умирает, процарствовав тридцать восемь лет.

[Мовсес Хоренаци «История Армении»]

2.10 Новая ветвь. Трдат I.

Кризис был преодолен совместными усилиями армян и парфян. Армянско-парфянские отношения в своей истории имели и напряженные этапы, но никогда не достигали той остроты, какой часто отличались армянско-римские отношения. Более того, армянско-парфянская солидарность все более крепла перед римским натиском.

При одном из царей парфянской аршакидской династии – Вологезе I, взошедшем на престол в 51 г. до н. э., созрели предпосылки для действенного парфяно-армянского сотрудничества. Естественно, что при этом сотрудничестве ведущую роль играли сильнейшие из партнеров – парфяне. Армения считалась вторым по значению после Парфии самостоятельным царством, и на царствование в ней был намечен Трдат (Тиридат), брат Вологеза I.

Парфянский царь послал в Армению, войско во главе с Трдатом. Тот был встречен приветливо и легко занял армянский трон. Это событие привело к затяжной войне (54–64 г.г.) между Римом и парфяно-армянской коалицией. Полководец Домиций Корбулон, которому было поручено командование римской армией, был, однако, не слишком горячим сторонником этой войны. Он долго пополнял и обучал войска и лишь в 57 г. вступил в Армению. Два года военные-действия развивались вяло. Однако в 59 г., узнав, что Вологез завяз в войне с Гирканией, и Трдат располагает лишь, армянскими войсками, Корбулон двинулся на Арташат. По дороге он ценой больших потерь завладел крепостью Воланд и некоторыми другими. Арташат не оказал сопротивления. Тем не менее, Корбулон приказал снести город до основания, мотивируя этот варварский акт тем, что у него де нет достаточно воинов, чтобы оставить гарнизон в столь большом городе. Трдат отступил в Атропатену.

Затем римская армия захватила Тигранакерт, также не встретив сопротивления. Однако Тигранакерт не был ни разрушен, ни

разграблен, хотя на подступах к нему римская армия и понесла существенный урон от пришедших в ярость народных масс.

Армения была завоевана, и в 60 г. в Тигранакерте римляне возвели на ее престол своего нового ставленника — Тиграна VI. Но это положение длилось недолго. Парфяне вновь двинули свои войска в Армению.

Корбулон, однако, предпочел сражению переговоры, и было решено вывести из Армении как парфянские, так и римские войска. Тигран VI оказался покинутым, а Трдату его популярность проложила дорогу к престолу и без войны. И в то время как римляне, уйдя за Евфрат, были заняты укреплением сирийской границы, Вологез, согласно договоренности с Корбулоном, отправил послов в Рим просить у императора Нерона армянской короны для Трдата.

Нерон отказался заочно короновать Трдата и послал в Армению новое войско, поручив командование своему любимцу Пету. В 62 г. армия, ведомая Петом, в Армении, в местности Рандея, еще не вступив в сражение, была окружена армяно-парфянскими войсками и капитулировала при унижительных обстоятельствах: римские солдаты прошли под «ярмом», устроенным из копий.

Нерон, однако, требовал, чтобы Трдат сам явился в Рим за короной. Корбулону было поручено начать новую кампанию. Тот не спешил и лишь в 64 г. тронулся с места, притом посоветовав Трдату и Вологезу не упорствовать и выполнить требование Нерона, продиктованное соображениями престижа Рима. На этот раз братья, фактические победители, дали согласие.

В той же Рандее в торжественной обстановке перед бюстом Нерона Трдат снял с головы корону с условием, что получит ее из рук самого императора. Было решено, что отныне армянские цари будут короноваться римскими императорами. С огромной свитой отправился Трдат в Рим и вернулся в 66 г. Нерон, как передают римские источники, оказал ему великолепный прием, почтил цирковыми играми и другими торжествами. В качестве компенсации за разрушение Арташата он передал Трдату огромную сумму денег и прислал ремесленников для восстановления города. Воскресший из развалин Арташат по этому поводу несколько лет именовался Неронией.

Так стабилизировалась центральная власть в Армении. Перед ней теперь стояли важные задачи обновления устаревших или расшатавшихся звеньев государственного аппарата, поднятия обороноспособности страны, выработки принципов внешней политики в тех тяжелых условиях между двумя силами, в которых продолжала

оставаться Армения. Укоренившиеся в Армении государственные традиции были столь сильны, что ее новые правители, рожденные парфянами, очень скоро превращались политически и по духу своему в армян, так что новая династия по праву именуется династией армянских Аршакидов — Аршакуни. Что касается самого Трдата I, то армянский народ не только принял его, но и сделал любимым героем своего устного творчества, сначала сопоставив, а затем и объединив его с образом столь почитаемого деятеля, каким был Арташес I.

Дошедшие до нас достоверные данные о времени и деятельности Трдата I очень ограничены. Известна его война со вторгшимися с севера аланскими племенами, которые до этого прошли по земле Атропатены и обратили в бегство правившего там брата Трдата — Пакора. Этот поход Трдата упоминается в труде еврейского историка I в. н. э. Иосифа Флавия, а также в армянском историческом предании, приведенном в «Истории» Мовсеса Хоренаци.

[Н.Г. Нерсисян «История армянского народа»]

2.11 От Трдата I до Трдата II.

Хотя сведения по истории Армении во II—III вв. весьма скудны, все же они позволяют судить о путях развития страны и определенном прогрессе, достигнутом в области экономики и культуры.

В 80-х гг. Трдата I заменил царь Санатрук. В период его царствования в долине реки Арацани был основан город Мцурк, служивший некоторое время столицей или царской резиденцией. В дальнейшем он был разрушен землетрясением и покинут.

В 114 г. римский император Траян вторгся в Армению и объявил ее римской провинцией. Его армия заняла Месопотамию, Вавилонию, парфянскую столицу Ктесифон и вышла к Персидскому заливу. Вскоре, однако, император умер, и его авантюрное предприятие серьезных последствий не имело.

В 117—140-х гг. в Армении правил Вагарш I, сын Санатрука. На месте бывшего торгового поселения Вардгесаван им был основан и окружен крепостными стенами город Вагаршапат, или «Новый город» (ныне Эчмиадзин), будущая столица Армении.

С начала 180-х гг. в Армении правит Вагарш II. Во время восточного похода императора Септимия Севера в 194 г. Вагаршу II удается, прибегнув к дипломатии и дарам, отвести опасность от Армении. Более

того, вскоре страна освобождается и от римского гарнизона, оставленного в Вагаршапате в 163 г., и даже получает денежную субсидию для увеличения собственных военных сил. Армянскому царю выделяются земельные угодия в Каппадокии. Все это объясняется угрозой нашествия северных горских племен, которым Рим хотел противопоставить силы Армении. И царь Вагарш II погиб именно во время одного из столкновений с этими племенами. Ему наследовал его сын Хосров I.

С Вагарша II и Хосрова I начинается непрерывная наследственная линия армянской династии Аршакуни. До этого в ряде случаев армянскими царями назначались родственники парфянского царя.

В 215 г. император Антонин Каракалла задумал обратить в римские провинции Армению и соседнюю Осроэну и, вызвав к себе их царей, заточил их в темнице, где Хосров I и умер. Однако римский полководец Феокрит, посланный в Армению с войском, был наголову разбит, и в Армении царем был провозглашен Трдат II, сын Хосрова I. Сменивший Каракаллу император Макрин признал армянского царя и прислал ему корону.

[Н.Г. Нерсисян «История армянского народа»]

2.12 Война с Арташиром.

В 226 г. Иран (Парфию) потрясают грозные события, которые, изменив облик государства и его устремления, отразились также на судьбе его соседей. Правитель иранской области Парс Арташир Папакан из рода Сасана сверг Аршакида Артабана V и завладел престолом. Сасаниды объявили себя наследниками и последователями Ахеменидов, призванными восстановить былую мощь и величие иранского государства.

Армения представляла серьезное препятствие на пути осуществления этих замыслов. Поэтому она стала одним из главных противников Сасанидов, тем более, что здесь продолжали править потомки парфянских Аршакидов. Естественным образом усиливается и начавшееся ранее сближение между Римом и Арменией.

Возникшее с приходом к власти Сасанидов армяно-иранское противоборство отразилось и в армянском устном народном творчестве, откуда впоследствии черпали свои сведения историки V

века Агатангехос (Агафангел) и Мовсес Хоре-наци. Царь Трдат II был тем выдающимся государственным и военным деятелем, чей образ сохранился в устном народном творчестве с изменением имени (Трдату приписано имя его отца Хосрова).

Вокруг Трдата собрались бежавшие из Ирана сыновья Артабана V и представители парфянской знати, стремившиеся к реваншу и реставрации. Обладая собственными военными силами, Трдат II имел возможность опереться и на силы грузин и албан, которым в такой же мере угрожала мощь Сасанидского Ирана.

В 230 г. Сасанид Арташир начал войну против Рима и Армении. Однако, если на западе ему удалось достигнуть Сирии и Каппадокии, то в Армении он потерпел поражение от коалиции, возглавляемой Трдатом II. После этого на протяжении двух десятилетий, вплоть до середины III в. Сасаниды не нападали на Армению, хотя наносили тяжелые удары по Риму.

[Н.Г. Нерсисян «История армянского народа»]

После того как Арташир, сын Сасана, убил Артабана и вступил в царствование, две ветви Пахлава, называющиеся Пахлавами аспахапета и Сурена, затаившие зависть по отношению к царствующей ветви их собственного рода, добровольно признали царствование Арташира, сына Сасана. Сородичи же из дома Каренова Пахлава, сохраняя верность братским узам, воспротивившись, вступили в войну с Арташиром, сыном Сасана. Но еще до этого армянский царь Хосров, услышав о смуте, двинулся на помощь Артабану, дабы по возможности спасти жизнь хотя бы одного лишь Артабана. Но, вторгшись в Ассирию, он получает горестную весть о смерти Артабана и о согласии между всем персидским воинством и нахарарами, включая его собственный род – парфян и Пахлавиков, за исключением Кареновой ветви. Отправив к последним вестников, царь в большой скорби и горечи возвращается в нашу страну и тут же поспешно посылает весть римскому императору Филиппу, прося у него помощи.

Так как в царстве Филиппа начались мятежи, он не смог высвободить часть римских войск, чтобы поддержать Хосрова. Но он помог ему посредством послания, повелев всем провинциям оказать ему содействие. Получив подобный приказ, на помощь к нему являются из Египта и (из стран, расположенных) от пустыни до побережья Понта. Обретя столь многочисленную рать, Хосров устремляется на Арташира, обращает его в бегство в сражении и отнимает у него Ассирию и другие страны, управляющиеся (местными) царями.

И снова он через вестников призывает своих сородичей – парфянские и пахлавские роды и все воинство кушанов – прибыть к нему, чтобы отомстить Арташиру и дать ему возвести на престол достойнейшего из них, дабы царская власть не была утрачена ими. Но так как те, а именно – упомянутые выше роды, называемые Аспахаметовым и Суреновым (Пахлавами), не дают согласия, то Хосров возвращается в нашу страну, не столько радуясь победе, сколько опечаленный отступничеством своих сородичей.

Итак, Арташир, бежавший от Хосрова до Индийской страны и оказавшийся в тяжелейшем положении, давал большие обещания нахарарам, суля различные награды тому, кто посредством ли зелья или тайным ударом меча избавил бы его от Хосрова. «Особенно вам, отпрыски парфян, говорил он, было бы, кажется, удобнее всего устроить заговор, прикрывшись притворной любовью, обманув его под видом родственных отношений; в это он поверит». Обещал вернуть им исконный их дом, называвшийся Пахлав, стольный город, Бахл и всю Страну кушанов, обещал и царские регалии и почести, половину Арийской страны и положение второго после него (лица). Анак из рода Суренова Пахава, польстившись на это, берется убить Хосрова. Под предлогом распри с Арташиром он якобы бежит от него, а персидское войско под этим же предлогом бросается его преследовать и, гонит его как беглеца через Ассирию. Узнав об этом в области утийцев, великий Хосров, полагая, что речь идет о переселении Кареновых отпрысков, посылает на помощь Анаку отряд. Встретив Анака, по приказу царя доставляют его в область, называемую Артаз.

Через два года на третий после своего прибытия в Армению Анак убивает Хосрова, процарствовавшего сорок восемь лет.

[Мовсес Хоренаци «История Армении»]

2.13 Трдат III

В 252 г. Хосров погиб от рук заговорщиков. (Согласно армянской легенде, приведенной, в частности, Мовесом Хоренаци, убийцей Хосрова был один из его сородичей Анак, подкупленный персидским шахом Шапуром I) Персы тотчас овладели страной и поголовно истребили весь род армянского царя. Спасся лишь юный царевич, отрок Трдат, которому удалось укрыться в Риме. Царем в Армении Шапур поставил Артавазда V. После его кончины в 272 г. Армения была присоединена

непосредственно к Ирану. Однако постоянные восстания, сопровождавшиеся вторжениями римских и персидских войск, не прекращались. В 287 г. в войну с завоевателями вступил сын Хосрова I, Трдат III. Он был провозглашен царем, но власть его была непрочной. То и дело ему приходилось покидать страну и искать защиты у римлян. Наконец, в 297 г. император Галерий нанес персам в Армении сокрушительное поражение и изгнал их из страны. Армянское царство было восстановлено, и Трдат III утвердился на престоле. В 301 г. он крестился, и через несколько лет вся страна приняла христианство.

Пришло время залечивать раны. Благодаря мудрому правлению Трдата Армения вскоре оправилась от разорения. По словам Фавстоса Бузанды, в эти годы «возросли и умножились мир и благодать, многолюдство и здравие, плодородие, преизбыток и благополучие в делах». Но в то же время в это царствование усилились армянские владетельные князья — нахарары.

[Константин Рыжов «Все монархи мира»]

Трдат еще в отроческие годы вскакивал на норовистого коня, ловко управлял им, успешно применяя оружие, и одолел прочие военные премудрости. Пожелав править колесницей на ристаниях в большом цирке, он, отпрянув от искусного противника, упал на землю и, схватившись за колесницу, к изумлению всех, остановил ее. Так как без хронологии нет подлинной истории, то мы тщательно исследовали и установили, что восшествие на престол Трдата и его приход сюда с большой ратью произошли в третьем году правления Диоклетиана. Когда он дошел до Кесарии, многие из нахараров вышли ему навстречу. Вступив же в Армению, он узнал, что Ота воспитал его сестру Хосровидухт и сберег его сокровища и крепость с большой заботливостью. Это был человек терпеливый, выдержанный и очень мудрый. Такова же была его воспитанница Хосровидухт, девица скромная, похожая на послушницу, отнюдь не обладавшая устами без запора, подобно иным женщинам.

Трдат назначает Ота тысяченачальником Армении и жалует почестями как его, так и еще более сына своего воспитателя — Артавазда Мандакуни, виновника своего спасения и достижения отцовского сана. За это он предоставляет ему должность военачальника армянских войск.

Храбрый Трдат дал подряд несколько сражений, сначала в Армении, а затем и в Персии, в которых он добывал победу своими руками. Отличившись в Персии и Ассирии таковыми подвигами, он продвинулся дальше Ктесифона.

Возвратившись в нашу страну, Трдат ишет аспета Смбата, привести ему в жены девицу Ашхен, дочь Ашхадара, которая ростом ничуть не уступала царю. И велит он записать ее в род Аршакуни, облечь в пурпур и увенчать короной, как подобает царской невесте. От нее родился сын Хосров, который ростом не пошел в родителей.

Когда персидский царь Шапух отдохнул от войн, а Трдат отправился в Рим к святому Константину, Шапух, освободившийся от дум и забот, стал замышлять зло против нашей страны. Побудив всех северян напасть на Армению, он условился о времени, и сам во главе ариев подступится с другой стороны.

Царь Трдат, спустившись со всем армянским (воинством) на Равнину гаргарейцев, встречается в сражении с северянами, и когда обе стороны сходятся, он в исполинском натиске рассекает толпу врагов надвое. Я не в состоянии описать быстроту (движений) его руки и то, как от нее враги несчетно валились и кубарем катились по земле. Подобно рыбам, вытряхнутым искусным рыбаком из полного невода, они подпрыгивали на поверхности земли. Видя это, царь базилов подбирается к государю, вынимает из-под конского снаряжения аркан из жил, покрытый кожей и, ловко набросив сзади, обхватывает левое плечо и правую подмышку, ибо его рука была поднята для удара мечом по кому-то; а был он одет в броню, которую стрелы не могли и поцарапать. И так как тот не смог сдвинуть с места исполина рукой, то (обернул аркан) вокруг груди коня, но не успел даже огреть коня плеткой, как исполин левой рукой схватился за аркан и, притянув к себе с мощной силой (царя базилов), метким ударом обоюдоострого меча разрубил пополам и мужа и, заодно, голову и шею коня.

Увидев своего царя и могучего воина рассеченным надвое столь страшной рукой, вся рать обратилась в бегство. Трдат, преследуя ее, гнал до Страны гуннов. Хотя Трдат и одержал победу, но, так как войско понесло потери и пали многие из нахараров, он не решился один на один, отдельно, вступить в борьбу с Шапухом (и ждал) прибытия большой римской рати, которая повела наступление через Ассирию, обратила Шапуха в бегство и разграбила всю страну. Тогда и Трдат со всеми своими войсками и войсками, бывшими в его подчинении, двинулся в поход в северные области Персидского государства, который продлился целый год.

Трдат же, утвердив за собой семистенные Экбатаны и оставив там своего наместника и управителей, возвращается в Армению. Ибо Шапух обратился к победителю Константину с просьбой о примирении и заключении вечного мира, а святой Константин исполнил это.

Святой Григор, как это известно всем, происходил из Страны парфян, из области Пахлав, из Суреновой ветви царственного рода Аршакуни, от отца по имени Анак. На восточных пределах нашей страны поистине занялась для нас заря, возшло солнце познания, духовный луч, избавление от бездонного зла идолопоклонства, причина благости и духовного созидания, подлинно божественная пальма, посаженная в доме Господа нашего и цветущая в его ограде. И умножив такими и столькими народами (число верующих), он собрал нас воедино для прославления и восхваления Бога.

После того как Трдат уверовал во Христа, он, блистая всеми добродетелями, все более отдавался служению Христову делу и словом и действиями, устрашая и убеждая великих нахараров, а вместе с ними и все множество простонародья, стать воистину Христовыми, дабы и дела их всех свидетельствовали об их вере. Но хочу отметить жестокосердие и надменность нашего народа с начальных времен и поныне. Не будучи привержены к добру и склонны к истине или отличаясь нравом высокомерным и своевольным, они противились воле царя относительно христианской веры, следуя воле жен и наложниц. Царь не смог примириться с этим и, сложив мирской венец, последовал за небесным. Он немедленно отправился в места святого отшельника Христова и стал жителем горной пещеры.

Здесь я стыжусь раскрыть правду, особенно беззаконие и нечестивость нашего народа и его дела, достойные великой скорби и слез. Ведь, послав за ним, призывают его вновь принять царскую власть, обещая поступать согласно его воле, но, получив от святого отказ, дают ему питье, как некогда в древности афиняне дали Сократу цикуту или, если обратиться к близкому нам, — как разъяренные иудеи подмешали желчи в питье Бога нашего. Этим поступком они загасили для себя светозарный луч богопочитания.

Поэтому я, оплакивая своих, скажу, как сказал Павел о своих и о врагах креста Христова, но скажу не собственными, но Святого Духа словами. Род ущербный и огорчающий, род неустроенный сердцем и неверный Богу духом своим! Мужи Арамовы! доколе быть вам жестокосердными, зачем вы полюбили суету и безбожие? Не постигаете ли вы, что Господь возвеличил своего святого и что Господь не услышит, когда вы воззовете к нему? Ибо вы ожесточились в грехопадении и на ложах своих не раскаиваетесь, ибо приносите незаконные жертвы, а уповающих на Бога презираете. Поэтому встретится вам капкан, который вы не распознаете, и попадете в этот капкан и зверь, на которого вы будете охотиться, — схватит вас.

[Мовсес Хоренаци «История Армении»]

2.14 Агафангел об обращении армян в христианство.

Агафангел - это греческое имя¹ носит автор сочинения, посвященного обращению армян в христианство, эпохе Григория Просветителя и царя Трдата. В предисловии к этому труду автор представляет себя как секретаря царя Трдата. Он происходит из великого Рима, владеет греческим и латинским, также и соответствующим письмом. Он прибыл ко двору славного царя Трдата, и Трдат приказал ему описать бурные события того времени. Выше было показано, что это сочинение появилось не раньше 60-х гг. V в., поэтому образ автора, современника Трдата, является литературным вымыслом. При том, что в этом сочинении использованы труды греческих авторов, само оно изначально было написано по-армянски. Но имя «Агафангел» стало неотъемлемой частью этого труда, оно нашло свое прочное место в литературной традиции. О чем идет речь в этом памятнике? Когда Арташир, сын Сасана, убил персидского царя Артавана и овладел тронem, армянский царь Хосров поклялся отомстить за своего родича и десять лет подряд воевал против узурпатора. Арташир был бессилен одолеть противника, он предлагал почести и богатство тому кто сможет устранить Хосрова. И тогда один из его нахараров Анак Партев (Парфянин) обещал убить армянского царя. Он нашел благоприятный момент и нанес Хосрову смертельный удар. Находясь при последнем издыхании, Хосров отдал повеление уничтожить убийцу и весь его род. Воля царя была выполнена, избежали смерти лишь двое сыновей Анака, одного из них увели в Персию, другого — в греческую страну (первый из них на этом исчезает из повествования). Остался в живых и сын Хосрова, царевич Трдат. Воспитателям удалось его вывезти, и он нашел пристанище при дворе «греческого» (т.е. римского) императора. Оказавшись за рубежом, Трдат проходит там военную подготовку, а сын Анака Григорий получает религиозное воспитание в Кесарии Каппадокийской, известной своими христианскими традициями. (Следует помнить, что рассказ в этой части касается тех лет, когда христиане в империи продолжали еще подвергаться жестоким преследованиям со стороны властей.)

¹ Оно означает «добрый вестник».

Тем временем воспитатели рассказали Григорию о его происхождении, о том, что он сын убийцы армянского царя. Григорий предстал перед Трдатом и, скрыв свое происхождение, предложил царевичу свою службу. Но затем, когда царевич узнал о том, что его новый служитель ревностный христианин, он начал подвергать его мучениям.

Ратные подвиги Трдата в войне с готами позволили ему вернуться в Армению, изгнать персов и занять отцовский трон. Он взял с собой и Григория. В деревне Ерээ, знаменитом религиозном центре, он принес жертвы богине Анахит, предложил и Григорию возложить венки и свежие ветви перед изображением богини в храме. Григорий решительно отказался и приступил к проповеди христианского учения. Диалог между царем и Григорием становился все жестче, царь отдал приказ подвергнуть Григория пыткам. Но страдалец не сдавался и продолжал молиться. Затем царю докладывают о происхождении Григория, о том, что он сын убийцы его, отца. И тогда Трдат велит бросить Григория в яму близ крепости у Арташата, бывшей столицы Армении. Там Григорию предстояло провести почти тринадцать лет. Пока же царь издает два указа: одним он запрещает христианство, другим предписывает поклонение языческим богам.

Тем временем римский император Диоклетиан рассылает повсюду художников, чтобы по выполненным ими женским портретам избрать себе невесту. В Риме имелась женская обитель под начальством девы Гайианэ. Выбор императора падает на юную монахиню Рипсимэ, при этом он приступает к жестоким гонениям против христиан, проживавших в Римской империи. Рипсимэ решительно отвергает домогательства императора, и монахини ищут спасения в Армении. Они устраивают обитель в столице Валаршапате, одна из дев изготавливает стеклянные украшения и тем поддерживает существование монахинь. Диоклетиан направляет Трдату грамоту, прося армянского царя отомстить за него, а Рипсимэ вернуть обратно. Но тем временем и Трдат поддался чарам прекрасной монахини. Рипсимэ отвергает и его, и Трдату никак не удается преодолеть ее упорство. И тогда дев подвергают мучительной смерти. После этого царь шесть дней пребывал в печали, затем овладел собой и отправился в лес на охоту. И здесь, за муки, причиненные монахиням, его постигло наказание — он превратился в вепря. Наказаны были и горожане, которые преследовали монахинь, в них вселился злой дух.

Именно тогда сестре царя Хосровидухт было видение — только Григорий может спасти народ и излечить царя. Ко всеобщему удивлению выясняется, что Григорий жив. Его доставляют в столицу, где он, прежде всего, прикрывает оставшиеся нетленными тела убитых дев. Григорий начинает молиться, обращается с длинной проповедью, поучением к своим слушателям (эта проповедь занимает приблизительно третью часть всего сочинения Агафангела). Царь Трдат, все еще в образе вепря, и народ умоляют Григория о спасении. Следуя видению, Григорий требует, чтобы для дев были выстроены три мартирия и тела их преданы земле. Над каждым мартирием он воздвигает колонну (одновременно и крест), четвертая же колонна получилась огненная. Григорий обращает внимание всех присутствующих на эту колонну, окружает ее высокими стенами и устанавливает крест. На этом месте, по преданию, и был выстроен кафедральный собор в Эчмиадзине, т.е. бывшем Валаршапате.

Только после устройства мартириев наступает успокоение, царь вновь обретает естественный облик. Царь, его окружение и народ начинают молиться, а затем все участвуют в крушении храмов огня. Прежние боги объявляются идолами, храмовые земли переходят в собственность Церкви, а жрецов обращают в рабство. Затем Григорий отправляется в Кесарию, где принимает посвящение, и в сане епископа возвращается в Армению.

Григорий основывает церкви и обращает армян в христианскую веру. Он сопровождает царя Трдата во время его путешествия в Рим, для встречи с императором Константином, а по возвращении скрывается в келье. Далее Агафангел сообщает об участии сына Григория, Аристакэса, в Первом вселенском соборе (Никея, 325 г.) и завершает весьма кратким известием о кончине главного лица своего повествования.

[К. Н. Юзбашян «Армянская эпопея V века»]

2.15 Хосров II

После смерти Трдата III между двумя крупными нахарарскими родами — Манавазянов и Ордунн началась кровавая распря. Действия родов распространились и на царские земли. Новый царь Хосров II (330 — 338), прозванный за малый рост Котакком (Коротким) послал войско, чтобы усмирить мятежных князей. Спарпет (верховный

главнокомандующий) Ваче Мамиконян предал мечу всех представителей мужского пола обоих родов, а земли их были конфискованы.

Вскоре восстал другой нахарар, полководец Датабен Бзнуни, который, по словам армянского историка V в. Фавстоса Бузанда, «заклучил союз с персидскими военачальниками и вознамерился предать в их руки армянского царя». Он был побит до смерти камнями на глазах у царя, и род его полностью уничтожен. Владения Бзнуни были включены в царский земельный фонд.

Стремясь предотвратить подобные явления, Хосров издал эдикт, запрещавший наиболее могущественным нахарарам, в частности «тысячникам» и «десятитысячникам», покидать царский двор. Существенных результатов, однако, это не дало. Вскоре восстал один из первых сановников государства Бакур, бдешх (князь)окраинной области Ахдзник. Однако и он потерпел поражение от царских войск и пал на поле битвы вместе со своими родичами.

В середине 30-х гг. IV в. Армения подверглась нападению прикаспийских племен мазкутов (массагетов). Перейдя Куру, мазкуты вторглись в Армению, достигли ее центральной области Айратат и завладели столицей Вагаршапатом.

Хосров укрывался в крепости Даруйнк, пока удалось собрать войска и выбить неприятеля из столицы. В битве мазкуты потерпели полное поражение, и царь их Санесан был убит.

Так, опираясь на мощную, испытанную веками военно-административную государственную машину, армянскому царю удавалось совладать с внешними и внутренними противниками. Разумеется, успешной деятельности Хосрова немало способствовало и то, что Иран и Рим все еще соблюдали мирный договор. Мир был нарушен лишь в год смерти Хосрова II.

При этом продолжалось строительство городов. В частности, к северо-западу от старой столицы Арташата в удобной местности, посреди которой возвышался пригодный для крепости холм, была основана новая резиденция Аршакуни — город Двин, который вскоре затмил Арташат, захватив у него роль торгового узла на международных транзитных путях. В окрестностях Двина насаждались леса, было создано два больших заповедника для царской охоты, один из которых был назван по имени царя «Хосровакерт».

[Н.Г. Нерсисян «История армянского народа»]

Хосров II основал город Двин, вокруг посадил лес, создал заповедник. Там же был дворец Аршакуни. Многочисленные комнаты его выходили в широкие, скрещивающиеся между собой коридоры. Отсюда каменные лестницы вели на следующий этаж, освещавшийся верхним светом. На царской половине одна из самых красивых комнат - приемный зал. В приемной комнате с высоким золоченым куполом были покрыты резьбой и каменные колонны, и арка над ними. Резные двухстворчатые двери блестели позолотой, затем шла другая огромная комната - трапезная, где за царский стол садились больше 1000 гостей. За трапезной открывался ряд других комнат. В самом конце находился тронный зал, где царь принимал иностранных послов, нахараров и князей. Царский трон был резной, украшенный золотом и серебром. Ручки его изображали львиные головы с раскрытыми пастьями. В этих палатах было множество диванов, покрытых парчой, дорогими коврами и расшитыми подушками, особенно много их было в трапезной, стены которой были украшены картинами. На крыше было водружено армянское царское знамя правящей династии Аршакуни - красный круг по белому полю.

[Раффи «Самвел»]

2.16 Тиран.

Новый царь Тиран (338—350) продолжал политическую линию отца, однако в менее благоприятных внешних и внутренних условиях. В 345 г. вновь разразилась война между Персией и Римом, и снова ее ареной стала Армения. Во внутренней сфере к борьбе против нахараров прибавились первые столкновения царя с церковью.

Со времени своего основания армянская церковь управлялась представителями рода Григория Просветителя. Неуклонный рост не только идеологической, но также экономической и политической силы церкви, участвовавшие случаи поддержки церковью нахарарских родов беспокоили царей. При Тиране вспыхнул конфликт между царем и католикосом Иусиком, закончившийся убийством последнего. Сан католикоса был снят у рода Григория Просветителя.

В борьбе царской власти с мятежными нахарарами при Тиране выдвинулся крупный политический деятель Айр-мардпет, который

возглавил дело централизации государства. По его инициативе были жестоко наказаны нахарарские роды Арцруни и Ршту.

[Н.Г. Нерсисян «История армянского народа»]

Персидский царь Шапух обманом призывает к себе Тирана, написав ему письмо такого содержания.

Письмо Шапуха Тирану

«Доблестный маздезновец², восседающий рядом с Солнцем царь царей Шапух, поминая добром нашего любезного брата – царя Армении Тирана, (шлет ему) горячий привет.

Мы точно установили, что ты неуклонно соблюдал нашу дружбу и не пришел вместе с императором в Страну персов и даже войско, которое он забрал у тебя, ты отозвал, послав вслед (вестника). Мы знаем также, что первый твой поступок был совершен с целью не дать ему пройти через твою страну, что он собирался сделать. Поэтому, (когда) наши сторожевые отряды, оробев, отступили и возлагали вину на тебя, то мы разгневались и напоили их салара (начальника) бычьей кровью (казнили). Клянусь великим богом Михром, мы не нанесем никакого вреда твоему царству, только ты поспеши повидаться с нами, дабы мы могли поразмыслить об общем благе».

Услышав это, Тиран, потерявши рассудок, отправился к нему. Шапух же, увидев его, стал порицать его перед лицом своих воинов и лишил его зрения. Верно, это было отмищением за святого мужа [Иусика], который просвещал нашу страну, будучи, по Евангельскому слову, светом мира, коего Тиран лишил Армению и сам погрузился во мрак, процарствовав одиннадцать лет.

[Мовсес Хоренаци «История Армении»]

2.17 Аршак II

Но Шапух, опасаясь, как бы армянские войска не стали чинить ему препятствия в дальнейших его предприятиях, назначает царем на смену Тирану его сына Аршака. Он счел, что такой шаг - оказание благодеяния - поможет ему закрепить страну за собой. Он прибрал к рукам и нахарарские роды, взяв из всех них заложиков. Вместо же Вахана Аматауни военачальником армянской восточной рати он назначил преданного ему Валинака Сюни и,

² Маздезновец – последователь зароастрийской религии.

поручив ему ведать Арменией, сам отправился преследовать греческое войско. Добравшись до Вифинии, он оставался там много месяцев. Не будучи в состоянии сделать ничего (примечательного) он водружает на берегу моря столп и ставит на нем изображение льва, попирающего книгу, что означало нечто такое как лев могуч среди зверей, так (царь) персидский - среди царей; книга же, подобно Римскому государству, является вместилищем мудрости.

В те времена северные народы возмутились против персидского царя Шапуха. Воцарившийся же над греками Валентиниан посылает рать в Средиземье и изгоняет персидское войско. Затем он обращается с письмом к царю Аршаку.

Письмо Валентиниана Аршаку.

«Самодержец Валентиниан Август с кесарем Валентом, разделяющим со мной трон и корону, Аршаку, царю Армении, (желает) радости.

Тебе следовало помнить бедствия, причиненные вам безбожными персами, и благодеяния, оказанные (вам) нами издревле и вплоть до тебя самого, отойти от них и сблизиться с нами, (с тем) чтобы ты, соединившись с нашими войсками, сражался против них и прислал дань своей страны в сопровождении одобрительных писем моих полководцев; тогда твои братья и находящиеся с ними изгнанники будут отпущены. Будь здоров в совершенной покорности Римскому государству».

Но Аршаак даже не ответил на письмо и отнесся к римлянам с высокомерным пренебрежением; однако и к Шапуху он не был расположен всем сердцем. Пребывая в самодовольстве и непрестанно чванясь на попойках, сопровождавшихся пением наемных музыкантов, он внешне выглядел отважнее и храбрее Ахилла, а на деле походил на хромого и остроголового Терсита. Он бунтовал против своих сюзеренов, пока не получил воздаяние за надменность.

В третьем году царствования Аршаака патриархом Армении стал Нерсес Великий, сын Атанагинеса, сына Иусика, сына Вртанеса, сына святого Григора. Вернувшись из Византии в Кесарию и затем в Армению, он возродил все полезные учреждения своих отцов и (сделал) даже более того, ибо привил у нас благие установления, какие видел в Стране греков, особенно — в престольном городе. Созвав собор епископов вместе со всеми мирянами, он каноническим постановлением укрепил милосердие во искоренение безжалостности, искони бытовавшей в нашей стране. Ибо прокаженные изгонялись, считаясь по законам нечистыми, и шелудивых гнали, чтобы другие не заражались от них; убежищем им служили пустыни и безлюдные места, кровом же — скалы и кустарники, и ни от кого они не получали

утешения в своем злосчастьи. При этом и калеки не были ухожены, странники не получали приюта, пришельцы не приглашались (под кров).

Он же повелел построить в разных областях, в укромных и скрытых местах, приюты для отверженных в утешение их страждущим телам, подобно больницам в Греции. И распределил между ними аваны и агараки, чтобы снабжали их в порядке подати с урожаев плодами полей и молоком пастбищ, и шерстью, притом – с доставкой, дабы те не покидали своих обиталищ. Надзор над всем этим он поручил некому Хаду, своему дьякону из (деревни) Марган в Карине. Он распорядился также построить во всех деревнях пристанища для странников, где находили бы себе пропитание также сироты, старики и неимущие. В пустынных и безлюдных местах он строит монастыри, обители, отшельнические скиты.

Он искоренил из нахарарской среды два следующих (явления): первое – сватовство между близкими родственниками, которого придерживались из стремления к сохранению исконного состояния, второе – изуверства во время похорон по языческим обычаям. С тех пор Армения обрела вид страны не безобразных варваров, а благонравных граждан.

Но Аршак дерзнул совершить еще одно безрассудное дело – построил за горой Масис дзеракерт (город) – место сборища преступников – и издал приказ, что всякий, кто вступит туда и там поселится, будет свободен от суда и наказания. И тотчас вся долина, подобно морю, наполнилась людьми, ибо залогоимцы и должники, слуги и злодеи, воры и убийцы, разведенные и прочие им подобные беглецы, водворялись там, и не было на них иска и следствия. Нахарары многократно жаловались, но Аршак не хотел ничего слышать. Дошло до того, что они донесли свои жалобы до Шапуха. И вот, при своем возвращении из Греции, Шапух послал одного из своих военачальников и с ним – армянский отряд, чтобы схватить Аршака, если удастся. Но тот ушел от них в сторону Кавказа, заключив союз с иверами.

(Затем) армянские нахарары собрались и двинулись на царский дзеракерт Аршакаван и предали мечу и мужчин, и женщин, (всех) кроме грудных младенцев; ибо каждый из них был озлоблен против своих слуг и преступников. Хотя Нерсес Великий и знал об этом заранее, он не успел прибыть до избиения, а явился уже по завершении дела и застал детей убитых распределенными для увода в плен, как будто это были дети чужеродных врагов. Нерсес Великий освободил их и приказал снести их в корзинах в хлев, и назначил им питание и кормилиц.

[Мовсес Хоренаци «История Армении»]

Тирану наследовал его сын Аршак II (около 350 г.). Первое десятилетие правления этого царя протекало в мире. Он возвращается к мягкой политике Трдата III, стремясь достигнуть единства и согласия с нахарарами и церковью. Сан католикоса был возвращен роду Григория Просветителя, — он был присвоен внуку Юсика Нерсесу, прозванному Великим, ранее, состоявшему на военной службе. С целью урегулирования отношений с Римом к императору было направлено посольство во главе с католикосом. В эти годы Аршак II основал свой «дастакерт» — город Аршакаван на южных склонах Арарата, что впоследствии привело к острому конфликту с нахарарами.

Были сделаны попытки укрепления правопорядка в стране: созван первый армянский церковный собор в городе Аштишате, бывшем языческом, а в это время уже христианском культовом центре, где были приняты законы (каноны) как религиозного, так и светского характера. Примечателен канон, увещевавший господ проявлять милосердие к слугам и подчиненным, не обременять их чрезмерными налогами и т. п. Это была попытка смягчить ожесточившуюся классовую борьбу. Следует вспомнить в этой связи, что к этому времени относится распространение такой хотя и пассивной, но все же определенной формы классовой борьбы, как «пустынничество» — бегство угнетаемых людей в «пустыни», в отдаленные, глухие местности и создание там обособленных религиозных общин. Ряд канонов, принятых на соборе, был направлен против языческой религии и обычаев, например, против браков между близкими родственниками, несовершеннолетними, против многоженства и т. п.

Однако мир внутри страны был нарушен в конце 50-х гг. Вновь на политическую арену выходит действовавший уже при Тиране Аир-мардпет и вытесняет главного советчика царя-католикоса Нерсеса. Последнего заставляют отречься от сана в пользу некоего Чунака, «раба из рабов царских», по выражению историка V в. Фавстоса Бузанда. Суровая кара обрушивается на непокорный род Камсараканов, конфискуются их владения, в частности, подаренный им еще Трдатом III город Ервандашат. Аир-мардпет открыто выступает против заложенной Трдатом III политики щедрого одаривания церкви землями, вынашивает планы секуляризации земли, с целью нанести удар экономической мощи церкви. Однако ему, не удалось осуществить свои планы: он пал жертвой заговора.

При царском дворе обостряется борьба между проримской и проперсидской группировками, в течение которой погибает ряд родственников и приближенных царя. Эта борьба проникает и внутрь нахарарских родов. Так, род Мамиконянов, обычно настроенный проримски, раскалывается надвое: одно крыло возглавляет спарапет Васак, ближайший сподвижник царя, другое — его брат Ваан, ставший предателем, агентом персидского царя (за что впоследствии Ваан был убит собственным сыном Самвелом). Уходят на службу к персам и некоторые другие нахарары.

В 359 г. вспыхнула очередная война между Персией и Римом. В том же году персидские войска, вторглись в южные провинции Армении, завладели городом Тигранакертом и крепостью Зиата и разрушили их. После неудачной осады крепости Ангех они при помощи предателей, захватили крепость Ани в области Даранали, разрушили и разграбили находившуюся в ней родовую усыпальницу армянских царей Аршакуни.

Именно в это время, по-видимому, и был разрушен город Аршакаван, основанный всего несколько лет назад. Существование этого города необычайно раздражало нахараров, ибо на призыв царя поселиться в новом городе отозвался, главным образом, трудовой люд, стонавший под игом нахараров и находивший убежище от них в Аршакаване. Кроме того, город стал одной из опор царской власти. Воспользовавшись персидским нашествием, в котором принимал деятельное участие мятежный нахарар Меружан Арцруни, и трудным положением царя, наиболее озлобленные из нахараров, при содействии персидского войска, напали на Аршакаван и сравняли его с землей. Таков был конец Аршакавана, этого запоздалого порождения эллинистического градостроительства в Армении.

Аршак II ушел в Грузию и вернулся оттуда с отрядом грузинских вспомогательных войск. Вокруг него собрались его сторонники. В сражении между нахарарскими и царскими войсками ни одна из сторон не добила решающего перевеса, и при посредничестве Нерсеса, который вновь получил сан католикоса, был заключен мир.

В 360 г. император Констанций пригласил Аршака в Кесарию для укрепления римско-армянского союза. Вскоре власть в Риме перешла к императору Юлиану, прозванному «Отступником» за попытку восстановить язычество. В 363 г. Юлтан во главе большого войска напал на Персию. Одна из его армий двигалась по южным областям Армении и отсюда, усиленная армянскими войсками, вторглась в Мидию и

овладела землями Хиликоме. Основные же силы Юлиана двигались, вдоль Евфрата и достигли персидской столицы Ктесифона. Однако Юлиан пал в сражении, а новый император Иовиан, не имея намерения продолжать кампанию, поспешил в Рим чтобы упрочить свое положение. Вследствие этого срочно был заключен мирный договор, который даже римский историк IV в. Аммиан Марцеллин охарактеризовал как «постыдный» для римлян, считая наиболее постыдным пунктом его тот, по которому Рим обязался не помогать более Армении. По договору, Иран получил некоторые южные области Армении.

В следующем 365 г. персидский царь Шапур II (309-379), уже не опасаясь римского вмешательства, напал на Армению. Четыре года Армения, в какой-то мере объединившаяся перед угрозой, потери независимости, вела неравную борьбу с могучим Ираном. В конце концов, видя, что неблагоприятный исход войны приближается, многие армянские нахарары открыто перешли на сторону персов, некоторые же заняли нейтральную позицию, в сложившихся условиях в сущности не отличавшуюся от предательства первых.

Желая обезглавить армянский лагерь, Шапур II пригласил к себе Аршака II якобы для переговоров. Это коварное предложение нашло отклик среди армянских нахараров: Аршака вынудили принять приглашение. Однако, когда он вместе со спарпапетом Васаком Мамиконяном явился в Ктесифон, Шапур II не посадил его за стол переговоров, а заключил в оковы и отправил в одну из отдельных крепостей, где Аршак II и умер. Отправление Аршака и Васака к Шапуру, их трагическая кончина нашли яркое отображение в армянском народном творчестве, послужившем источником для историка V в. Фавстоса Бузанда.

[Мовсес Хоренаци «История Армении»]

Легенда о пленении и смерти Аршака II.

Персидский шахиншах Шапух усомнился в преданности армянского царя Аршака II и решил проверить его. Он отдал приказ половине пола в шатре, где произойдет встреча, засыпать армянской землей и обрызгать армянской водой, другую же половину оставить так, как есть, т.е. как часть персидской земли. И вот, прогуливаясь с гостем в шатре, Шапух расспрашивает гостя:

*«Царь армянский Аршак,
Зачем ты стал мне врагом?
Я же тебя как сына любил,
Дочь свою выдать хотел за тебя,
Сыном своим сделать тебя,
Ты же озлобился против меня.
Сам от себя, против воли моей,
Сделался мне врагом
И тридцать лет провел в войнах со мной!»*

Аршак признается, что действительно, не найдя признания своих боевых заслуг перед Шапухом, он покинул его, но теперь сожалеет об этом:

*«Я твой слуга, в руках у тебя,
Поступи со мной, как желаешь сам,
Хочешь, убей, ведь я твой слуга,
Виноват пред тобой, и я смерть заслужил!»*

Но вот диалог продолжается уже на армянской земле, и Аршак гневно бросает Шапуху в лицо:

*«Прочь от меня, раб и злодей,
Ты власть обрел
Над своими тэрами,
Не прощу ни тебе, ни сынам твоим,
Я отомщу за предков моих,
Отомщу за смерть Царя Артавана!»*

И далее Аршак припоминает Шапуху: вы, рабы, отняли у нас, у ваших господ, наш бардз, но мы вернем себе наш почет³.

Эта необычная прогулка продолжалась в течение всего дня. Всякий раз, как Аршак оказывался на персидской земле, он уверял персидского царя в своей верности, но на армянской земле его речь становилась все более и более грозной.

Вечером Шапух приглашает Аршака на празднество, и тогда вновь возникает вопрос о старшинстве. Ведь было правило, отмечает автор, что седалище (гах) армянского царя ставили рядом с гахом персидского царя, т.е.

³ Аршак выступает в качестве одного из представителей царской фамилии Аршакидов, к которой принадлежал и убитый царь Артаван (Артабан). Но на иерархической лестнице Аршак, как армянский царь, занимает второе место, что и символизировал его *бардз*.

они выступали как равные. Но на этот раз место Аршака оказалось в самом конце, ниже всех, и там также была подсыпана армянская земля. Когда пригласили Аршака, то он некоторое время мрачно молчал, но потом заговорил:

«То место мое, где ты сидишь, встань оттуда,
Это я там должен сидеть!
Ведь то место — нашего рода,
И когда я вернусь домой,
Отомицу тебе я жестоко!»

И тогда персидский царь велел принести железные цепи, надеть на шею Аршака, заковать его ноги и руки и до самой смерти держать в «Крепости Забвения», откуда узники уже не выходили никогда.

Земля придает человеку силы, эта тема не раз затрагивалась в древних сказаниях, вспомним хотя бы миф об Антее, которого Геракл одолел лишь тогда, когда оторвал от земли. Но в данном случае говорится не просто о земле, но о родной земле и о родной воде. Древнее представление о живительной силе земли обретает совершенно иное звучание.

За гордые речи еще горше поплатился прибывший с Аршаком спарапет Армении Васак Мамиконеан — царь Шапух приказал содрать с него кожу, набить сеном и отправить в ту же крепость, где томился Аршак.

Аршак продолжал томиться в узилище, когда один из ближних его, евнух Драстамат, обратился к Шапуху с просьбой посетить армянского царя. Шапух ответил просителю, что до сих пор никто не решился напомнить персидскому царю о каком-либо узнике Крепости Забвения, тем более что Драстамат заговорил о его, царя, злейшем враге. «Но так как велики твои заслуги передо мною, то пусть будет исполнена твоя просьба... Ступай, да будет дано тебе то, что ты попросил взамен твоих заслуг». Драстамата провели в темницу и «освободил он Аршака от железных оков, от ручных и ножных кандалов и от тяжелой цепи, стягивавшей ему шею, вымыл ему голову, выкупал его, облачил его в благородные одежды, накрыл стол для него, усадил его, поставил перед ним ужин по обычаю царей и поставил ему вина, как подобает царям; он старался оживить его, утешить и развеселить музыкой гусанов (музыкантов)». Но вино ударило в голову, и тогда царь в отчаянии вонзил себе в сердце нож, которым он резал фрукты и яства. Смерть наступила мгновенно. При виде этого, Драстамат кинулся к Аршаку, вынул из его сердца нож и им же закололся.

[К. Н. Юзбашян «Армянская эпопея V века»]

2.18 Царь Пап

Пользуясь безвластием в Армении после пленения Аршака II, Шапур двинул сюда свою армию. Страна была предана страшному разгрому. Враги взяли и разрушили до основания все крупные армянские города: Арташат, Вагаршапат, Ервандашат, Нахчаван, Заришат, Ван и Тигранакерт, перебили здесь всех взрослых мужчин, а детей и женщин угнали в Иран. Царица Парандзем с царевичем Папом заперлась в крепости Артагерс. Папу вскоре удалось бежать к римлянам, а царица с оставшимися ей верными нахарарами и 11-тысячным гарнизоном больше года, несмотря на жестокий голод и болезни, выдерживала осаду персов. В 369 г. осаждавшим все же удалось взять Артагерс и овладеть всеми царскими сокровищами. Парандзем вместе с другими пленными угнали в Иран. Для ее поругания шах Шапур велел построить на площади своей столицы специальный дом, в котором каждый желающий мог совокупляться с низложенной царицей. Таким образом, она была замучена до смерти. А в завоеванной Армении начались разрушение церквей и гонение на христиан.

[Константин Рыжов «Все монархи мира»]

После смерти Аршака Шапур собрал большое войско под начальством Мехружана и наслал на Армению, поручив ему ведать нашей страной. Он и замуж выдал за него свою сестру Ормиздухт и одарил его грамотами на многочисленные селения и дастакерты в Персидской стране, и обещал ему трон царя Армении, лишь бы тот, совладав с нахарарами, обратил страну в маздезновскую веру. Мехружан обязался выполнить это и, захватив по прибытии многих нахарарских жен, заключил их в разные крепости в надежде на обращение их мужей. Он принялся за отмену всех христианских порядков, заключал в оковы и высылал в Персидскую страну епископов и священников под предлогом (невыплаты) налогов. Сжигал все книги, какие ему попадались, и приказал учиться персидской, а не греческой грамоте, не сметь говорить по-гречески или переводить (с этого языка) якобы с целью положить конец близости и дружеским связям армян с греками, на деле же, чтобы закрыть пути христианскому вероучению; ведь в то время еще не было армянской письменности и служба в церквях велась на греческом языке.

Когда Нерсес Великий узнает обо всех постигших Армению бедствиях и о смерти Аршака, он обращается к самодержцу Феодосию с мольбой о помощи. Тот возводит на престол Папу и предоставляет ему большое войско под начальством храброго стрателата Теренция. Но Мехружан приказывает

охране подвесить нахарарских жен на крепостных стенах, пока не умрут, а трупы оставить на виселицах, пока не разложатся и распадутся и не станут добычей птиц.

[Мовсес Хоренаци «История Армении»]

В то время, когда Армянское царство казалось уже окончательно сокрушенным, прибыл Пап с большим римским войском. Вокруг него стали объединяться разрозненные отряды патриотов, и вскоре ожесточенная война возобновилась. Потерпев несколько поражений, персы отступили. В 369 г. вместе с Мушегом Мамиконяном (сыном казненного персами Васака) царь вошел в Арташат. В 371 г. Шапур опять напал на Армению. Решительное сражение произошло у подножья горы Нпат на Дзиравской равнине. Армянская армия, которую поддерживал большой римский отряд, присланный императором Валентом, сражалась с большим мужеством и одержала победу.

[Константин Рыжов «Все монархи мира»]

Местом сражения стало поле, называемое Дзиравом, и боевые порядки стали сходиться. Отпрыски храбрых армянских нахараров, жаждавшие подвигов, вышли в середину порядков под водительством своего военачальника аспета Смбата, сына Багарата из рода Багратуни. Вышли и двинулись им на встречу также их сверстники из персидской рати, и все смешались. Стоило только персидским юношам повернуться, как наши пускались за ними вдогонку и, подобные урагану, срывающему листья у лесных деревьев, столь же стремительно они сбивали их с коней копьями и бросали их хладные трупы на землю, не давая им укрыться в своих боевых порядках. Когда же персы обращали наших вспять, то они укрывались за сомкнутыми щитами греков, как в укрепленном городе, не терпя никакого ущерба. Ибо начальник пехоты Горгоний устроил все так, что боевые порядки Папа были прикрыты щитами, как стеной.

Так как греческие воины носили золотое и серебряное оружие и кони их были украшены таким же образом, то они выглядели подобно каким-то стенам, причем многие из них своим снаряжением из ремней и кожаной брони создавали впечатление твердых каменных глыб, а над ними колыхались гривы с голов животных, подобно раскидистым кронам деревьев.

Когда же напротив наших войск вошло солнце, блики от покрытых медью щитов, как от огромной тучи, стали отражаться в горах, а из-за них, подобно сполохам зарницы, выскакивали покрытые броней храбрецы из

наших нахараров. Один только их вид привел персидскую рать в замешательство; немного (растерялись) и наши, ибо восходящее солнце мешало им смотреть вперед. Но лишь обе стороны столкнулись, сверху их осенило облако, и навстречу персам подул сильный ветер греческие и армянские войска, получив поддержку свыше, покрыли все поле трупами неприятелей и, обратив всех оставшихся в бегство, пустились в преследование. Вместе с ними вытеснили с поля битвы и Урнайра, царя Алвании, израненного Мушегом, сыном Васака Мамиконеана.

Но нечестивцу Мехружану не удастся последовать за беглецами, так как его конь был ранен. Его быстро настигает армянский военачальник Смбат и, изрубив его людей, захватывает самого злодея у края тростникового поля Когайовита. Ему приходит в голову, что, возможно, Нерсес Великий освободил бы Мехружана, потому он не ведет его в лагерь, а тут же на месте находит все необходимое для уничтожения нечестивца: каких-то людей в палатке, разведших костер, и железный вертел для поджаривания мяса. Нагрев вертел, он сворачивает его в двойной обруч наподобие венца и, раскалив добела, говорит: «Венчаю тебя, Мехружан, ибо ты домогался армянской короны; я же, как аспет, обязан наложить на тебя венец, согласно обычаю и праву моих отцов». И налагает его, все еще в раскаленном, как огонь, виде, на голову Мехружана. Так околел этот злодей. После этого страна, покоровшись власти Папа, успокоилась.

[Мовсес Хоренаци «История Армении»]

Шапур вынужден был признать Папа царем Армении. Несмотря на юный возраст, тот проявил себя незаурядным государственным деятелем. В течение всего своего царствования ему удавалось поддерживать мир с Ираном и тем дать стране хотя и короткую, но очень нужную ей передышку. Он увеличил численность царского войска до 90 тысяч человек и с помощью Мушега Мамиконяна сумел разгромить многих мятежных нахараров. Пап попытался также урезать чрезмерные привилегии армянской церкви и из-за этого не раз вступал в конфликт с армянским патриархом Нерсесом. После его смерти Пап своей властью поставил патриархом епископа Иусика. Многие приюты и монастыри, основанные Нересом, были закрыты или упразднены (царь считал, что они стали убежищем для всех нежелающих платить подати и нести государственные повинности). Часть церковных земель отобрали в пользу казны. В результате всех этих мер Армянское царство вновь усилилось. Однако независимая и самостоятельная политика Папа (в особенности, его частые сношения с шахом) не понравились

римлянам. В 374 г. римский полководец Теренций пригласил Папу к себе на пир. Здесь прямо за столом армянский царь был зарублен римскими легионерами.

[Константин Рыжов «Все монархи мира»]

Папа (Поп) был приглашен на римский банкет, устроенный с восточной роскошью и сластолюбием; стены зала оглашались приятной музыкой, и гости уже разгорячились от вина, когда военачальник удалился на одно мгновение; возвратившись, он обнажил свой меч и подал сигнал к убийству. Один здоровый и сильный варвар тотчас устремился на армянского царя, и, несмотря на то, что этот последний храбро защищал свою жизнь первым орудием, какое попало под руку, стол императорского военачальника обагрился царственной кровью гостя и союзника. Таковы были малодушные и низкие принципы римского управления, что, для достижения двусмысленных целей своей политики, оно бесчеловечно нарушало в глазах всего мира и правила международных отношений, и священные правила гостеприимства.

[Э. Гиббон «Закат и падение римской империи»]

2.19 Нахарары и цари. Борьба и единство.

Княжества в Армении назывались *нахарарствами*, сколько было областей, столько было и нахарарств. течение веков вследствие различных политических обстоятельств число их то увеличивалось, то уменьшалось.

Владетели княжеств назывались *нахарарами*.

Каждый нахарар был полным господином в своей стране. Его власть передавалась по наследству из поколения в поколение. Все нахарары подчинялись царю Армении. Они платили в царскую казну определенный налог, были обязаны содержать известное количество войск, помогать царю во время войн, а в мирное время охранять границы государства. Впервые Арташес II определил границы нахарарств, поставил на межах каменные столбы и размер наследования каждого из нахараров записал в царские книги. Трдат же Великий определил обязанности нахараров относительно охраны рубежей.

Многие из нахарарских домов пользовались особыми привилегиями как в управлении областью, так и при царском дворе. Например, в день торжественного венчания царя на царство венценалагателем, аспетом,

избирался нахарар из рода Багратуни; главный евнух царского дворца избирался из нахарарского рода Мардпет, главнокомандующий войсками — спарапет — из нахарарства Мамиконян. Были еще и другие нахарарства, имевшие различные привилегии на придворной службе. Каждое нахарарство представляло собой особое княжество. Княжил старший в роде: он назывался *нахапетом* или *танутером*. Остальные же наследники нахарарского дома пользовались лишь доходами области в виде жалованья или же натуральных поступлений. Рост числа членов княжеского рода в течение веков, вполне понятно, приводил к тому, что доходы области оказывались недостаточными для их содержания. В таких случаях нахарары, как это часто бывало, приобретали новые владения, отнимая земли у своих соседей. Внутренняя борьба и кровопролития продолжались из поколения в поколение и зачастую являлись причиной полного уничтожения целых нахарарских родов.

Царь, по своей земельной собственности, являлся как бы самым крупным нахараром. Он присвоил себе весь Айрарат — сердце страны.

Айрарат, как царская вотчина, был неделим. В Айрарате жили только царь и царский наследник; Остальные члены царского дома не имели права проживать, в Айрарате. Им были выделены определенные провинции. При Аршакидах это стало законом.

Области Аштеанк, Алиовит и Арберани со всеми доходами были предназначены для лиц царской фамилии; С течением времени их численность в этих областях настолько возросла, что даже доходы с земель оказались недостаточны. Поэтому члены царской семьи постоянно сетовали на малость угодий и выпрашивали у царя новые земли.

В истории Армении нет ни одного случая, чтобы лица из царского рода Аршакидов занимали какую-либо государственную должность. Им дарили обширные земли, им выдавалось из казны щедрое жалованье, чтобы они наслаждались жизнью, занимались охотой и разного рода увеселениями, не думая об иной славной жизни. Все это делалось в соответствии с тогдашней политикой с той целью, чтобы отвлечь их от притязаний на престол. Как уже сказано, царь присвоил себе Айрарат и вместе с наследником престола проживал в столице. Остальные царевики не имели права селиться в Айрарате.

Вследствие увеличения царского рода и умножения нахарарств занята была большая часть земель страны, это сокращало доходы во вред царской казне.

При такой государственной организации, когда сила ее измерялась размером земли и количеством жителей, вполне понятно, что объединенная сила нахараров могла не только производить давление на царя, но и имела возможность постоянно держать в своих руках его судьбу. Войско держал каждый из нахараров, и военная сила некоторых из них была значительно больше военной силы Айрарата. Но, с другой стороны, существовало, множество самодовлеющих нахараров, имевших свои особые интересы, свои издревле утвердившиеся обычаи. Поэтому, очень понятно, из этих раздробленных княжеств не могло образоваться единое, крепкое автократическое государство. Последние цари из династии Аршакидов чувствовали, в чем заключалась их слабость, и с целью превращения государства в единую, крепкую организацию начали постепенно ограничивать господство нахараров. Общее положение страны, опасность извне и постоянные столкновения с нахарарами повели царей по этому естественному пути.

Эта идея возникла у аршакидских царей, начиная с того дня, когда христианство проникло в Армению. Трдат III явился первым, кто уничтожил могучее нахарарство Слкуни. Но у этого выдающегося государя, занятого большим делом религиозной перестройки Армении, не нашлось времени для осуществления еще более трудной политической перестройки. Три преемника Трдата Великого — Хосров II, Тиран II и Аршак II повели дальше начатое дело.

Сын Трдата Великого, Хосров Младший, хотя и не походил на своего гиганта-отца и не обладал его непобедимой храбростью, но все же был умным человеком. Мягкие меры, примененные им, были более политичны и могли оказаться более губительными для нахараров, если бы Хосров долго жил. Но он процарствовал всего лишь девять лет. Он задумал связать старших нахараров со своим двором и посредством придворных увеселений деморализовать и ослабить их. С этой целью он издал закон, по которому нахарары, имевшие от тысячи до десяти тысяч войска, должны были всегда находиться при царе и не отъезжать от него. И чтобы занять нахараров, Хосров у веселых берегов Ерасха основал город Двин, перевел туда свой двор, а долину реки Азат вблизи города покрыл искусственными лесами, названными по его имени Хосровакерт. Там для нахараров были уготовлены всякого рода развлечения и забавы. Там соблазны, придворный разврат изнашивали их, убивали в них стремление к власти. Но это продлилось недолго. Со смертью Хосрова умерла и зародившаяся в нем идея.

Сын Хосрова, Тиран II, не последовал мирной политике отца. Беспощадной рукой он перебил несколько нахарарских родов и в особенности представителей двух старейших нахарарских фамилий — Арцруиидов и Рштунидов.

Тиран не мог продолжать дальше эту внутреннюю борьбу, так как его царствование, подобно отцовскому, было кратковременно — одиннадцать лет. Своим поведением он оттолкнул от себя многих нахараров и остался беспомощным и покинутым. Последствием такого положения явились его военные неудачи, которые он потерпел сперва от римлян, а затем от персов.

Персидский царь ослепил его и отнял трон.

Сын Тирана Аршак II постарался завершить то, что начали его предшественники. Он объявил открытую войну нахарарам. Но для того, чтобы начать с ними борьбу, он нуждался в крепкой опоре, иначе говоря, ему нужна была мощная партия. Невозможно было создать такую партию из нахараров, так как все они объединились против него. А один Айрарат не имел достаточной силы для борьбы с нахарарами. Изобретательный царь задумал перетянуть на свою сторону если не весь народ, то, по крайней мере, недовольных, ту часть, которую преследовали и угнетали властители-нахарары. С этой целью он основал у подножия горы Масис город-убежище, назвав его своим именем Аршакаван. Когда город был готов, он издал приказ, в силу которого всякий вошедший в этот город считался свободным от закона и суда. Вскоре город и вся долина провинции Ког, где находился Аршакаван, наполнилась массой переселенцев. Там нашли убежище все те, кого преследовали и угнетали нахарары. Там нашли убежище все недовольные и протестующие. Там нашли убежище также и преступники, осужденные законом.

Все жители города были из числа подданных нахараров. Все эти горемычные и вместе с тем отчаянные были в руках Аршака мощной силой для борьбы против нахараров.

Кроме того, оставшиеся на нахарарских землях жители, имея перед собою такой пример, могли впасть в соблазн и в любую минуту восстать, видя, что царь жалует свой народ большей свободой и большими милостями, чем князья.

Отсюда возникли кровопролитные войны между нахарарами и Аршаком.

Быть может, Аршак и остался бы победителем, если бы нахарары не прибегли к внешней помощи. Они обратились к вековому врагу армян

— к персидскому царю. Шапух извлек пользу из внутренних раздоров Армении и послал на помощь нахарарам свои войска. Оставшийся без поддержки Аршак бежал на север в Кавказские горы.

Во время его отсутствия месть нахараров превзошла всякую меру жестокости. С помощью нахараров персы овладели городом Ани, ограбили царскую казну и даже не пощадили усыпальницу аршакидских царей: разрушили могилы и увезли в плен царские останки.

В то же самое время нахарары обрушились на Аршакаван и беспощадно перебили как мужчин, так и женщин. Город-убежище наполнился трупами; кровь рекой текла по улицам. Уцелела лишь часть грудных детей.

Аршак вернулся с Кавказа, ведя с собой грузинские и иные горские войска. Снова возгорелась война между нахарарами и царем.

Нахарары, проводив персов с богатой добычей, призвали на этот раз против своего царя греков. Легионы Валента приблизились к армянским границам. Перед Аршаком стояли три могучих врага: греки, персы и его нахарары...

Он не отчаивался, но уступил, когда ангел мира явился и прекратил кровопролитие. То был Нерсес Великий. Великий пастырь примирил нахараров с царем, взяв клятву в том, чтобы отныне царь обращался с ними справедливо, и они служили ему верой и правдой.

[Раффи «Самвел»]

2.20 Государство и церковь. Духовная и светская власть.

Напряжённые взаимоотношения царя со своими нахарарами и существовавшие между ними убоицы, часто дававшие повод к ужасным кровопролитиям, — все это было описано в выше.

Но для армянской истории было характерно еще и другое, более печальное явление, а именно: такие же враждебные взаимоотношения царя с духовенством и с его высшими представителями.

С того дня, когда христианство стало проникать в Армению, началась глухая внутренняя борьба между царем и духовенством. Борьба эта не раз приводила к печальным и трагическим результатам. Примечательно то, что эта борьба начинается с того же времени и в дни

тех же царей, которые боролись со своими нахарарами. Этими царями были четыре преемника Трдата Великого: Хосров, Тиран, Аршак и Пап.

Даже сам Просветитель не избег преследований. Последние дни своей жизни он провел в неизвестности, скрываясь в пещерах горы Сепух.

Из его сыновей Аристакеc был убит князем Архелаем, а Вртанес лишь чудом спасся от неистовства толпы в Аштишатском монастыре.

Один из сыновей Вртанеса, Григорис, умер мученической смертью на поле Ватнян, а другой, Иусик, был убит в церкви по приказу своего тестя, царя Тирана.

Одним словом, начиная с Просветителя вплоть до его последнего потомка Саака Партева, почти никто из представителей этого большого патриаршего рода не умер своей смертью, но все сделалась жертвой жестокости либо царя, либо нахараров.

Каковы же были причины этих бедствий? Может быть, борьба новой религии со старинными языческими обычаями и нравами?

Именно так и объясняют это армянские историки.

Все преемники Трдата Великого, кроме Врамшапуха, вплоть до падения дома Аршакидов, описаны ими в качестве людей в высшей степени безнравственных. Духовенство порицало их непристойный образ жизни, они же в гневе повелевали убивать духовных лиц. Таков суд истории.

Но та же история бессознательно обнаруживает иногда такие штрихи, которые свидетельствуют как раз о противоположном и заставляют искать корни совершенных злодеяний в более глубоких и веских причинах.

Почему аршакидские цари после принятия христианства, вместо того чтобы облагородиться, стали более жестокосердными, более преступными? Нравственное влияние христианства не могло дать таких чудовищных результатов. Почему, наконец, аршакидские цари до принятия христианства были более нравственными и более благородными? Тигран II, Арташес II, Хосров Великий представляют собой образцы человеколюбия и высокой добродетели. И вообще среди армянских языческих царей нельзя указать ни одного, кто был бы охарактеризован историей столь неприглядно, как последние христианские цари из Аршакидов. Были ли они варварами, беспощадно избивавшими представителей духовенства?

Для решения этого вопроса следует прежде всего выяснить, что представляло собой в то время духовенство и какой вид имела духовная власть.

После того, как Просветитель и Трдат ввели христианство в Армении, требовалось обеспечить духовное сословие. Новопосвященный царь в своем беспредельном христианском усердии не пожалел передать только что построенным монастырям и церквям в вечную собственность множество сел, посадов, усадебных мест и иное недвижимое имущество. К церковным учреждениям перешли и те имения капищ, какими владели они в языческие времена. Иначе говоря, когда языческие храмы стали христианскими, они сохранили за собой прежние владения.

Кроме того, Трдат издал всеобщий закон о том, чтобы в усадебных местах (в малых поселениях) церкви принадлежало «по четыре земли», а в посадах (в больших поселениях) «по семь земель», что означало, что давалось такое количество земли, которое было достаточно для семи семейств.

Таким именно образом церковь стала самым богатым землевладельцем в государстве.

Нерсес основал большое количество новых монастырей, умножив же их, он вместе с тем умножил число монашествующих братии. В его дни число одних только епископов доходило до 1020, не считая церковников низшего сана.

Основанные им монастыри служили различным целям. Это были разного рода епископства, дома для клириков, братства и женские монастыри, разбросанные по всем уголкам армянской земли. И в каждом из них проживало значительное количество оторванных от мира монахов, наслаждавшихся обильными благами монастырей.

Но великое дело этого крупного пастыря, блиставшего своим человеколюбием, любившего свой народ, как друг, состоит не в этом. Он создал множество благотворительных учреждений, где находили заботу и приют всякого рода горемыки и неимущие. Будет не лишним вспомнить о некоторых из этих учреждений. Прежде всего, *дома для нищих*, где кормились бедные и неимущие. *Больницы*, в которых лечили больных. *Дома для прокаженных*, где заботились о таких больных, которые по обычаю страны считались нечистыми и изгонялись из селений, чтобы не заражать других. Эти несчастные жили в пустынях или у больших дорог. *Приюты*, в которых получали питание старики и люди нетрудоспособные. *Приюты для сирот*, где кормили

сирот и беспризорных детей. *Вдовьи дома*, где заботились о старушках-вдовах. *Гостиницы* или странноприимные дома, где находили приют странники, путешественники и прохожие. *Постоялые дворы*, устроенные у дорог, у горных проходов и вообще в таких местах, где было безлюдно, чтобы путешественники могли найти там пристанище.

Великий благоустроитель Армении являл собою совершенный образец добродетели. Сам он прежде всех показывал примеры милосердия и сострадания и убеждал других делать то же самое по отношению к неимущим и нуждающимся братьям.

После этого весьма понятно, почему этот почитаемый человек был столь популярен. Его называли отцом народа. Всюду, где он появлялся, наступала тишина, прекращалось волнение. Он был ангелом мира. Не только армянский царь, не только нахарары Армении, но даже византийские императоры и персидский царь остерегались его. Могучей рукой держал он узду правления Арменией и соответственно своим столь широким воззрениям давал направление ее политике.

Об этом направлении следует сказать, так как в нем таились корни того глухого разногласия, которое, постепенно разрастаясь, в конце концов привело к бедственным усобицам между духовной и светской властью.

Чего же желал этот могучий ум? Он хотел превратить Армению в огромный монастырь, в общее братство, где бы господствовало только равенство, где бы не было имущественных различий, где бы бедный, неимущий, немощный, нетрудоспособный получал бы пищу с божьего стола;

Каковы же оказались результаты управления таким монастырем?

Это был самый трудный экономический вопрос того времени. Он породил все те столкновения и борьбу, которая разгорелась между духовной и светской властями и ускорила плачевное падение аршакидского государства.

Монастырь давал хлеб, кормил бедных, лечил больных, питал сирот и вдов, обучал и воспитывал детей народа. Он получал средства от народа и возвращал их с процентами. Кроме того, и сам народ был членом монастырского братства. Народ был доволен и не сетовал,

Но роптал царь, роптали нахарары. Царь не мог не заметить, что в его государстве образовалось другое государство — духовное, которое незаметно и постепенно захватило не только большую часть земель, но и перетянуло на свою сторону народ. Оно стало наивысшим и

наисвященнейшим авторитетом, перед которым преклонялись все. Царь ужаснулся и понял, хотя и поздно, что церковь настолько усилилась и окрепла, что держит в своих руках уже и царский престол.

Быть может, бедствие наступило бы не очень скоро, если бы аршакидские цари проявили большую терпимость, и если бы духовная власть не вышла за пределы своих узко духовных задач. Но духовенство стало смело вмешиваться в дела государства.

Таинство исповеди раскрыло широкую дверь перед духовенством для того, чтобы войти в душу народа. Знакомясь посредством исповеди с поступками отдельных людей, духовенство стало судить их за преступления и наказывать. Наказания, которые вначале ограничивались только церковным покаянием, в конце концов, приняли характер светского осуждения. Церковь практиковала как штраф, так и порку. Порке не подвергалась лишь знать — свободные, а штраф налагался на людей всех сословий. Так наказывала церковь преступников.

Церковь вмешивалась и в такие споры, которые носили чисто гражданский характер: например, в вопросы о разделе земель, дела об их захвате и т. п. Церковь вмешивалась и в дела по разверстке и сбору налогов. Во всем этом она действовала не в качестве мирового посредника, а в роли правомочного лица.

Все это полностью противоречило правам царя и нахараров, которые считали только себя господами и судьями страны.

Аршакидский царь не привык признавать какую-либо иную власть, кроме своей. Аршакидский царь был священной персоной. В его лице соединялось небесное и земное, духовное и светское. Христианство же отняло у него эту священность особы и передало патриарху церкви. Этого он не мог простить.

Патриарх церкви считал себя полновластным попечителем своей паствы и своего государства. В трудных случаях он вел переговоры с другими государствами и заключал мирные договоры. Он выступал судьей, когда между царем и его нахарарами возникали несогласия. Словом, он участвовал во всех государственных делах и смело протягивал руку к царскому двору, вмешиваясь даже в семейную жизнь царя. Однажды, во время одного из ежегодных празднеств, когда царь Тиран хотел вместе со своими вельможами войти в церковь, навстречу ему вышел католикос Иусик и закричал: «Куда ты идешь? Ты недостойн! Уйди!..» Царь не мог этого снести. По его приказу католикоса забили палками насмерть...

Вопрос заключался не только в упорной борьбе между страной и новой религией. Вопрос был чисто экономический — о владении собственностью. Тут боролись противоположные интересы церкви и государства.

Пал начал преследовать духовенство и сократил его непомерно возросшее число. Он закрыл женские монастыри и приказал всем монахиням, давшим обет безбрачия, выйти замуж. Издал приказ, чтобы бедным и нищим не помогали и не подавали больше милостыни. По мнению Папа, вся эта благотворительность развивала в народе лень и дармоедство и вместе с тем поднимала авторитет церкви — этой попечительницы дармоедов. Он запретил давать церкви тот «духовный плод», ту «десятину», которая издавна была установлена его предшественниками. Кроме того, он конфисковал в пользу государства большую часть церковных земель. Вместо установленных Трдатом «семи земель» оставил церкви только «две земли», а пять присоединил к дворцовым имениям. И в соответствии с этими «двумя землями» оставил в каждом селе по два священника и по два диакона, а остальным приказал поступить на военную службу. Сыновей, братьев, родственников священников и диаконов, которые до этого времени были освобождены от налогов, он обложил податями. Он упростил брачные законы. Дал свободу вероисповедания: желавшие снова могли отправлять свои древние языческие обряды и даже поклоняться кумирам.

И, конечно, молодой царь совершил бы еще и другие нововведения, если бы вероломный византийский меч не умертвил его во время пиршества.

[Раффи «Самвел»]

2.21 Раздел Армении между Римом и Ираном (Персией).

После убийства Папа царем в Армении по выбору римлян становится один из его родственников Вараздат, которого армянские историки V в. характеризуют как великолепного атлета, но слабого правителя. В эти годы развернулась деятельность спарাপета Мушега Мамиконяна. Он выдвинул широкую программу преобразований, целью которых было укрепление государства, усиление политической централизации, строительство новых городов взамен пострадавших ста-

рых. Однако, не видя внутри самой Армении достаточно сильной опоры для осуществления своей программы, он в значительной мере рассчитывал на поддержку и помощь Рима.

Программа Мушега натолкнулась на противодействие в среде армянской знати. Под ее давлением Вараздат предъявил Мушегу обвинение в предательстве; Мушег был убит.

Вскоре против Вараздата при поддержке персидского царя восстал другой представитель рода Мамиконянов — Манвел. Он победил Вараздата в сражении и изгнал его из пределов страны. Царь отправился к своим покровителям римлянам, но они также были недовольны им и сослали в Британию. В Армении же воцарился сын Папа Аршак III (378 — 389) при регентстве Манвела Мамиконяна. Регентство продолжалось до самой смерти Манвела, последовавшей в 385 г. Еще при Вараздате, в 375—376 гг., в ирано-римских дипломатических сферах начали зондироваться возможности решения вопроса об Армении путем ее раздела между двумя державами. Новый император Феодосий и персидский царь Шапур III (385—389) продолжали обсуждать этот вопрос и пришли к соглашению. Согласно этому договору, армянские области Софена, Ахдзник, Кордук, Нор-Ширакан и некоторые другие были отторгнуты от Армянского царства и присоединены непосредственно к римским или иранским владениям. Осталась так называемая Срединная страна, которую Аршак и Хосров полюбовно разделили между собой. По словам Бузанды, «армянское царство разделилось, распалось, уменьшилось и потеряло свое прежнее величие».

В 387 г. Армения была разделена на две неравные части: западные области — Карин, Акилисена, Держан, Мананали, Даранали, Хордзена, Мзур и некоторые другие перешли к Риму, а все остальные части более трех четвертей территории Армении — к Ирану. Аршак III предпочел перейти в римскую часть и процарствовал здесь еще 2 года; после его смерти в западной части Армении царь не назначался, и она была включена в провинциальную систему Римской империи. В персидской части Армении после раздела был поставлен новый царь — Хорсов III Аршакуни. Он также царствовал недолго. Недовольные им нахарары, как сообщает об этом армянский историк V в. Лазар Парпецы, обвинили его в склонности к римлянам, и персидский царь заменил Хосрова III его братом Врамшапухом.

[М.Г. Нерсисян «История армянского народа»]

2.22 Царь Врамшапух. Создание Армянской письменности.

Длительный период правления Врамшапуха был для Армении временем внешнего и внутреннего мира. Римляне и Сасаниды считали вопрос Армении решенным, а сам Врамшапух отказался от активной политики в отношении нахараров и принял роль посредника между ними и персидским царем. В духовной жизни страны выдающуюся роль играл избранный католикосом еще при Хосрове III Саак Партев.

[М.Г. Нерсисян «История армянского народа»]

Царь Врамшапух

Великий пастырь Саак Партев при участии своего сподвижника Месропа создал армянские письмена и новую письменность. Месроп создав письмена армянского языка и отобрав по велению Врамшапуха и Сахака Великого умных и здоровых детей, обладавших мягкими голосами и долгим дыханием, учредил школы во всех областях и стал учить во всех уголках персидского, но не греческого удела, где (народ), оказавшийся из-за рукоположения в подчинении кесарийского престола вынуждали пользоваться греческой, а не сирийской грамотой.

Армянский язык приобрел господство в армянских школах и в армянской церкви. Армяне стали молиться и читать на своем языке. Это принесло смерть чужестранному духовенству. До этого времени, как мы видели, в

армянской школе господствовали греческий и сирийский языки; греки и сирийцы были учителями армян. Когда был изобретен армянский алфавит, они были изгнаны. После перевода всех священных книг на родной язык, и церковь и школа стали подлинно национальными, и народ освободился от попечения чужестранного духовенства. А захваченный ими изменой католикосат просуществовал очень недолго.

Вот каким образом последний представитель рода Григория Просветителя, Саак Партев, заложил основы возрождения армян, основы «Золотого века», когда Армения снова ожила, и когда пало господство тьмы...

Правда, царский трон Аршакидов пал, патриарший престол подчинился персидской власти, но Саак все же спас церковь, спас народ.

После двадцати одного года царствования Врамшанух умирает, оставив десятилетнего сына по имени Арташес.

[Мовсес Хоренаци «История Армении»]

2.23 Падение Аршакидов и древнеармянского государства.

Цари Великой Армении и возглавляемый им государственный аппарат имели теперь дело не с зависимой от него и преданной ему знатью, как это было прежде, а с самовластными нахарарами-феодалами, которые отнюдь не считали необходимостью существование центральной власти, полагая, что они и сами в состоянии успешно выполнять ее функции. На этой почве постоянно возникали конфликты, перераставшие в восстания и даже кровопролитные войны между нахарарствами и центральной властью. Однако Армения не принадлежала к числу тех стран, где подобная борьба оставалась бы внутренним делом. Проримская и проиранская группы, на которые делились нахарары, никогда не останавливались перед тем, чтобы прибегнуть к военной помощи соответствующих держав. Особенно опасны были действия проперсидски настроенных нахараров, ибо политика Сасанидов в этот период была направлена на ослабление централизованного армянского государства, в то время как Рим в определенной мере был заинтересован в сохранении этого государства в качестве барьера против своего главного соперника Ирана.

Внутренней опорой армянских царей оставалась та часть нахарарств, для которой сепаратистская политика так или иначе была невыгодна, затем города, остававшиеся чуждыми феодализму, и, наконец, армия,

хотя и лишившаяся прежней мощи, но все же сохранившая превосходство над нахарарскими войсками.

Опираясь на эти силы, Аршакуни, то посредством задабривания (предоставление земель, выгодных должностей и т. п.), то путем устрашения (конфискация владений мятежных нахараров, истребление их родов) в течение довольно длительного времени обуздывали центробежные элементы государства, оберегая его целостность. Здесь действовал и другой весьма важный фактор: широкая народная поддержка в те периоды, когда -центральная власть выступала как организатор отпора чужеземным захватчикам, защиты независимости страны.

При всем том, однако, государство Аршакуни переживало тяжелый кризис. Будучи порождением предшествующего общества, оно в какой-то мере приспособлялось к условиям нового общества, предпринимало определенные преобразования в духе требований феодализма. Возможно, что при более благоприятных внешнеполитических условиях оно смогло бы преодолеть внутренний кризис, продолжить и завершить приспособление к новым условиям. Однако, вовлеченное в сферу жестокого соперничества между Ираном и Римом, постоянно находясь под их натиском и подвергаясь их губительному вмешательству, древнеармянское государство не нашло внутренних сил для сопротивления всему этому и переживая постепенный упадок.

Вскоре после смерти Врамшапуха царем Армении был назначен сын правившего в Иране Иездигерда I — Шапур (416—420). Он, как и следовало ожидать, оказался в Армении чужеродным элементом. Вскоре он был убит вместе со своим отцом в Ктесифоне во время дворцового переворота. В 423 г. на армянский трон был возведен сын Врамшапуха Арташес.

Шестилетний период правления этого царя ознаменовался новой вспышкой борьбы центральной власти с нахарарами. Церковь в этот ответственный период выступала рука об руку с царем, сознавая, что ее противоречия с ним менее важны, чем общие интересы. Католикос Саак Партев пытался примирить царя с нахарарами, но тщетно. Как сообщает Лазар Парпеци, нахарары уже приняли решение: «...нам более не нужен армянский царь, пусть время от времени является какой-либо персидский князь и руководит нами».

Более приемлемого и желательного решения, чем это, для Ирана не могло и быть. Арташес был лишен короны, Саак Партев —

католикосата, Армения обращена в одну из провинций (марзпанств) Ирана, и править в ней был назначен персидский вельможа Вехмихршапур.

Так, в 428 г. прекратила существование династия Аршакуни, а вместе с ней древнеармянское государство как самостоятельная политическая единица. Его падение в большой мере было обусловлено внешнеполитической обстановкой — борьбой двух держав, разрывавших Армению на части. Что касается внутреннего кризиса государства — результата феодализации страны, то, возможно, он был бы преодолен при более благоприятной внешнеполитической ситуации, и государство, применяясь к новому феодальному строю, продолжало бы существовать, как это произошло, например, в соседней Грузии.

[М.Г. Нерсисян «История армянского народа»]

О злосчастном сговоре армян, замысливших собственную гибель.

Но армянский царь Арташир (Арташес) все больше погружался в пучину беспутных страстей, пока все нахарары не исполнились к нему отвращения. Они пришли к Сахаку Великому с жалобой, призывая также и его помочь им оговорить (Арташира) перед персидским царем и, свергнув своего царя, дать привести перса на управление страной. Но он ответил: «Я не считаю вас лжецами; я и сам слышал о его позорных поступках и многократно порицал его, но он отрекался. Ныне же надо проявить немного терпения к его недостаткам, пока не найдем выхода при помощи греческого императора Феодосия, а не предавать его неверным на осмеяние и поругание».

Но те не соглашались и упорно старались сделать его своим сообщником. Он же говорил: «Не стану я предавать волкам мою заблудшую овцу, сталкивать в пропасть сломленного и больного вместо того, чтобы печься о нем. Ибо если дело происходило бы перед верующим государем, я не стал бы медлить, а поспешил бы, надеясь остановить падение; но предавать его язычникам на окончательную погибель я не стану, ибо сказано: «Не предай зверям душу, исповедующуюся тебе». Ибо он, конечно, беспутен, но крещен в купели; блудодей, но христианин; растлен телом, но верует душой; предается разгулу, но не поклоняется огню; питает слабость к женщинам, но не служит стихиям. Возможно ли, чтобы я поменял свою больную овцу на здорового зверя, само здоровье которого является для нас бичом?» нахарары же, решив, что он лукавит, выигрывая время, чтобы предупредить царя, дружно заявляют: «Раз ты не соглашаешься с нами в том, чтобы он перестал быть

нашим царем, то наша воля, чтобы и ты не священствовал над нами». И они, сговорившись, отправляются к персидскому царю Вرامу, в сопровождении некоего Сурмака, тщеславного иерея из Арцке, с клеветническим обвинением на своего царя Арташира и Сахака Великого в том, что они замыслили предаться грекам.

[Мовсес Хоренаци «История Армении»]

Об упразднении Армянского царства по желанию самих армян и о поругании патриаршего престола.

Тогда персидский царь Врам вызвал армянского царя Арташира и Сахака Великого ко двору, где стали требовать, чтобы последний возвел обвинения на Арташира. Но он отказался высказать что-либо плохое или хорошее.

Разгневанный Врам, устроив разбор дела на большом судилище, не слушал Арташира и внимательно прислушивался к клеветникам, особенно же к мерзейшим словам Сурмака. Так как нахарары – приспешники вражьей воли и приверженцы супостата – обещали ему патриарший престол, то он, движимый своекорыстием, обратил свой язык в губительный клинок. Кончилось тем, что Врам приказал отобрать у Арташира царскую власть, заточить его там же и конфисковать все достояние его рода; то же самое – по отношению к Сахаку Великому, вплоть до конфискации католикосова дома. Вместо него (он велел) посадить на патриарший престол Армении упомянутого Сурмака и отпустил армянских нахараров с большими дарами, дав им в марзпаны перса по имени Вехмихришанух.

[Мовсес Хоренаци «История Армении»]

Плач об утрате Армянского царства родом Аршакуни и патриаршества — родом святого Григора.

Оплакиваю тебя, Армянская страна, оплакиваю тебя, благороднейшая из всех северных (стран), ибо отняты у тебя царь и священник, наставник и учитель; потревожен мир, укоренился беспорядок, пошатнулась правдоверность, невежество утвердило иноверье.

Сокрушаюсь по тебе, армянская церковь, утратившая красу алтаря, лишенная отважного пастыря и его сподвижника. Не вижу более твое разумное стадо пасущимся на зеленом лугу и у вод отдохновения или собранным в овчарню и защищенным от волков, но (вижу) рассеянным по пустырям и крутизнам гор. Вокруг нас бои и осады, и Маккавей не избавляет. Настали войны внутри и бедствия извне; бедствия от язычников и войны с

еретиками. И нет среди нас наставника, чтобы научил нас и подготовил к бою.

Увы утратам, увы повести о несчастьях! Как я смогу вынести эти страдания? Как я закалю свой ум и язык, чтобы воздать словами отцам за мое рождение и воспитание? Ибо они пода Кто теперь оценит наше учение? Кому будут в утеху мои, его ученика, успехи? Кто выразит отеческую радость по поводу сына, в чем-то превзошедшего его? Кто обуздает дерзость ополчающихся против здорового учения, которые, шатаясь и разлагаясь от любого слова, только и заняты частой сменой учителей и книг, как сказал один из отцов? Они равно обижаются на все слова, а сами являют дурной пример тем, что издеваются над нами и презирают нас как людей несостоятельных, чуждых какому-либо полезному умению. Кто же заставит их замолкнуть угрозой, утешит нас похвалой и определит меру слову и молчанию?

При одной мысли об этом стоны и слезы исторгаются из моих недр и заставляют вести горестные и скорбные речи. И не знаю, куда направить эти причитания и по ком проливать слезы; по бедному ли моему юному царю, отвергнутому вместе с потомством вследствие злого сговора и претерпевшему кончину до своей смерти, будучи бесславно сброшенным с престола; или по самому себе, ибо исчез с моей головы роскошный венец — прекрасный и благодатный; по отцу ли и первосвященнику, с его возвышенным умом, распространявшему совершенное слово, каким он правил и упорядочивал, и, взяв бразды правления в свои руки, направлял людей и обуздывал языки, извергавшие чуждые речи; или же по себе, покинутом Духом на терзания и безвыходность; по родителю ли своему, источнику учения, орошавшему справедливость, и подобно потоку, вымывавшему нечестие, или по себе, истомленному жаждой и завядшему от оскудения струи его наставлений; по бедствиям, уже постигшим нашу страну или по ожидаемым в будущем?

Наставники безграмотные и самодовольные, присвоившие свой сан, а не призванные Богом, избранные при помощи серебра, но не Духом, стяжатели, завистники, потерявшие кроткость, в коей обитает Бог, и обратившиеся в волков, терзающих свое стадо.

Монахи лицемерные, чванливые, тщеславные, предпочитающие почести Богу.

Епископы горделивые, сутяги, суесловные, ленивые, ненавистники наук и назиданий, любители торжищ и скоморошества.

Ученики нерадивые в учении и скорые на поучения, богословы прежде (изучения) теории.

Простолюдины дерзкие, непокорные, бражники, вредоносные бегущие от наследственного (надела).

Воины робкие, хвастливые, ненавидящие брань, бездельники, сластолюбивые, нестойкие, грабители, пьяницы, похитители, собратья разбойников.

Начальники мятежные, приспешники воров, скаредные, рвачи, скупые, алчные, расхитители, разорители, сквернолюбцы, сообщники слуг.

Судьи бесчеловечные, лживые, обманщики, взяточники, не чтущие закон, изменчивые, придирчивые.

И полная утрата всеми любви и стыда.

Ибо властвующие цари — жестокие и злобные, налагающие тяжкое бремя и издающие невыносимые приказы; управители — немиротворящие, безжалостные; друзья — изменившие, и враги — обретшие могущество; вера — проданная за суетную жизнь. Разбойники без числа, явившиеся отовсюду: разграбление домов и расхищение имущества; заключение начальников в оковы и знатных в тюрьму; ссылка на чужбину благородных и несчетные беды простолюдинов; взятие городов и разрушение крепостей; разорение аванов и поджог зданий; голод неизбывный, болезни и смерти разноликие; забытое богослужение и ожидание геенны.

От этого да оградит нас Христос Бог, вместе со всеми, кто поклоняется ему в истине; слава ему от всех творений! Аминь.

[Мовсес Хоренаци «История Армении»]

Рация Рухьян «Родной очаг»

Решение Ереванского городского совета

ЕРЕВАНСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

РЕШЕНИЕ

Август 1991г.

62. О наименовании ряда улиц и топонимов г. Еревана

N 15/62

Во исполнение решения, принятого народными депутатами на сессии Ереванского городского совета "О наименовании ряда улиц и топонимов г. Еревана".

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПОСТАНОВИЛ

1. Переименовать примыкающие к проспекту Маштоца и пересекающиеся с ними улицы в честь благодетелей Золотого века армянской библиографии начального периода.
 - 1.1 Улицу Свердлова - в улицу Павстоса Бюзанда
 - 1.2 Улицу Маркса — в улицу Мовсеса Хоренаци
 - 1.3 Улицу Гукаса Гукасяна - в улицу Казара Парпеци
 - 1.4 Улицу Саака Тер-Габриеляна - в улицу Езника Кохбаци
 - 1.5 Улицу 26 Комиссаров - в улицу Агатангегоса
 - 1.6 Улицу Амиряна — в честь покровителя и соучастника Саака и Месропа в улицу царя Врамшапуга
 - 1.7 Улицу Богдана Кнунянца - в честь героев известного сочинения Егише - в улицу Вардананц
2. Переименовать:
 - 2.1 Прежнюю площадь Азизбекова — в площадь Андрея Сахарова
 - 2.2 Проспект Орджоникидзе - в честь царской династии Армении раннего средневековья — в проспект Аршакуняц
 - 2.3 Прежнюю улицу Мовсеса Хоренаци — в честь известного предводителя армянской освободительной войны 18-го века — в улицу Давида Бека
3. Контроль над исполнением данного решения возложить на секретаря Ергорсовета Х. Варданяна.

Председатель исполкома

(подпись)

Г. Галстян

Секретарь исполкома

(подпись)

Х. Варданян

Печать

Часть 3. Византия. Македонская династия.

3.1 Историческое значение Византии.

Благодаря отношениям, установленным империей между народами Восточной Европы и Византийской империей в Средние века, их правящие и образованные классы пришли к восприятию многих сторон византийской цивилизации, а со временем стали носителями общей культурной традиции и даже внесли в нее свой вклад. Эта традиция была явлением сложным, в нее входило прежде всего общее исповедание восточного христианства, неоспоримое главенство Константинопольской Церкви, признание — по крайней мере, молчаливое — некоторой власти византийского императора над всем православным христианским миром, принятие норм римско-византийского права и убеждение, что литературные шедевры и изобразительное искусство, которое развивалось в императорских школах и мастерских, обладают универсальной ценностью и достойны подражания. Я думаю, византийское наследие оказывало столь большое влияние на страны Восточной Европы, что вполне допустимо и оправданно полагать их единым международным сообществом, хотя бы в некоторых отношениях.

[Дмитрий Оболенский «Византийское Содружество Наций».]

«Как известно, христианство было принято Русью от Византии. Вместе с христианством славяне получили письменность и некоторые элементы более высокой византийской культуры. Ясно, что трудящиеся массы нашей страны в праве заинтересоваться историей Византийской империи, а советский историк должен удовлетворить этот интерес и дать научную историю Византии, построенную на основе марксистско-ленинской методологии».

[М. В. Левченко «История Византии. Краткий очерк».]

Колокол Византии звонит не по кому-нибудь, он звонит по России. Тема Византии, ее трагическая судьба для нас не то что актуальны, а

просто жизненно важны. Это вопрос нашего бытия или — небытия. Увы, мало кто это сознает. Ладно, верховная власть наша не слишком обременена знаниями истории, но советники-то у нее разве не знают, что сейчас мы (Третий Рим) идем тем же путем, след в след, который привел к гибели Рим Второй?

В Московском Кремле «верховный визирь» каждый рабочий день должен начинать словами: «Помните о Византии!»

Как арифметику в начальной школе, надо византологию в России сделать обязательной наукой для каждого начинающего общественного деятеля. России просто необходима Византийская Академия. Что мы знаем о своей единокровной сестре? Да, как и в нашей державе, там было много народностей. Но что сплотило их в одну великую нацию — византийскую? На чем сотни лет держались единство и мощь Империи?

И — как нам соединить народ, разбитый на враждующие лагеря? Как воссоединить распавшуюся Российскую Нацию? Как найти утраченные общенародное вдохновение, азарт?.. Самые главные вопросы. Ответы на них мы могли бы вызнать у Византии...

[Сергей Власов «Константин Великий».]

3.2 Перечень Византийских императоров армянского происхождения

Маврикий VI из рода Аршакидов	575-602 г.г.
Филиппик (Вардан), сын патриция Никифора из рода Аршакидов	? - ? г.г.
Лев III Исаврянин из рода Аршакидов	717 — 741 г.г.
Артавазд, Аршакид	741 — 741 г.г.
Константин V Копроним Исаврянин	741 — 775 г.г.
Лев IV Исаврянин	775 — 802 г.г.
Никифор I, сын Артавазда	802 — 811 г.г.
Лев V Армянин (Самбатас)	813 — 820 г.г.
Василий I Македонянин из рода Аршакидов	867 — 886 г.г.
Лев VI Мудрый Аршакид	886 — 911 г.г.
Константин VII Багрянородный, Аршакид	911 — 920 г.г.
Роман I Лакабен	920 — 944 г.г.
снова — Константин VII Багрянородный	944 — 959 г.г.

Роман II, сын Константина VII, из рода Аршакидов	959 – 963 г.г
Никифор II Фока	963 – 969 г.г
Иоанн Цимисхий (Ованес Чмшчик)	969 – 976 г.г.
Василий II Болгаробойца, сын Романа II	976 – 1025 г.г.
Константин VIII, сын Романа II	1025 – 1028 г.г.
Зоя Кер, дочь Константина VIII, и ее муж Роман III Аргир	1028 – 1034 г.г.
Зоя Кер и Михаил IV Пафлогонец	1034 – 1040 г.г.
Михаил V Калофат, племянник Михаила IV	1040-1042 г.г.

[Юрий Асадов «Родословные тайны армянских князей»]

3.3 Эпоха Македонской династии.

История Македонской династии делится на два периода, неравных по значимости и продолжительности. Первый продолжается с 867 по 1025 год – год смерти императора Василия II. Второй – короткий период с 1025 до 1056 года, когда умерла императрица Феодора, последняя представительница этой династии.

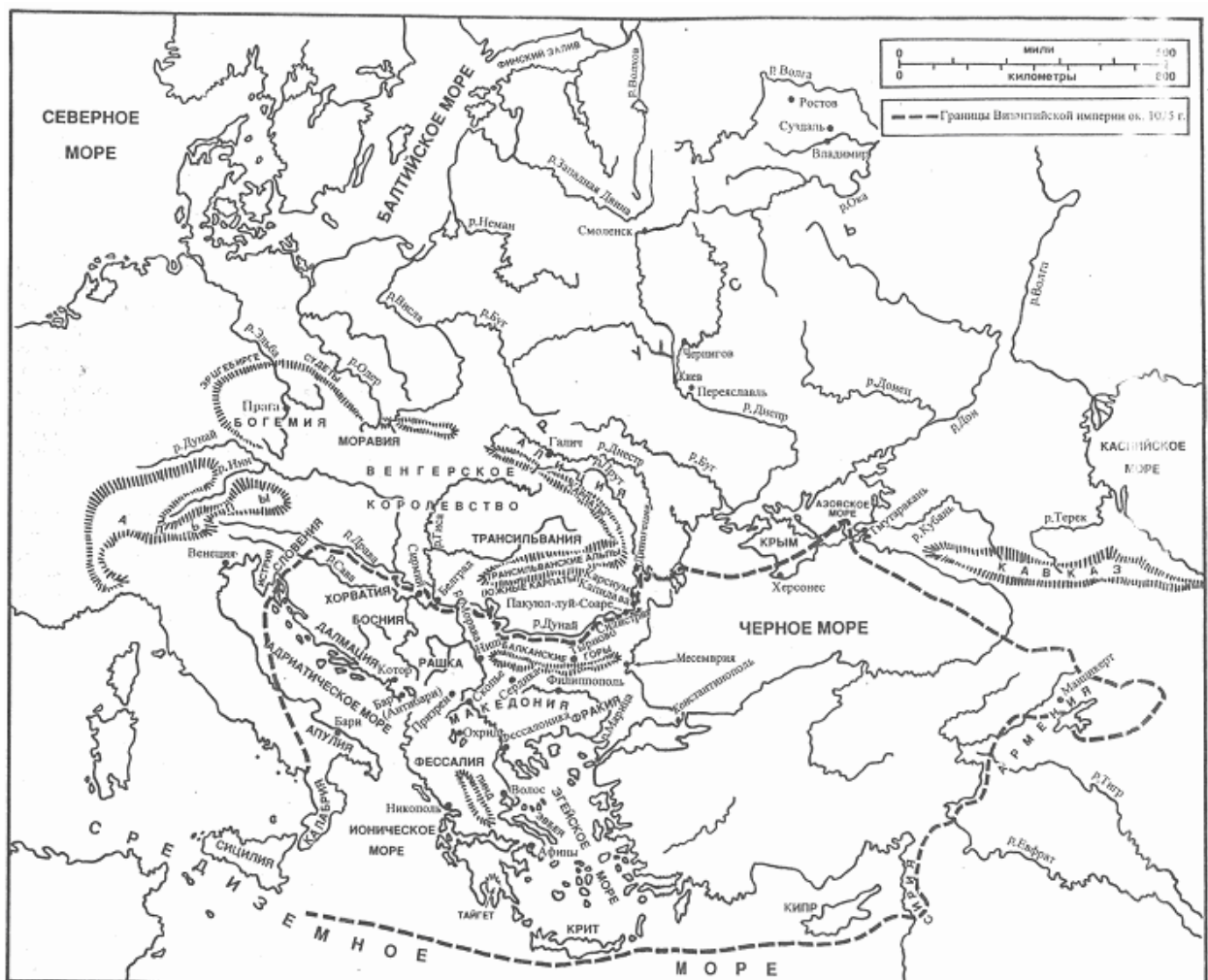
Первый период был самым блистательным временем политической истории империи. Борьба на востоке и на севере с арабами, болгарами и русскими увенчалась блистательным успехом византийского оружия во второй половине X и в начале XI века. Это произошло несмотря на отдельные поражения в конце IX и в начале XI века. Этот триумф Византийской империи был особенно велик при Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхии. Он достиг своей высшей точки во время царствования Василия II. В то время сепаратистские движения в Малой Азии были подавлены, византийское влияние в Сирии усилилось, Армения была частично присоединена к империи, частично же – приведена в состояние вассальной зависимости; Болгария была преобразована в византийскую провинцию, а Русь, приняв христианство от Византии, вошла в более тесные религиозные, политические, торговые и культурные связи с империей. Это был момент высочайшей силы и славы, когда-либо достигнутый империей. Интенсивная законодательная работа выразилась в публикации гигантского кодекса, Василик. Количество знаменитых новелл, направленных против губительного роста крупной земельной собственности, интеллектуальное движение вперед, ассоциируемое с

именами патриарха Фотия и Константина Багрянородного, добавляют еще больше славы и значения первому периоду Македонской династии.

После 1025 года, когда могущественная фигура Василия II сошла с исторической сцены, империя вошла в период частых дворцовых переворотов и анархии, который привел к смутному времени 1056—1081 годов. С приходом первого из Комнинов, который захватил трон в 1081 году, империя вновь обрела свою силу. Внутренний порядок был восстановлен, и некоторое время интеллектуальная и художественная жизнь еще процветала.

[А.А. Васильев «История Византийской империи»]

3.4 Карта Византийской империи в XI веке.

[Дмитрий Оболенский «Византийское содружество наций»]

3.5 Происхождение и путь к престолу Василия I.

Вопрос о происхождении Василия, первого представителя Македонской династии, вызвал в науке ряд противоречивых мнений. В то время как греческие и армянские источники сообщают о его армянском (аршакидском по крови) и македонском (по месту рождения) происхождении, арабские источники называют его славянским. Возможно, его семья могла быть армянской по его предкам, но они постепенно, путем браков со славянами сильно ославянились. Итак, если попытаться определить Македонскую династии более точно со стороны её племенного состава, то правильней всего называть её армяно-славянской.

[А.А. Васильев «История Византийской империи»]

Родословная Василия Македонского (если только она не была продуктом гордости и лести) представляет собой наглядный пример переворотов, происходивших в судьбе самых знаменитых родов. Соперники Рима, Аршакиды, держали в своих руках скипетр Востока в течение почти четырехсот лет; младшая линия этих парфянских царей и после того еще царствовала в Армении, а ее царственные потомки пережили раздел и порабощение этой древней монархии. Двое из этих потомков, Артабан и Хлиен, бежали или удалились ко двору Льва I, который из великодушия дал им безопасное и гостеприимное пристанище в Македонской провинции; их постоянным местопребыванием был впоследствии назначен Адрианополь. В течение нескольких поколений они поддерживали достоинство своего происхождения, а их римский патриотизм отвергал соблазнительные предложения персидских и армянских уполномоченных, приглашавших их возвратиться в отечество. Но время и бедность мало-помалу помрачили их прежний блеск, и отец Василия был доведен до того, что собственными руками возделывал маленькую усадьбу, в которой заключалось все его состояние; тем не менее, он не хотел унижать потомство Аршакидов браком с плебейкой, женился на одной адрианопольской вдове, причислявшей великого Константина к числу своих предков, и родившийся от этого брака сын был связан с Александром Македонским узами какого-то дальнего родства или национального происхождения. Лишь только родился этот сын, названный Василием, и его колыбель, и его семейство, и город Адрианополь сделались жертвами болгарского нашествия; он воспитывался на чужбине в рабстве и благодаря строгости дисциплины приобрел ту отвагу и ту гибкость ума, которые впоследствии много способствовали его возвышению. Еще будучи

юношей или только что достигнув возмужалости, он присоединился к тем римским пленникам, которые смело разорвали свои оковы, прошли через Болгарию до берегов Эвксинского моря, разбили две варварские армии, сели на корабли, которые были заранее для них приготовлены, и возвратились в Константинополь, откуда их разослали по домам. Но свобода не дала Василию средств существования; его усадьба была разорена вызванными войной опустошениями; после смерти своего отца он не был в состоянии содержать осиротевшее семейство трудами своих рук или своей службой и решился искать более блестящего театра деятельности, на котором и всякая добродетель, и всякий порок могли проложить путь к величию. По прибытии в Константинополь этот измученный странник, не имевший ни друзей, ни денег, провел первую ночь на пороге церкви св. Диомида; какой-то случайно встретившийся гостеприимный монах накормил его, и затем он поступил на службу к двоюродному брату и тезке императора Михаила III Феофилу – маленькому человечку, за которым всегда следовала толпа рослых и красивых служителей. Василий сопровождал своего патрона, когда тот отправился наместником в Пелопоннес, затмил своими личными достоинствами знатность и высокое положение Феофила и вступил в выгодную связь с одной богатой и благотворительной матроной. Из духовной или из плотской склонности она привязалась к молодому искателю приключений, усыновила его и подарила ему тридцать рабов.

Плоды ее щедрот Василий употребил на пособие своим братьям и на приобретение значительных имений в Македонии. Из признательности или из честолюбия он не покидал службы при Феофиле, а одна счастливая случайность обратила на него внимание двора. Один знаменитый борец, состоявший при свите болгарских послов, вызвал во время императорского застолья на бой самого смелого и самого сильного из греков. Василий был известен своей физической силой; он принял вызов, и варвар был побежден при первом натиске. Одной красивой лошади, которая была с норовом, было решено подрезать подколенную жилу; служитель Феофила благодаря своей ловкости и отваге объездил ее и был за это награжден почетной должностью при императорских конюшнях. Но не было никакой возможности снискать доверие Михаила, не потворствуя его порочным наклонностям, и его новый фаворит возвысился до звания главного дворцового комита и удержался на этом посту благодаря позорному вступлению в брак с одной из императорских любовниц и благодаря бесчестию своей сестры, заменившей эту любовницу.

Миллионы, накопленные золотом и серебром на государственные потребности, были безрассудно истрачены на самых недостойных людей, потакавших страстям Михаила III и разделявших его удовольствия, и в свое

тринадцатилетнее царствование самый богатый из всех монархов довел себя до того, что был вынужден обращать в деньги самые ценные украшения дворца и церквей. Подобно Нерону, он всего более всего любил театральные представления и огорчался, если кто-либо превосходил его в таких талантах, от обладания которыми он должен бы был краснеть. Однако в занятиях Нерона музыкой и поэзией были заметны некоторые проблески изящного вкуса, а постыдные наклонности Михаила ограничивались бегом колесниц на ипподроме среди этих низких, хотя и горячих состязаний он забывал и о своем личном достоинстве, и о безопасности своих владений. Он приказал молчать курьеру, который привез ему известие о неприятельском нашествии, осмелившись отвлечь его внимание в самую критическую минуту скачки, и по его приказанию были погашены докучливые сигнальные огни, слишком часто распространявшие тревогу от Тарса до Константинополя. На своих ночных пирушках, когда страсти разгорались от вина, он давал самые кровожадные приказания, а если в нем пробуждалось чувство человеколюбия, он, придя в себя, одобрял благотворное неповиновение своих служителей. Но самой странной чертой в характере Михаила была его нечестивая склонность к насмешкам над религией его отечества.

Суеверия греков действительно могли бы вызвать улыбку на устах философа, но его улыбка была бы рассудительна и сдержанна, и он осудил бы невежественное безрассудство юноши, оскорблявшего предметы публичного поклонения.

Этим сумасбродствами Михаил III навлек на себя не только общую ненависть, но и общее презрение; все с нетерпением желали избавиться от него, и даже его фавориты стали опасаться, чтобы минутная прихоть не отняла у них того, что было дано той же прихотью.

...Дела государственного управления были предоставлены брату и недругу матери Михаила III - Цезарю Вардасу; коварные женские наветы убедили Михаила, что его дядя человек и гнусный, и опасный; Вардаса вызвали из Константинополя под предлогом приготовлений к Критской экспедиции, и он был заколот главным комитом Василием в присутствии императора, в палатке, где ему была дана аудиенция. Не прошло месяца после этого деяния, как Василий получил титул Августа и управление империей. Он выносил положение неравноправного соправителя до тех пор, пока не нашел для себя опоры в уважении народа. Прихоть императора подвергла его жизнь опасности, а его достоинство было унижено назначением второго соправителя, который когда-то служил гребцом на галерах. Тем не менее, его нельзя не осудить за умерщвление его благодетеля, которое было делом и человека неблагодарного, и изменника, а церкви, которые он строил во имя св. Михаила, были жалким и ничтожным искуплением его преступления.

Различные эпохи в жизни Василия I имеют некоторое сходство с различными эпохами жизни Августа. Он окровавленными руками убийцы захватил империю, которой он впоследствии управлял с отеческой предусмотрительностью и заботливостью. Интересы частного человека могут не сходиться с его обязанностями, но только вследствие отсутствия здравого смысла или мужества самодержавный монарх может отделять свое благополучие от своей славы или свою славу от общественного благоденствия. Правда, жизнеописание или панегирик Василия был написан и выпущен в свет под продолжительным владычеством его потомков; но даже прочность их владычества приписана высоким достоинствам их предка.

Но самой солидной похвалой Василия служит сравнение между той разоренной монархией, которую он вырвал из рук Михаила, и той цветущей монархией, которую он оставил в наследство Македонской династии.

[Эдуард Гиббон. «Закат и падение Римской империи»]

3.6 Василий I у власти.

Прейдя к власти Василия I искусной рукой исправлял злоупотребления, освященные временем и привычкой, и воскресил если не национальное мужество, то по меньшей мере благоустройство и величие Римской империи. Его трудолюбие было неутомимо, его нрав был хладнокровен, его ум был энергичен и решителен, а на практике он выказал ту редкую и благотворную умеренность, которая удерживает каждую добродетель на одинаковом расстоянии от двух противоположных ее крайностей. Его военная служба ограничивалась внутренностью дворца и он не был одарен мужеством и талантами полководца. Однако в его царствование римские армии снова сделались страшны для варваров. Лишь только он успел создать новую армию введением дисциплины и военных упражнений, он лично появился на берегах Евфрата, смирил гордость сарацин и подавил опасное, хотя и справедливое восстание манихеев. Но его главная заслуга заключалась в управлении финансами, в его законодательной деятельности. Чтоб снова наполнить истощенную государственную казну, ему предложили отобрать подарки, которые его предшественник так щедро раздавал недостойным людям; он был так благоразумен, что уменьшил этот возврат наполовину и таким способом немедленно добыл сумму в 1200000 фунт. ст., которая дала ему возможность удовлетворить самые настоятельные государственные нужды и зрело подготовить реформы в государственном хозяйстве.

В числе различных проектов, составленных с целью улучшения финансов, ему предложили новый способ поголовного обложения, который ставил

плательщиков в слишком большую зависимость от личного произвола сборщиков податей. Комит представил ему список честных и способных агентов, но при тщательном рассмотрении этого списка Василий нашел, что только на двоих можно безопасно возложить такие широкие полномочия, а эти избранники оправдали его уважение тем, что не захотели воспользоваться его доверием.

Но серьезное и успешное усердие императора мало-помалу установило равновесие между собственностью и налогами, между доходами и расходами; для каждой отрасли государственного управления был назначен особый источник доходов, и твердо установленная система обеспечила и интересы монарха, и собственность народа. Уменьшив роскошь императорского стола, Василий назначил доходы с двух родовых имений на то, чтобы в его дворце был приличный достаток; налоги, собиравшиеся с его подданных, употреблялись на их защиту, а все, что оставалось, шло на украшение столицы и провинций. Хотя склонность к постройкам обходится дорого, она может быть в некоторых случаях похвальной и может находить много мотивов для своего оправдания; она возбуждает предприимчивость, поощряет искусства и в некоторой мере доставляет обществу пользу или удовольствие; польза большой дороги, водопровода или госпиталя очевидна и бесспорна, а сотня церквей, воздвигнутых по приказанию Василия, удовлетворяла благочестие того времени. В качестве верховного судьи Василий был и рачителен, и беспристрастен; он старался спасти виновных, но и не боялся карать их; кто угнетал народ, тот подвергался строгим наказаниям, но личные враги императора, прощать которых было бы небезопасно, лишались зрения и должны были проводить остальную жизнь в уединении и в покаянии. Перемены, происшедшие и в языке, и в нравах, требовали пересмотра устарелой Юстиниановой юриспруденции: объемистые тома его Институций, Пандектов, Кодекса и Новелл были переделаны на греческий язык под сорока титулами, и исправленные и дополненные сыном и внуком императора "Василики" должны считаться за самобытное произведение основателя их династии. Этому славному царствованию положило конец несчастье, случившееся на охоте. Рассвирепевший олень зацепил своими рогами за перевязь императора и стащил его с лошади; Василия спас один из его служителей, обрезавший перевязь и убивший зверя; но от падения или от лихорадки силы престарелого монарха истощились, и он испустил дух во дворце среди плача и своих родственников, и своих подданных.

[Эдуард Гиббон. «Закат и падение Римской империи»]

Главная задача внешней политики Василия I, основателя Ма-

кедонской династии, заключалась в борьбе с мусульманским миром. Обстоятельства как нельзя более благоприятствовали этому, так как при нем Византия находилась в мирных отношениях на востоке с Арменией, на севере с Русью и Болгарией и на западе с Венецией и западным императором, с которым интересы Византии сталкивались в Италии.

Открытые в начале семидесятых годов удачные военные действия на востоке Малой Азии против последователей известной секты павликиан отдали в руки императора их главный город Тефрику и, расширив этим византийскую территорию, поставили Василия лицом к лицу с восточными арабами. Но столкновения с последними вылились, после нескольких значительных сражений, в форму обычных ежегодных пограничных столкновений, не имевших общего значения и оканчивавшихся с переменным успехом то для одной, то для другой стороны. Тем не менее, в результате малоазиатская граница Византии продвинулась значительно на восток.

Гораздо серьезнее были отношения Василия к западным арабам, которые к тому времени владели уже большей частью Сицилии и занимали некоторые важные пункты в Южной Италии. Южноитальянские смуты повлекли за собой вмешательство западного императора Людовика II, который овладел важным городом Барии и с которым Василий заключил союз для общих действий против западных арабов в целях изгнания их из Италии и Сицилии. Но союз не дал желанных результатов и скоро распался. После смерти Людовика жители Бари передали город византийским властям. Между тем арабы заняли важный в стратегическом отношении остров Мальту, к югу от Сицилии, а в 878 году после девятимесячной осады приступом взяли Сиракузы.

Взятие войсками Василия Тарета в Южной Италии и успешное продвижение вперед вглубь страны под начальством талантливого Никифора Фоки в последние годы правления Василия могли служить некоторым утешением после сиракузской неудачи.

В последние годы своей жизни Василий, сделавший уже в начале своего царствования неудачную попытку заключить союз с западным императором против западных арабов, заключил союз, уже в целях борьбы с восточными арабами, с армянским царем Ашотом Багратидом (Багратуни). Но в это время Василия не стало.

Несмотря на потерю Сиракуз и на отсутствие выдающихся успехов в борьбе с арабами вообще, Василию удалось несколько расширить свои

пограничные владения в Малой Азии и восстановить утраченное до него значение византийского имени в Южной Италии. По словам новейшего исследователя того времени, «состарившийся Василий мог умереть в мире. Он выполнил как на востоке, так и на западе очень большое военное дело, которое в то же время было делом цивилизаторским».

[А.А. Васильев «История Византийской империи»]

Поддержка Мефодия – основателя славянского алфавита.

В 881 г. Мефодий приехал в Константинополь по приглашению Василия I. Возможно, его путешествие было предпринято с одобрения Папы Иоанна VIII, вполне примирившегося в тот момент с Византийской Церковью. Житие Мефодия сообщает, что он был тепло принят императором и патриархом Фотием и что перед возвращением в свою центральноевропейскую епархию он оставил в Константинополе двух учеников, священника и диакона, снабдив их церковными книгами, переведенными с греческого на славянский. Визит Мефодия в Константинополь — первый со времен отъезда братьев с миссией в Моравию двадцать лет назад — мог объясняться желанием византийских властей обсудить с ним проблему евангелизации славянских соседей империи. И Василий I, и Фотий были весьма заинтересованы в этом и приветствовали использование славянской литургии в миссионерских начинаниях к северу от границ империи. Тот факт, что Мефодий оставил своему государю двух учеников и славянские богослужебные книги, а также приезд в Константинополь несколькими годами позже другой группы его учеников, выкупленных в Венеции из рабства послом Василия I, доказывают, что византийское правительство собирало в то время славяноязычных священников и накапливало славянские книги, намереваясь использовать их в Болгарии, а, возможно, также в Сербии и на Руси.

[Дмитрий Оболенский. «Византийское Содружество Наций»]

Из «Поучительных глав» Василия I, адресованных его сыну, будущему императору Льву IV.

Образование украшает империю и увековечивает память об императорах, к нему следует относиться, как к «предводительствующему государством».

Образование — дело в жизни полезное и наиважнейшее не только для

императоров, но и для частных лиц.

... Разум у всех в почете, да редко встретишь наделенного им; в результате, надо стремиться не только к тому, чтобы разум был присущ тебе самому, но следует стараться денно и нощно общаться с людьми разумными.

... Ценить "слово истины" означает самому владеть им, и приближать к себе им владеющих; так ты будешь казаться в своих делах и речах надежным и сохранишь расположение к себе подданных.

Злой язык, если имеет в пособниках человека влиятельного, станет причиной многих бед и для себя, и для тех, кто ему последует. Уста благоговейные, рассуждающие истинно, приносят великую пользу и им внимающим, и их обладателю.

То, что собираешься сказать, прежде обдумай, дабы язык не опередил рассудок; стыдись говорить беспорядочно; говорить надлежит либо то, что ты точно знаешь, либо то, чего от тебя требует момент, а в остальных случаях молчание — лучшие речи.

Не медли с изучением древних историй, ибо ты без труда найдешь в них то, что другие собирали с трудом.

Успех дела, обеспечивает хороший совет, советниками надо пользоваться такими, какие принимают правильные решения и хорошо справляются, с собственными делами; не следует приобщать к совету людей неопытных и льстящих тебе; советуйся со знатоками и с теми, кто готов порицать тебя за ошибки, ибо лишь они достойны быть причисленными к друзьям и советникам.

Хорош тот император, который назначает архонтов, преследующих несправедливость, кто изучает нравы, характеры, добродетели и образ мыслей своих архонтов, с тем, чтобы достоверно знать каждого и соответственно этому определять его в надлежащий чин.

Более всего ты прославиться, если будешь каждому определять свое место — достойным управлять вручишь власть, а с подвластными распорядишься так, что они не будут ни оскорблять архонтов, ни терпеть оскорбления от них.

Чинами награждай безвозмездно и не продавай за дары почестей; получивший власть заслуженно принесет больше пользы подданным; если хочешь изгнать из государства взяточничество, вверяй власть тем, кто не ищет этого дарами, ведь давший тебе что-то за власть будет стремиться извлечь из нее выгоду... а достигший власти бесплатно не будет обвинен во взяточничестве; тот же, кто обрел власть за плату, никогда не научится делать что-либо без даров.

Радуйся радеющим о тебе друзьям, как истинным, больше, чем

родственникам; дружба по родству от природы, а не от добродетели, тогда как любовь друзей — от добродетели и по свободной воле; закон первой — природа, второй — бог; родственники нередко из-за мелочей злоумышляют против родственников, истинные же друзья, презрев весь мир, не предпочтут любви друзей даже самую жизнь... обретай себе друзей и близких слуг среди тех, кто был хорош к своим друзьям и господам... кто радел о старых друзьях, тому есть вера, что он будет радеть и за тебя.

Легче приобрести друга, если ты скажешь о нем что-нибудь доброе в его отсутствие, но так чтобы это могли ему передать; похвала — начало дружбы, порицание — начало вражды, и если ты хочешь сохранить друзей, то хвали их при других в их отсутствие; проверяй друзей в нужде и трудностях; истинными друзьями считай тех, кто дружит не ради выгоды, но из одной лишь добродетели дружбы. Нет ничего сильнее дружбы, утверждается в «Поучительных главах», ничто на свете не заменит истинного друга, надо хранить дружбу во все времена и повсюду.

3.7 Лев VI Мудрый.

Из четырех сыновей императора Василия I старший, называвшийся Константином, умер прежде своего отца. Младший из его сыновей, по имени Стефан, удовольствовался почестями патриарха и святого; двое остальных, Лев и Александр, были возведены в императорское звание, но правительственная власть находилась в руках одного старшего брата. Имя Льва VI было украшено прозвищем Философа (Мудрого), а сочетание достоинств монарха с достоинствами мудреца, дарований практического деятеля с дарованиями философа действительно могло бы считаться за высшее совершенство человеческой натуры. Но Лев едва ли имел право заявлять притязания на такие идеальные превосходства. Подчинял ли он свои страсти и влечения верховенству разума? Он провел свою жизнь в роскоши дворца и в обществе своих жен и наложниц, и даже милосердие, которое он иногда выказывал, и мир, который он старался поддерживать, должны быть приписаны мягкости и беспечности его характера. Умел ли он одерживать верх над своими собственными предрассудками и над предрассудками своих подданных? Его ум был заражен самыми ребяческими суевериями; своими законами он поддерживал влияние духовенства и заблуждения народа, а его прорицания, разоблачавшие пророческим слогом будущие судьбы империи, были основаны на астрологии и на ворожбе. Если бы мы стали доискиваться, почему этому императору было дано прозвание Философа, то мы не нашли бы никакой другой причины, кроме той, что сын Василия был менее несведущ, чем большая часть его современников, и из среды духовенства, и из среды

мирян, что его воспитанием руководил ученый Фотий и что им было написано или было издано под его именем несколько сочинений по разным научным предметам как светского, так и духовного содержания. Но его репутация как философа и как человека религиозного была поколеблена пороками семьянина — частыми бракосочетаниями. Первоначальное понятие о достоинстве и святости безбрачия проповедовалось монахами и было усвоено греками. Брак дозволялся как необходимое средство для размножения человеческого рода; после смерти одного из супругов тот, который оставался в живых, мог удовлетворить слабость своей плоти или ее силу вторичным браком; но третий брак считался за нечто вроде легального прелюбодеяния, а четвертый был бы таким грехом или скандалом, которому еще не было примера между восточными христианами.

Сам Лев уничтожил в начале своего царствования легальное положение наложниц и осудил третий брак, не отменяя его; но его патриотизм и любовная привязанность скоро довели его до того, что он нарушил изданные им самим законы и подверг самого себя той епитимье, которую налагал в подобных случаях на своих подданных. От своих первых трех жен он не имел детей; но императору была нужна подруга, а империи был нужен законный наследник. Красавица Зоя была введена во дворец в качестве наложницы, а когда ее плодовитость была доказана рождением сына Константина, ее любовник объявил, что намерен дать и матери, и ребенку законные права путем четвертого бракосочетания. Но патриарх отказал ему в своем благословении, согласился окрестить новорожденного принца лишь с условием, чтобы император отослал свою любовницу, а когда данное обещание не было исполнено, исключил супруга Зои из общества верующих. Ничто не могло сломить упорства монаха — ни угроза ссылки, ни отказ в повиновении со стороны его собратьев, ни авторитет латинской церкви, ни опасение, что престол или вовсе останется без наследника, или сделается предметом спора между претендентами. После смерти Льва его возвратили из ссылки и снова возвели в прежние должности по гражданскому и по церковному управлению, а изданный от имени Константина декрет, признававший заключение четвертого брака за скандал, наложил пятно на его собственное происхождение.

[Эдуард Гиббон «Закат и падение Римской империи»]

3.8 Константин VII Багрянородный и Роман Лакапин

На греческом языке пурпур и порфир называются одним и тем же словом, а так как в природе цвета не изменяются, то мы можем отсюда заключить, что тирская краска, в которую окрашивались у древних пурпуровые мантии, была темно-красного (багряного) цвета. В византийском дворце одна комната была обложена порфиром; она предназначалась для беременных императриц, а в знак того, что родившиеся там дети были царской крови, их называли Порфирородными, или родившимися в пурпуре. Многие из римских императоров были осчастливлены рождением наследника, но это название было впервые дано Константину VII. Его жизнь длилась столько же, сколько его номинальное царствование; но из прожитых им пятидесяти четырех лет шесть протекли до смерти его отца, а в течение остальных сын Льва или добровольно, или поневоле находился под властью тех, кто пользовался его слабостью или злоупотреблял его доверием. Его дядя Александр, уже давно носивший титул Августа, был первым соправителем и руководителем юного монарха; но, быстро пробегая карьеру пороков и безрассудств, брат Льва мог соперничать с репутацией Михаила, а перед тем, как его застигла смерть, он намеревался оскотить своего племянника и отдать империю в руки недостойного фаворита. В следующие годы своего несовершеннолетия Константин находился под властью своей матери Зои и совета из семи регентов, которые преследовали свои личные цели, удовлетворяли свои страсти, не заботились о государстве, выживали друг друга и окончательно исчезли при появлении воина. Из низкого звания Роман Лакапин возвысился до командования морскими силами и среди господствовавшей с ту пору анархии заслужил или, по меньшей мере, снискал общее уважение. С победоносным и преданным ему флотом он отплыл из устьев Дуная к константинопольскому порту и был приветствован как спаситель народа и как опекун монарха. Его высокой должности было первоначально дано новое название отца императора; но Роман скоро стал гнушаться зависимой властью в этом ранге и присвоил себе, вместе с титулами Цезаря и Августа, вполне самостоятельную верховную власть, которую удержал в своих руках в течение почти двадцати пяти лет. Его три сына, Христофор, Стефан и Константин, были один вслед за другим удостоены таких же почетных отличий, и законный император был низведен в этой коллегии монархов с первого ранга на пятый. Однако он имел основание быть довольным и своей счастливой судьбой, и милосердием узурпатора, так как его не лишили ни жизни, ни престола. Примеры и из древней, и из новой истории могли бы служить оправданием для

честолюбия Романа; в его власти были и силы империи, и ее законы; незаконное рождение Константина могло бы послужить предлогом для его устранения, и сын наложницы мог бы быть похоронен или в могиле, или в монастыре. Но Лакапин, по-видимому, не имел ни добродетелей, ни пороков тирана. Мужество и деятельность, которые он проявлял будучи частным человеком, испарились от блеска верховной власти, и среди своих безнравственных наслаждений он не имел времени заботиться о безопасности как государства, так и собственного семейства. Будучи кроткого и набожного нрава, он уважал святость клятв, невинность юноши, память его родителей и привязанность народа. Склонность Константина к занятиям и его уединенная жизнь обезоруживали соперничество из-за власти: книги и музыка, перо и кисть служили для него постоянным источником наслаждений, а если он действительно мог увеличивать свое скромное жалованье продажей своих картин, и если имя артиста не возвышало их цены, то следует полагать, что он обладал таким талантом, какой для немногих монархов служить ресурсом в эпоху невзгод.

[Эдуард Гиббон. «Закат и падение Римской империи»]

Эпоха Романа Лакапина имела большое значение для византийской политики на Востоке. После трех столетий обороны империя под руководством Романа и Иоанна Куркуаса начала наступление и стала побеждать. Граница была в совершенно ином состоянии по сравнению с тем, как обстояло дело при приходе Романа к власти. Пограничные провинции были относительно свободны от арабских набегов. В течение последних двенадцати лет правления Романа мусульманские отряды лишь дважды пересекали границу.

Роман утвердил главнокомандующим Куркуаса, «самого блистательного из полководцев, что дала империя для [грядущих] поколений. Он вдохнул новый дух в армии империи и повел их победителями далеко в страну неверных... Иоанн Куркуас был первым в череде великих завоевателей и, как первый, заслуживает высокой оценки. И в этой похвале часть должна быть отдана Роману Лакапину, выбору которого империя обязана его службой и во время правления которого империя эти славные двадцать лет».

В сороковых годах X века Куркуас одержал целый ряд побед в арабской Армении и взял много городов в верхней Месопотамии. В 933 году им была захвачена Мелитена, а в 944 году город Эдесса вынужден был отдать свою драгоценную реликвию — нерукотворный образ

Спасителя, перевезенный с большим торжеством в Константинополь. Это был последний триумф Куркуаса. Успехи эти сделали его «героем момента», однако его популярность встревожила правительство и он был снят со своего поста. В это время пал Роман Лакапин и на следующий месяц лишились трона его сыновья. Константин Багрянородный стал единственным императором. «Это был конец целой эры. Новые актеры ходили по подмосткам».

В царствование Романа Лакапина столица дважды подвергалась нападению со стороны русского князя Игоря, имя которого, помимо русских летописей, сохранилось как в греческих, так и латинских источниках. Первый поход Игоря в 941 году, предпринятый им на многочисленных судах к черноморскому побережью Вифинии и в Босфор, где русские, опустошая страну, дошли по азиатскому берегу пролива до Хрисополя (совр. Скутари, против Константинополя), окончился для Игоря полной неудачей. Русские суда, особенно благодаря губительному действию «греческого огня», были большей частью уничтожены. Остатки судов возвратились на север. Русские пленники подверглись казни.

С гораздо большими силами был предпринят Игорем второй поход 944 года. По словам русских летописей, Игорь собрал большое войско из «варягов, руси, полян, славян, кривичей, тиверцев и печенегов». Испуганный император отправил к Игорю и печенегам лучших бояр, богатые подарки и обещал первому платить дань, которую брал с Византии Олег. Игорь, подойдя к Дунаю и посоветовавшись с дружиной, решил принять условия императора и возвратился в Киев. В следующем году между греками и русскими был заключен менее выгодный для последних, в сравнении с договором Олега, договор и мир, «дондеже солнце съяет и весь мир стоит, в нынешние веки и в будущее».

[А.А. Васильев «История Византийской империи»]

Причиной падения Романа были и его собственные пороки, и пороки его детей. После смерти его старшего сына Христофора двое оставшихся в живых его сыновей стали ссориться между собой, а затем составили заговор против своего отца. В полдень, когда никого из посторонних не пускали во дворец, они вошли в его комнату с вооруженными людьми и, надев на него монашеское платье, отправили его на один из небольших островков Пропонтиды, где поселилась какая-то религиозная община. Слух об этом внутреннем перевороте возбудил смятение в столице; но предметом общих

забот был один Порфирородный, так как он один был настоящим и законным императором, и сыновья Лекапина узнали из позднего опыта, что они совершили преступное и опасное дело на пользу их соперника. Их сестра Елена, которая была женой Константина, обнаружила или заподозрила их изменнический замысел убить ее мужа за императорским банкетом. Это встревожило его приверженцев, и оба узурпатора были схвачены, лишены императорского звания и отправлены морем на тот самый остров и в тот самый монастырь, куда они незадолго перед тем засадили своего отца. Престарелый Роман встретил их на берегу с саркастической улыбкой и, попрекнув их за безрассудство и неблагодарность, поровну разделил со своими бывшими соправителями воду и овощи, составлявшие его обед. На сороковом году своего царствования Константин VII сделался властелином восточного мира, которым он управлял или делал вид, будто управлял, в течение почти пятнадцати лет. Но у него не было в характере той энергии, которая влечет к предприимчивости и к славе, а те занятия, которые развлекали и облагораживали его досуг, были несовместимы с важными обязанностями монарха. Пренебрегая делами управления на практике, император знакомил своего сына Романа с их теорией, а в то время, как он предавался своей привычке к невоздержанности и к лени, бразды правления перешли из его рук в руки его жены Елены, которая была так своенравна и непостоянна в своем милостивом расположении, что заставляла жалеть о всяком уволенном ею чиновнике, так как обыкновенно заменяла его еще более недостойным преемником. Тем не менее, греки любили Константина за его происхождение и за его несчастья; они извиняли ему его недостатки; они уважали его ученость, невинность, милосердие и любовь к справедливости, а на церемонию его похорон наложили отпечаток грусти непритворные слезы его подданных. Согласно старинному обыкновению, его тело было положено на парадном одре при входе во дворец, а гражданские и военные чины, патриции, Сенаторы и духовенство поочередно преклоняли колена перед бездыханным трупом своего государя и целовали его. Перед тем, как процессия двинулась к месту погребения, глашатай громко произнес страшные слова: "Встань, Царь земной и иди на призыв Царя Царей!"

[Эдуард Гиббон. «Закат и падение Римской империи»]

3.9 Роман II

Смерть Константина приписывали отравлению, а его сын, названный в честь своего деда по матери Романом, вступил на константинопольский престол. Монарх, который в двадцатилетнем возрасте уже мог быть

заподозрен в том, что ускорил открытие отцовского наследства, не мог пользоваться общим уважением; впрочем, Роман был скорее слаб, чем порочен, и главную долю ответственности за его преступление общественное мнение возлагало на его жену Феофану, которая, будучи низкого происхождения, отличалась несвойственной женщинам отвагой и гнусностью своего нрава. Сыну Константина не были знакомы ни влечение к славе, ни желание общей пользы, которые служат настоящим источником наслаждений для монархов, и в то время, как два его брата, Никифор и Лев, одерживали победы над сарацинами, император проводил в неутомимой праздности те часы, которые он должен был посвящать своему народу. Утром он посещал цирк; в полдень он угощал Сенаторов; послеобеденные часы он проводил большей частью в месте, устроенном для игры в мяч, которое было единственным театром его побед; оттуда он переезжал на азиатский берег Боспора, занимался охотой, убивал четырех громадных кабанов и возвращался по дворцу довольный понесенными в течение дня трудами. Физической силой и красотой он выделялся между своими сверстниками: он был высокого роста и держался прямо, как молодой кипарис; его лицо было красиво и румяно; у него были блестящие глаза, широкие плечи и длинный орлиный нос. Однако таких достоинств не было достаточно для того, чтобы упрочить привязанность Феофаны, и после четырехлетнего царствования она составила для своего мужа такой же губительный напиток, какой приготовила для его отца.

От своего брака с этой гнусной женщиной Роман имел двух сыновей, Василия II и Константина VIII, и двух дочерей, Феофану и Анну. Старшая из двух сестер была выдана замуж за западного императора Оттона II; младшая сделалась женой просветителя России, великого князя Владимира.

[Эдуард Гиббон. «Закат и падение Римской империи»]

3.10 Императрица Феофана и ее фавориты

После смерти своего супруга императрица пожелала царствовать от имени своих сыновей, из которых старшему было пять лет, а младшему только два года; но она скоро поняла, как непрочен престол, у которого не было другой опоры, кроме женщины, которую нельзя было уважать, и двух детей, которых нельзя было бояться. Феофана стала искать вокруг себя покровителя и бросилась в объятия самого храброго из воинов; у нее было широкое сердце, но судя по уродливой наружности ее нового фаворита, можно с полной уверенностью полагать, что интерес был мотивом и оправданием этой любовной связи. Никифор Фока соединял, по общему мнению, двойное достоинство героя и святого. В качестве героя он обладал неподдельными и

блестящими дарованиями; он происходил от предков, прославившихся своими воинскими подвигами, сам отличался и мужеством воина, и искусством военачальника на всех должностях и во всех провинциях и незадолго перед тем был увенчан лаврами за важное завоевание острова Крит. Его религия была более сомнительного свойства; его власяница, его посты, его благочестивый склад речи и его желание удалиться от мирской суеты служили приличной маской для его скрытого и опасного честолюбия. Однако он успел обворозжить святого патриарха, влиянию которого он был обязан тому, что декрет Сената возложил на него безусловное и самостоятельное командование восточными армиями на все время малолетства молодых кесарисов. Лишь только он уверился в преданности начальников и солдат, он смело двинулся на Константинополь, сломил сопротивление своих врагов, публично сознался в своем тайном соглашении с императрицей и, не посягая на положение сыновей Феофаны, присвоил себе вместе с титулом Августа первенство ранга и все права верховной власти. Но на его бракосочетание с Феофаной не соглашался тот самый патриарх, который возложил на его голову корону; своим вторичным бракосочетанием он подвергал себя на целый год церковному покаянию; духовное родство считалось препятствием для совершения брачной церемонии, и пришлось прибегнуть к разным уловкам и к клятвопреступлению для того, чтобы успокоить встревоженную совесть духовенства и народа. Свою популярность император утратил под пурпуровой мантией: в свое шестилетнее царствование он навлек на себя ненависть и иностранцев, и своих подданных, и в нем ожили лицемерие и скупость. Что касается лицемерия, я никогда не буду его оправдывать или извинять; но я позволю себе заметить, что скупость есть тот отвратительный порок, в котором нередко винят с чрезмерной опрометчивостью и который порицают с чрезмерной строгостью. Когда дело идет о частном человеке, мы в большинстве случаев постановляем наш приговор, не позаботившись предварительно собрать точные сведения о его состоянии и о расходах; а со стороны того, кому вверено государственное казначейство, бережливость есть всегда добродетель, а увеличение налогов нередко бывает неизбежной необходимостью. Никифор выказал свое великодушие в том, какое он сделал употребление из доходов со своих наследственных имений, а государственные доходы он употреблял лишь на нужды государства; каждой весной император лично выступал в поход против сарацин, и каждый римлянин мог рассчитывать, как собранные с него налоги были израсходованы на триумфы, на завоевания и на охрану восточной границы.

[Эдуард Гиббон. «Закат и падение Римской империи»]

Никифор Фока во время своего шестилетнего правления (963 — 969) обратил главное внимание на восток, хотя временами и был отвлекаем оттуда враждебными отношениями к болгарам, осложнившимися еще вмешательством в борьбу русского князя Святослава, и столкновениями в Италии с германским государем Оттоном Великим. На востоке византийские войска, после занятия Тарса, овладели Киликией. В то же время византийскому флоту удалось отвоевать у арабов остров Кипр. В связи с падением Тарса, арабский географ XIII века Йакут сообщает интересную историю, основанную на рассказах беженцев. Согласно этой истории, Никифор Фока велел поднять над стенами Тарса два штандарта в качестве символов: один — «земли ромеев», другой — «земли ислама» и приказал глашатаям объявить, что вокруг первого должны собраться те, кто желают справедливости, беспристрастности, сохранения собственности, семьи, их жизни, их детей, хороших дорог, справедливых законов и хорошего обращения; вокруг же второго — те, кто стремятся к прелюбодеянию, к законам угнетения (*opressive legislation*), насилию, вымогательству, захвату земель и конфискации собственности.

Обладание Киликией и Кипром открыло Никифору путь в Сирию. После этого он приступил к выполнению своей заветной мечты, — к завоеванию главного города Сирии Антиохии. После подготовительного вторжения в Сирию Никифор осадил Антиохию. Но осада затянулась, так что император, оставив у Антиохии войско, возвратился в столицу. Во время отсутствия Никифора, в последний год его правления (969), византийские войска овладели Антиохией. Главная цель была достигнута. Громадная добыча досталась победителям. «Так была отвоевана христианским оружием, — пишет французский историк (Schlumberger), — великая Антиохия, славный Феуполь (название это дано Юстинианом Великим), древняя соперница Византии на Востоке, город великих патриархов, великих святых, соборов и ересей».

Можно сказать, что никогда еще мусульмане не подвергались такому унижению, как во время Никифора Фоки. Киликия и часть Сирии с Антиохией были от них отняты, а большая территория признала себя в вассальной зависимости от империи.

Арабский историк одиннадцатого века Йахйя Антиохийский пишет, что мусульманское население было уверено в том, что Никифор Фока мог покорить всю Сирию и все другие провинции тоже. «Военные экспедиции Никифора, — пишет хронист, — стали радостью для его

солдат, так как никто на них не нападал и им не сопротивлялся. Он двигался вперед, куда ему хотелось, разрушал, что ему нравилось, не встречая ни мусульманина, ни какого-либо другого человека, который мог бы его остановить или воспрепятствовать ему делать то, что он хочет... Никто не был в состоянии ему сопротивляться». Греческий историк этого времени Лев Диакон писал, что если бы Никифор не был бы убит, то он оказался бы в силах «установить границы их [греческой] империи на востоке в Индии, а на западе — на границе мира», иными словами, по Атлантическому океану.

[А.А. Васильев «История Византийской империи»]

В числе воинов, содействовавших возвышению Никифора и служивших под его знаменем, находился один знатный и храбрый армянин, заслуживший и получивший самые блестящие награды. Рост Иоанна Цимисхия был ниже среднего; но в этом маленьком теле, одаренном физической силой и красотой, таилась геройская душа. Он внушал зависть брату императора и вследствие того был низведен с должности командующего восточной армией на должность комита почт, а за то, что осмелился на это роптать, был наказан опалой и Ссылкой. Но Цимисхий принадлежал к числу многочисленных любовников императрицы: по ее ходатайству ему позволили жить в Халкидоне, вблизи от столицы; он отблагодарил ее за это одолжение тем, что втайне приходил к ней во дворец на любовные свидания, и Феофана охотно согласилась на убийство невзрачного и скверного мужа. Несколько смелых и вполне ей преданных заговорщиков спрятались в одном из самых секретных ее апартаментов; в темную зимнюю ночь Цимисхий сел со своими главными сообщниками в небольшую шлюпку, переправился через Боспор, высадился подле входа во дворец и без всякого шума взобрался по веревочной лестнице, которую ему бросили состоявшие при императрице женщины. Ни собственные подозрения, ни предостережения друзей, ни запоздалая помощь его брата Льва, ни укрепления, которыми он окружил себя внутри дворца, ничто не могло спасти Никифора от домашнего врага, который одним своим словом растворял все двери перед убийцами. Император, спавший на полу на медвежьей шкуре, пробудился при их шумном вторжении в его комнату, и перед его глазами засверкали тридцать кинжалов. Нет оснований полагать, что Цимисхий омочил свои руки в крови своего государя; но он безжалостно наслаждался зрелищем своего мщения. Убийство замедлилось вследствие того, что императора подвергали оскорблениям и истязаниям; но лишь только народу показали из окна голову Никифора, смятение стихло и армянин был провозглашен восточным императором. В день его коронования

неустрасимый патриарх остановил его у входа в Софийский собор, объявил ему, что на его совести лежат измена и убийство, и потребовал, чтобы в доказательство своего раскаяния он разлучился со своей сообщницей, которая была еще более его преступна. Эта выходка апостольского усердия не могла быть неприятна для монарха, так как он не мог питать ни любви, ни уважения к женщине, столько раз нарушавшей самые священные обязательства, и Феофана, вместо того чтобы разделить счастливую судьбу нового императора, была с позором удалена и от его постели, и из его дворца. На прощанье она проявила неистовую и бессильную ярость, обвинила своего любовника в неблагодарности, оскорбляла на словах и била своего сына Василия, стоявшего с безмолвной покорностью перед своим старшим соправителем, и созналась в своих собственных прелюбодеяниях. Общее негодование удовлетворилось ссылкой Феофаны и наказанием самых незнатных ее сообщников; Цимисхию простили смерть непопулярного монарха, а блеск его добродетелей изгладил воспоминание о его преступлении. Его расточительность, быть может, была менее полезна для государства, чем скупость Никифора; но его приветливость и великодушные пленяли всякого, кто имел к нему доступ, и он шел по стопам своего предшественника только по пути к победе. Он провел большую часть своего царствования в лагерях и на войне, выказал свое личное мужество и свою предприимчивость на Дунае и на Тигре, когда-то служивших границами для римского мира, а своими победами над русскими и над сарацинами заслужил название спасителя империи и завоевателя Востока. Возвращаясь в последний раз из Сирии, он заметил, что самые плодотворные земли в его новых провинциях принадлежали евреям. "Разве для них, — воскликнул он с благородным негодованием, — мы сражались и побеждали? Разве для них мы проливали нашу кровь и истощали сокровища нашего народа?" Эти сетования долетели до дворца, и смерть Цимисхия носит на себе сильные признаки отравления.

[Эдуард Гиббон. «Закат и падение Римской империи»]

Главной задачей Иоанна Цимисхия было закрепление за империей приобретений в Киликии и Сирии. Первые годы своего правления Цимисхий не мог лично участвовать в военных действиях на восточной границе. Война с русским князем Святославом и Болгарией и внутреннее восстание Варды Фоки, провозглашенного императором, требовали со стороны нового государя неустанныго внимания. Но война закончилась удачно; восстание Варды Фоки было подавлено. Итальянские недоразумения разрешились бракосочетанием

византийской принцессы Феофано с наследником германского престола, будущим императором Оттоном II. Только после этого Иоанн Цимисхий мог обратиться на восток.

Походы его против восточных мусульман были в высшей степени удачны. Особенно поразительным является его последний поход. План этого похода поражает своей смелостью. Император поставив целью освободить Иерусалим из рук мусульман, предпринял настоящий крестовый поход.

Одна византийская хроника пишет: «Народы испытывали великий страх перед нападением Цимисхия; он расширил землю ромеев; сарацины и армяне бежали, персы боялись, и отовсюду приносили ему дары умоляли заключить с ними мир; он прошел до Эдессы и реки Евфрата, и наполнилась земля войсками ромеев; Сирия и Финикия были растоптаны ромейскими конями, и он одержал великие победы: меч христиан носился (поражал) подобно серпу».

Однако, последняя блестящая экспедиция Иоанна Цимисхия не имела своим результатом присоединения завоеванных областей. Его войска, как было уже отмечено, возвратились в Антиохию, главный опорный пункт византийских военных сил в конце X века.

[А.А. Васильев «История Византийской империи»]

3.11 Василий II

В течение двенадцати лет узурпации или регентства двое законных императоров, Василий и Константин, без шума достигли возмужалости. Их нежный возраст был не способен к владычеству: они относились к своему опекуну с той почтительной скромностью, на которую он имел право по своим летам и заслугам; честолюбие этого бездетного опекуна не имело никакого интереса нарушать их наследственное право на престол; их владения управлялись искусно и честно, и преждевременная смерть Цимисхия была для сыновей Романа скорей утратой, чем прибылью. Их неопытность заставила их провести еще двенадцать лет в добровольной покорности опекуну, который продлил свое владычество, удовлетворяя их юношескую склонность к удовольствиям и внушая им презрение к заботам государственного управления. Слабый Константин навсегда запутался в этих шелковых тенетах; но в его старшем брате заговорили влечения гения и желание деятельности; он наморщил брови, и регент исчез. Василий был всеми признан властителем Константинополя и европейских провинций; но Азия

находилась под гнетом двух заслуженных военачальников, Фоки и Склира, которые были попеременно то друзьями, то врагами, то верноподданными, то бунтовщиками и которые, поддерживая свою независимость, пытались подражать примеру счастливых узурпаторов. Сын Романа обнажил свой меч прежде всего против этих внутренних врагов, и они утратили всю бодрость духа в присутствии своего законного и мужественного монарха. Фока, стоя перед фронтом своей армии, внезапно повалился с лошади или от действия яда, или от попавшей в него стрелы; Склир, который был два раза закован в цепи и два раза облечен в императорскую мантию, пожелал спокойно провести небольшой остаток своей жизни. Когда этот престарелый проситель, опираясь на двух служителей, приблизился к трону нетвердыми шагами и с заплаканными глазами, император воскликнул с той самоуверенностью, которую внушают молодость и могущество: "Неужели это тот самый человек, который так долго наводил на нас страх?" После того как он упрочил свою власть и спокойствие империи, ему не давали покоя трофеи его бывших опекунов Никифора и Цимисхия. Его продолжительные и частые экспедиции против сарацин доставили империи более славы, чем пользы; но он окончательно разрушил болгарское царство, и это, как кажется, был самый важный из всех успехов, выпавших на долю римского оружия со времен Велисария. Тем не менее подданные Василия, вместо того чтобы прославлять своего монарха за его победы, ненавидели его за хищническую и мелочную жадность, и в дошедших до нас неполных рассказах о его подвигах мы усматриваем храбрость, терпеливость и свирепость простого солдата. Дурное воспитание не ослабило его мужества, но омрачило его ум; он не был знаком ни с какой наукой, а воспоминания о его ученом и слабом деде, по-видимому, служили оправданием для его искреннего или притворного презрения к законам и к правоведам, к артистам и к искусствам. В том веке суеверию нетрудно было утвердить свое прочное владычество над таким монархом; когда прошли года юношеских увлечений, Василий II посвятил свою жизнь и во дворце, и в лагере делам покаяния, приличным отшельнику, стал носить под своей одеждой и латами монашеское платье, стал соблюдать обет воздержания и навсегда отказался от употребления вина и мяса. На шестьдесят восьмом году его жизни воинственный пыл побудил его предпринять священную войну против утвердившихся на Сицилии сарацин; смерть помешала ему исполнить это намерение, и прозванного Болгаробойцем Василия сопровождали, при его переселении в другой мир, благословения духовенства и проклятия народа. После его смерти его брат Константин пользовался в течение почти трех лет верховной властью или, вернее, удовольствиями, которые она доставляет, и его единственной заботой было избрание преемника. Он носил титул Августа в течение шестидесяти

шести лет, а царствование обоих братьев было самым продолжительным и самым темным во всей византийской истории.

[Эдуард Гиббон. «Закат и падение Римской империи»]

При Василии II положение дел в государстве не благоприятствовало энергичной политике на востоке. Грозные для императорской власти малоазиатские восстания Варды Склира и Варды Фоки и продолжавшаяся более тридцати лет болгарская война требовали напряженного внимания со стороны Василия. После подавления вышеназванных восстаний, несмотря на болгарскую войну, император не раз принимал личное участие в борьбе с восточными мусульманами. Сирийским владениям Византии грозила со стороны египетского халифа большая опасность. Находившийся в вассальных отношениях к империи Алеппо несколько раз был занимаем враждебными ей войсками. Своими личными, иногда совершенно неожиданными появлениями в Сирии, Василий восстанавливал там византийское влияние. Но каких-либо новых значительных завоеваний в этих областях Василию сделать не удалось. В самом начале XI века между императором и египетским халифом из династии Фатимидов был заключен мир. После этого у Василия II до самого года его смерти серьезных столкновений с восточными арабами не было.

[А.А. Васильев «История Византийской империи»]

Главной проблемой внешней политики Византии при Василии II была болгарская агрессия, которая стала особенно заметна в последние годы X века, когда сын македонского губернатора Самуил провозгласил себя царем и постепенно свел на нет все достижения Иоанна Цимисхия.

Первое крупное контрнаступление византийцы предприняли в 986 г. — оно закончилось катастрофой. Император Василий II во главе большого войска двинулся по римской дороге через Адрианополь и Филиппополь и достиг стен Сердики. Но осада города оказалась безуспешной; войско начало отступать. Болгары преследовали его по горам. В «Трояновых воротах» на перевале Сукков они одержали решающую победу. Византийская армия потеряла всю кавалерию и весь обоз, Самуил гнал ее жалкие остатки вплоть до границ империи.

Лишь под самый конец столетия Василий II сумел сосредоточить всю энергию и военные ресурсы на выполнении задачи, которая постепенно стала главной целью его правления — на окончательном покорении

нии Болгарии. На эту задачу он направил теперь все силы ума и характера, выкованные в политических и военных бурях его юности, а также присущую ему цепкость, черту, заслужившую Василию почетное место среди величайших полководцев византийской истории. Его стратегия строилась на методичном покорении двух областей, которые империи необходимо было контролировать, чтобы установить господство над северной частью Балканского полуострова: равнины между Балканским хребтом и Дунаем и Македонского нагорья. В этом он опирался на прекрасно обученные и дисциплинированные войска, а также на командиров, хорошо знавших все те опасности, что таились в горных перевалах, а их было не миновать, если двигаться на север из Фракии или с Эгейского побережья. С 1000 до 1004 г., после тщательно спланированных кампаний, Василий захватил Видин, Плиску, а также Великий и Малый Преславы. Таким образом, покорение Северной Болгарии было закончено. Решающая битва за Македонию развернулась 29 июля 1014 г. на перевале Клейдион. Войска Самуила, блокировавшие перевал, византийские силы обошли с юга – император послал их через горы, и они ударили болгарам в тыл. Хотя самому Самуилу удалось спастись, его войско было вырезано почти полостью. Эта битва стала одной из самых памятных в истории Балкан из-за жестокости Василия: он приказал ослепить болгарских пленных (которых, по некоторым данным, было четырнадцать тысяч), оставив на каждую сотню слепых по одному кривому, чтобы они могли отвести своих товарищей к болгарскому царю. При виде чудовищной процессии Самуил лишился чувств. Через два дня, 6 октября 1014 г., он скончался.

Гибель Болгарского государства была теперь уже не за горами. Тщетно два недолго правивших Самуиловых преемника изъявляли свою преданность императору: Василий продолжал методичное покорение Македонии. В 1018 г., когда он появился у ворот Охрида, семья покойного царя сдалась. Дело было сделано. Завершив последний объезд покоренных земель, «Болгаробойца» (под этим именем отныне он был известен подданным) нанес визит в Афины. Константинополь еще ждал его для более пышного триумфа, а здесь он принес благодарность за победу Приснодеве Афинской в ее храме – Парфеноне.

Большинство оставшихся в живых мужчин, принадлежавших к семье Самуила, а также некоторые представители болгарской аристократии были доставлены в Константинополь, где их женили на византийках и

благополучно отправили на отдаленные военные заставы в Малой Азии и Армении.

После завоевания Болгарии Василий II объявил болгарский епископат автокефальным, т.е. не входящий в юрисдикцию Константинопольской церкви. Глава этой архиепископии, получивший ряд привилегий, назначался самим императором.

Тот факт, что на это место был назначен болгарин по происхождению, свидетельствует о готовности Василия II даровать своим новым болгарским подданным значительную степень автономии.

Решение императора позволить болгарам сохранить — в пределах административной структуры империи — некоторые наиболее дорогие для них государственные институты, а также по прежнему платить налоги натурой, явилось актом державной мудрости. Если бы подобного умеренного курса придерживались также и его преемники, они, вполне возможно, могли бы добиться полной ассимиляции Болгарии.

Жившие северо-западнее сербы, хорваты и славянские племена Адриатики признали теперь верховную власть императора, хотя и сохраняли собственных князей. Верность далматинских городов казалась прочной. Таким образом, впервые со времен варварских вторжений конца VI в. весь Балканский полуостров находился под безраздельным господством Византии или ее суверенитетом.

Правление Василия II пришлось на пик византийского могущества. Ко времени его смерти в 1025 г. границы империи были неприступны для вражеских нападений. Аристократия, чья алчность к земле и хроническое неповиновение так сильно досаждали его предшественникам, была поставлена под контроль закона и императорской власти. Государственная казна была полна, а благодаря могуществу и либерализму императора с вассалами и сателлитами империи, как внутри страны, так и за ее пределами, были восстановлены мирные отношения. Престиж и привлекательность византийской цивилизации втягивали окружающие страны в орбиту Византии.

[Дмитрий Оболенский. «Византийское Содружество Наций»]

3.12 Конец Македонской династии

Пять императоров, в течение ста шестидесяти лет вступавшие на престол один после другого по праву наследования в прямой нисходящей линии, упрочили привязанность греков к Македонской династии, на которую не посягали даже те три узурпатора, которые присваивали себе принадлежавшую ей верховную власть. Когда со смертью Константина IX пресеклась мужская линия этого царственного рода, сцена совершенно изменилась, порядок престолонаследия не соблюдался, и владычество следующих двенадцати императоров было менее продолжительно, нежели царствование одного Константина. Его старший брат предпочел общей пользе чистоту семейных нравов, а у самого Константина было только три дочери – Евдокия, которая постриглась в монахини, Зоя и Феодора, которые достигли зрелого возраста, сохранив и свое невежество, и свою девственность. Когда между приближенными их умирающего отца был поднят вопрос о выдаче их замуж, бесстрастная и благочестивая Феодора не пожелала дать империи наследника; но ее сестра Зоя согласилась предстать перед алтарем в качестве добровольной жертвы.

[Эдуард Гиббон. «Закат и падение Римской империи»]

После смерти Василия II Болгаробойцы в 1025 году империя вступила в период смут, частой смены иногда случайных государей и начинающегося общего упадка. Императрица Зоя, как известно, возвела на престол трех своих супругов. В 1056 году в лице императрицы Феодоры, сестры Зои, Македонская династия прекратила свое существование.

Империя после этого пережила смутный период в 25 лет, с 1056 по 1081 год, закончившийся возведением на престол Алексея Комнина, основателя известной династии Комнинов.

Этот смутный период, внешним признаком которого была частая смена случайных и, большей частью, бесталанных императоров, имел в истории Византии большое значение, так как в значительной мере создал в империи условия, вызвавшие впоследствии на Западе крестоносное движение. В эти двадцать пять лет внешние враги Византии сильно теснили ее: с запада норманны, с севера печенег и узы и с востока турки-сельджуки. За это время территория империи значительно уменьшилась в своем размере.

[А.А. Васильев «История Византийской империи»]

3.13 Церковные дела

Главным событием церковной жизни Византии за время Македонской династии является окончательное разделение церквей, восточной и западной, на восточно-православную и западно-католическую, завершившееся после почти двухвековых споров в середине XI века.

Первым делом основателя Македонской династии Василия I в церковной жизни империи было низложение патриарха Фотия и восстановление на патриаршем престоле низложенного при Михаиле III Игнатия. Этой мерой Василий надеялся укрепиться на только что приобретенном захватным путем троне, а именно: с одной стороны, он считал выгодным для себя жить в мире с папой; с другой стороны, желал угодить народу, среди которого, как он прекрасно знал, было очень много игнатиан, т. е. сторонников низложенного Игнатия. Император Василий и патриарх Игнатий в своих письмах к папе признавали силу и влияние последнего на дела восточной церкви. Император писал папе: «Отец духовный и божественно чтимый первосвященник! Ускори исправлением церкви нашей и через борьбу с несправедливостью даруй нам обилие благ, т. е. чистое единство, общение духовное, свободное от всякого спора и всякой схизмы. Церковь, единую во Христе, и стадо, повинующееся одному пастырю». Игнатий кончает свое полное уничижение перед папой просьбой прислать в Константинополь панских викариев, чтобы «с ними добре и по надлежащему устроить церковь»; «мы примем их, — пишет Игнатий, — как Провидение Божие, являемое при посредстве верховного Петра и при посредстве вашего настояния». Для папства это был момент кажущегося торжества на Востоке.

Но Василий I, несмотря на противодействие папских легатов и недовольство самого папы, добился того, что латинские священники были удалены из Болгарии, и болгарский царь Борис снова примкнул к восточной церкви. Последнее обстоятельство имело громадное влияние на дальнейшую историческую судьбу болгарского народа.

Низложенный и преданный проклятию Фотий, живя в заточении и терпя многочисленные лишения, продолжал пользоваться прежней популярностью у своих сторонников, которые во время патриаршества Игнатия оставались преданными Фотию. Сам Василий, сознавая свою ошибку в отношении к Фотию, стал переходить на его сторону, начав с того, что возвратил Фотия из заточения, поселил его во

дворце и поручил ему воспитание и образование своих детей. Поэтому, когда Игнатий в глубокой старости скончался, Василий предложил Фотию занять патриарший престол. Восстановление Фотия знаменовало собой начало новой политики по отношению к папе.

В 879 году в Константинополе был созван собор, который по числу собравшихся иерархов и по общему великолепию обстановки предвосхищал даже некоторые из Вселенских Соборов. Этот собор, по словам одного историка, «представлял в целом поистине величественное явление, какого не видали со времени Халкидонского собора». Легаты папы Иоанна VIII присутствовали на соборе и не только должны были согласиться на снятие с Фотия осуждения и на восстановление с ним общения римской церкви, На последнем заседании собора папские легаты воскликнули: «Кто не признает Фотия священным патриархом и не будет иметь с ним общения, то жребий того да будет вместе с Иудой и да не будет тот причислен к христианам!». «Прославлением Фотия, — пишет его католический историк, — открылись заседания собора, и тем же прославлением закончились». Этот же собор доказывал, что папа является таким же патриархом, как и все другие патриархи, и что у него нет прав на управление всей церковью; поэтому и константинопольский патриарх в папском утверждении не нуждается.

Папа, будучи страшно раздражен постановлениями собора 879 года, отправил в Константинополь своего легата, который должен был настоять на уничтожении неугодных папе постановлений собора, а также добиться уступки относительно болгарской церкви. Однако ни император Василий, ни Фотий, ни в чем не уступили папе, а его легат подвергся даже аресту.

Взаимоотношения между империей и Римом полностью не прекратились, хотя и стали случайными и неопределенными. Фотий не до конца жизни оставался на патриаршей кафедре, которую он должен был покинуть при вступлении в 886 году на престол своего ученика и сына Василия I, Льва VI. Пять лет спустя Фотий умер, сыграв в высшей степени важную роль как в церковной, так и вообще в культурной жизни Византии.

Церковные дела в Византии особенно осложнились в начале во время патриаршества Николая Мистика, самого выдающегося иерарха после Фотия, родственника и ученика последнего.

Между императором Львом и патриархом Николаем Мистиком возникли крупные разногласия из-за четвертого брака императора,

против которого всеми силами восставал патриарх, доказывавший, что это противоречит церковным правилам. Несмотря на это, император заставил одного пресвитера обвенчать его с Зоей, сделавшейся, таким образом, четвертой супругой императора, три первых супруги которого умирали довольно быстро одна за другой. После венчания, за отсутствием патриарха, сам Лев возложил на Зою императорскую корону, что дало повод Николаю Мистик впоследствии сказать, будто бы император был для Зои «и женихом, и архиереем». Восточные патриархи, когда их спросили об этой проблеме, высказались в пользу разрешения Льву жениться четвертый раз. Это дело вызвало сильное смущение в народе. Непокорный Николай Мистик был низложен и отправлен в изгнание. На соборе в Константинополе, в присутствии папских легатов, было решено допустить подвергнутого епитимии императора к церковному общению, не расторгая его четвертого брака. На патриарший престол был возведен, после долгих колебаний, Евфимий. Собор не дал империи церковного мира. Среди византийского духовенства образовались две партии. Одна, стоявшая на стороне Николая Мистика, была против признания четвертого брака императора и поносила нового патриарха Евфимия. Другая партия, представлявшая собой меньшинство, соглашалась с соборным постановлением относительно брака Льва и признавала в Евфимии избранника всей церкви. Партийное разъединение перешло из столицы в провинции. Повсюду происходила упорная борьба между николаитами и евфимитами. Некоторые видят в этой борьбе продолжение утихнувшей на время прежней вражды фотиниан с игнатианами. Наконец, сам император понял, что только энергичный и опытный Николай Мистик мог поправить дело. Незадолго до своей смерти (912) Лев VI вызвал его из заточения и, после низложения Евфимия, восстановил на патриаршем престоле.

... Вопрос о разделении церквей, резко поставленный в IX веке, свое окончательное разрешение в середине XI века.

В Константинополь прибыли папские легаты, среди которых находился высокомерный кардинал Гумберт. Легаты и особенно Гумберт гордо и заносчиво держали себя в отношении патриарха, который, уклонившись от каких-либо переговоров с ними, не соглашался ни на какие уступки Риму. Тогда, летом 1054 года, легаты положили на алтарь храма Св. Софии отлучительную грамоту, в которой провозглашалась патриарху «Михаилу и сообщникам его,

пребывающим в вышеуказанных заблуждениях и предрезостях, вместе со всеми еретиками, купно же с дьяволом и ангелами его». В ответ на это Михаил Керуларий созвал собор, на котором была произнесена анафема на римских легатов и соприкосновенных к ним лиц, пришедших «в богохранимый град, подобно грому, или буре, или граду, или лучше, подобно диким; кабанам, чтобы низвергнуть истину». Так произошел окончательный раскол западной и восточной церкви в 1054 году.

Для патриарха Константинопольского этот раскол можно рассматривать как большую победу, которая сделала его совершенно независимым от папских претензий с запада. Его авторитет значительно возрос в славянском мире и среди восточных патриархов. Однако с политической точки зрения раскол 1054 года был фатальным для империи, так как сводил на нет в будущем любую попытку стабильного соглашения с западом, находившимся под сильным влиянием папства. Это оказалось фатальным, ибо иногда Византийская империя очень нуждалась в западной помощи, особенно тогда, когда с востока стала усиливаться турецкая опасность.

[А.А. Васильев «История Византийской империи»]

3.14 Законодательная деятельность

Византия выделялась среди прочих стран того времени своим единым для всего государства правом, которое решительно преобладало над местными обычаями. Византийский суд со всеми его недостатками стоял, тем не менее, на недостижимой высоте по сравнению с судом «варварских правд» с их ордалиями, поединком, котелком с кипятком и раскаленным железом. И как бы ни были жестоки приговоры византийского суда, они не могут идти в сравнение с патриархальной жестокостью варварских правд.

Время Македонской династии отличается оживленной законодательной деятельностью. Василий I задался целью дать общий свод греко-римского, или византийского права, который должен был бы заключать в себе в хронологическом порядке законодательные акты, как древние, так и более новые.

Зная, что намеченное законодательное дело займет много времени, Василий выпустил до его завершения Прохирон, т.е. руководство по праву, имевшее целью дать желающим в руки краткое изложение тех

законов, которые должны управлять государством и прежде всего установить в империи правосудие, «которым, по слову Соломона - как говорится во введении к Прохирону, — возвышается народ».

Прохирон распадается на сорок отделов (титулов) и включает в себе главные нормы гражданского права и перечисление наказаний за различные проступки и преступления. В конце правления Василия был составлен другой законодательный памятник, Эпанагога, в переводе введение»), который некоторыми учеными не совсем правильно называется новым изданием, просмотренным и дополненным, Прохирина. Эпанагога, по словам этого сборника, является введением к сорока томам, «очищенных» прежних законов, составленных при том же Василии, и, подобно им, разделяется на сорок отделов (титулов).

Эпанагога довольно сильно отличается от Прохирина. Во-первых, в ее начале внесены совершенно новые, в высшей степени интересные отделы о царской власти, о власти патриарха, о других государственных и церковных властях, дающие нам представление об основах государственного и общественного строя в Византии и отношении церкви к государству.

Для нас Эпанагога, вместе с некоторыми другими законодательными памятниками Византии, еще интересна тем, что она была переведена на славянский язык. Извлечения из нее находятся в славянских кормчих и в нашей печатной кормчей. Идеи Эпанагоги оказывали влияние и на позднейшую русскую историю; так, например, в документах по делу патриарха Никона, при царе Алексее Михайловиче, прямо приводятся постановления Эпанагоги о царской власти. Оба вышеназванные памятника, Прохирон и Эпанагога, вместе с работой над «очищением древних законов», составляют одну и светлых страниц правления Василия, который, стремясь к большему распространению законодательного дела Юстиниана, т. е. возвращаясь к началам несколько забытого в империи римского права, освежал его и приближал к жизни привнесением в законники вызванных течением времени изменений в области права. Работы Василия в этой области дали возможность его сыну преемнику Льву VI Мудрому издать В а с и л и к и, являющиеся наиболее полным памятником греко-римского или византийского законодательства, где на греческом языке переработаны и слиты в один кодекс все части Юстинианова Свода. Название Василик про исходит не от имени, как иногда неправильно полагали, Василия I при котором, как мы знаем, был подготовлен для них материал, от греческого слова василевс — царь, император; поэтому Василики в

переводе обозначают «императорские законы».

Юридическая компиляция Льва VI, распадающаяся на 60 книг преследовала цель, намеченную его отцом, т. е. восстановить в силе законодательство Юстиниана с опущением законов, потерявших свою силу или чуждых изменившимся условиям византийской жизни, — другими словами, приспособить его к действующему праву.

[А.А. Васильев «История Византийской империи»]

3.15 Аграрная политика

Во время Македонской династии класс «могущественных» или магнатов [прежних архонтов и ктиторов, которых часто называют властями — выражением, заимствованным из славянского быта] снова значительно вырос. На другом полюсе находился класс «бедных». Бедные люди Византийской империи были мелкими земельными собственниками и членами общин, которых тяжелые налоги и различные повинности заставляли обращаться за помощью к могущественным магнатам, отказываясь от своей свободы и независимости.

Государи эпохи Македонской династии, по крайней мере, начиная с Романа I Лакапина (919—944) и кончая временем Василия II (976—1025), выступали энергичными борцами за дело мелкого землевладения и крестьянской общины против властей. Причины такой борьбы императоров с крупным землевладением надо искать именно в чрезмерном увеличении последнего. Властели, располагая на своих обширных территориях большим числом крепостных, могли иногда выставить из них настоящее войско и, пользуясь этим, составляли заговоры против императора. Поэтому императоры, задавшись целью сломить силу властей при посредстве защиты интересов мелкого крестьянства и крестьянской общины, этим самым выступали на защиту своего трона и власти, которым, особенно из Малой Азии, в X веке угрожала серьезная опасность.

Но императорам приходилось защищать не только крестьянские интересы, но и так называемые воинские участки или военно-поместное землевладение. Как известно, еще во времена Римской империи солдатам, стоявшим на границах, а отчасти и внутри государства отводились земли с обязательством военной службы. Эти воинские участки дожили до X века, хотя и находились в состоянии

упадка. Последним в IX и X веках стала точно так же угрожать опасность со стороны властелей, которые стремились скупать воинские поместья, как они скупали крестьянские угодья. Поэтому императоры должны были выступить на защиту также и воинских участков.

Меры, предпринятые государями Македонской династии для защиты крестьянского и воинского землевладения, в сущности довольно просты и однообразны. Главным образом они заключались в запрещении властям вкупаться в крестьянские общины и приобретать крестьянские и воинские участки.

Самым упорным врагом властельского сословия был Василий II Болгаробойца. Представители малоазиатских властельских фамилий, Варда Фока и Варда Склир, восстали против императора и чуть не лишили его трона. Только вмешательство русского вспомогательного корпуса, посланного князем Владимиром, спасло императорский трон. Поэтому нет ничего удивительного, что Василий II видел в крупных землевладельцах опасных, заклятых врагов, с которыми он не стеснялся. Однажды, при своем проезде через Каппадокию, Василий был роскошно принят со всем войском в обширном поместье Евстафия Малеина. Император, почуяв в последнем возможность опасности вроде попыток Фоки и Склира, увез его с собой в столицу, где он и умер. После смерти Малеина все его обширные земли были конфискованы. Другой аналогичный случай рассказан в самой новелле Василия. Узнав в Малой Азии, что некто Филокалес, сделавшись из простых крестьян знатным и богатым и достигнув высоких служебных чинов, захватил все селение, где жил, и обратил его в собственное поместье, изменив даже само название его, Василий приказал разрушить его великолепные дворцы, сравнять их с землей, а бедным вернуть их достояние; самого же Филокалеса император вернул в первичное состояние простого крестьянина.

Имея сильную нужду в деньгах для болгарской войны и желая нанести страшный удар властям, Василий II издал закон, который сделал властелей в податном отношении ответственными за убогих, если последние не были в состоянии внести причитавшиеся им подати. Конечно, если бы подобная мера, за которую Василий II стоял твердо, продержалась долго, то могла бы привести к сильному разорению властелей, как светских, так и духовных. Но этот закон просуществовал лишь короткое время.

[А.А. Васильев «История Византийской империи»]

3.16 Культурное наследие.

Вторая половина IX — X вв. — особая веха в историко-культурном развитии Византии. Эта эпоха, неслучайно получившая в научной литературе название периода «византийского энциклопедизма», была отмечена новым подъемом образования, культуры, литературного творчества, духовной жизни. Реорганизуется константинопольский университет (хотя система образования в столице лишь отдаленно походила на университетскую в западно-европейском смысле этого понятия), древние книги переписываются более совершенной и быстрой манерой письма — минускулом, растет число книг в библиотеках, появляется большое количество литературных произведений, филологических комментариев, сборников по прикладным отраслям знания. На период появления императоров Македонской династии, особенно с середины X в., приходится пора наибольшего внешнеполитического могущества Византийской империи, внутривластной стабилизации, оживления ремесла и торговли. В развитии культуры это был период, отмеченный гуманистическими тенденциями, часто называемый поэтому «македонским ренессансом».

[М.В. Бибилов «Историческая литература Византии»]

Император Лев VI, ученик Фотия, не будучи одаренным очень большим литературным талантом, написал много проповедей, церковных гимнов и других сочинений. Его основная заслуга заключалась в поддержке интеллектуальной атмосферы, созданной Фотием, так что, по словам одного историка, «он обеспечил себе почетное место в истории византийского образования в целом и образования церковного в частности». Лев защищал и поддерживал всех ученых и литераторов. В его время «императорский дворец превращался иногда в новую Академию или новый Лицей».

Особо выдающейся фигурой в идейной жизни десятого века был император Константин VII Багрянородный, сделавший много для интеллектуального развития Византии не только защитой образования, но и сочинением многочисленных оригинальных сочинений. Константин оставил все правительственные дела Роману Лакапину и посвятил большую часть своего времени тому, что его интересовало. Ему удалось создать в обществе плодотворное литературное и научное

движение, в котором он сам принимал личное активное участие. Он много писал сам, побуждал писать других и ему удалось поднять образование своего народа на гораздо более высокий уровень. Его имя тесно связано с возведением многих прекрасных зданий; он страстно интересовался искусством и музыкой и тратил большие суммы денег на составление антологий из древних авторов.

До наших дней сохранилось большое количество сочинений времени Константина VII. Некоторые из них написаны самим Константином, другие — с его личной помощью, тогда как еще один тип — антологии древних текстов и энциклопедий с отрывками по множеству вопросов, были составлены по его просьбе. Среди его сочинений выдержанная в хвалебных тонах биография его деда Василия I, «Об управлении государством», посвященная сыну и наследнику. Сочинение содержит много ценной информации по географии иностранных государств, их связям с Византией и византийской дипломатии. Сочинение открывается главами о северных народах — печенегах, русских, узах, хазарах, мадьярах (турках), из которых особенно первые два играли ведущую роль в политической и экономической жизни X века. В сочинении речь идет также об арабах, армянах, болгарях, далматах, франках, южных итальянцах, венецианцах и некоторых других народах. Сочинение содержит также названия порогов Днепра, которые даны на двух языках — «славянском» и «русском», то есть скандинавском. Это одно из важнейших оснований, на которых основывается теория скандинавского происхождения первых «русских» князей. Сочинение дает, тем не менее, впечатляющую картину политической, дипломатической и экономической мощи империи в X веке. Много географического материала есть и в его третьем сочинении — «О фемах», частично основанном на географических трактатах V — VI веков. В это время было составлено большое сочинение «О церемониях византийского двора». Это, прежде всего, детальное описание сложных правил жизни византийского двора. Его можно рассматривать как «книгу дворцовых правил». Сочинение было составлено на основе данных официальных архивов двора различных периодов и содержащаяся в трактате информация о крещении, свадьбе, коронации, похоронах императоров, о разных церковных святынях, о приемах иностранных послов, о снаряжении военных экспедиций, о должностях и титулах и о многих других аспектах жизни является бесценным источником для изучения не только жизни при дворе, но и для общественной жизни всей империи. Византийский придворный

церемониал, развившись и сформировавшись на базе поздней Римской империи времени Диоклетиана и Константина Великого, позднее проник в придворную жизнь Западной Европы и славянских государств, включая Россию. Даже некоторые придворные церемонии Турции двадцатого века имеют следы византийского влияния.

Время Македонской династии имеет большое значение для истории византийского искусства. Период с середины IX века вплоть до XII века, то есть включая период династии Комнинов, характеризуется учеными как второй Золотой Век византийского достоинства и изящества, сдержанности и порядка, чистая утонченность, которые стали характерными чертами византийского искусства эпохи его зрелости. Эти произведения соединили гармонию с религиозным чувством. У них была серьезность, которая отсутствовала у произведений искусства эллинистического времени.

Знаменитый австрийский историк искусства Й. Стржиговский попытался обосновать теорию, которая тесно связана с эпохой Македонской династии. По его мнению, приход к власти первого правителя этой династии, армянина по рождению, положил начало новому периоду в истории византийского искусства, в частности, периоду прямого влияния армянского искусства на Византию. Иными словами, вместо старого постулата о том, что Армения испытала сильное влияние византийского искусства, Стржиговский старается доказать обратное. Это правда, что армянское влияние сильно чувствовалось при Македонской династии. Правда и то, что многие армянские художники и архитекторы работали в Византии. Новая Церковь, построенная при Василии I, была, вероятно, сооружена по армянскому плану. Когда в X веке купол Св. Софии был поврежден землетрясением, армянскому архитектору, строителю собора в Ани, были поручены реставрационные работы.

Василий I был великим строителем. По его распоряжению возведена Новая Церковь, строительство которой было важным моментом в строительной политике Василия, как и возведение храма Св. Софии во времена Юстиниана. При Василии был построен также новый дворец Кенургий, украшенный блестящими мозаиками. При Василии I были восстановлены и украшены Св. София и церковь Святых Апостолов. Св. София, поврежденная землетрясением 989 года, была также объектом заботы императоров X и XI веков. При Македонской династии впервые появились имперские школы живописцев икон. Там было изготовлено не только значительное

количество икон и живописи на стенах церквей, в школах брались также и за иллюстрирование рукописей.

[А.А. Васильев «История Византийской империи»]

3.17 Крещение Руси

Обращение в христианство - одна из наиболее важных вех в истории русского народа. Это не было чисто религиозным событием: христианство для Руси в это время означало более высокую цивилизацию. В глазах самих русских обращение делало их частью цивилизованного мира. И русские, до того именовавшиеся византийцами "северными варварами", были признаны греками два столетия спустя после смерти Владимира "наиболее христианской нацией".

Что же касается международной ситуации, в десятом столетии язычество везде находилось в состоянии упадка. Русь окружали нации, исповедовавшие христианство, иудаизм и мусульманство. Хазары были обращены в иудаизм около 865 г.; волжские булгары приняли ислам в 922 г. Одновременно христианство быстро прогрессировало среди западных соседей Руси. В период между 942 и 968 гг. многие племена балтийских славян были обращены; в 960 г. был крещен польский князь Миешко, а в 974 - датский король Гарольд Блотанд. Олаф Тригвассон, король Норвегии с 995 г., стал христианином в 976 г. В 985 г. к вере Христа обратился герцог Геза Венгерский.

Из опыта своего общения с соседями князь Владимир должен был давно понять необходимость принятия одной из великих религий, с тем чтобы положить конец религиозной изоляции Руси.

Методы достижения власти Владимира говорят о нем, как о жестоком и беззастенчивом, хотя и проницательном, политике. Возможно, он и был таким человеком, но следует также иметь в виду, что летописец сознательно рисовал его портрет - в первый период его правления, до, его обращения - в особенно мрачных тонах, с тем чтобы более рельефно подчеркнуть величие его нравственного преобразования после этого события. Итак, когда летописец говорит, что Владимир "имел триста содержанок в Вышгороде, триста - в Белгороде и триста - в Берестово", это кажется преувеличением, если мы не предположим, что девушки, содержащиеся им в этих местах в таком количестве, не были его наложницами, а являлись рабынями для продажи, которых в конце

концов вывозили в Константинополь. Лучших среди них он мог оставлять для себя.

Хотя не существует возможности проверить количество содержания Владимира, известно, что до своего обращения он имел по крайней мере семь жен, включая Рогнеду и гречанку - вдову Ярополка.

История, по которой Владимир выслушивал проповедников различных вер и посылал русских представителей в страны, где они были приняты, объединяет реальные исторические тенденции. Посланцы более всего находились под впечатлением греческого богопочитания. После присутствия на службе в константинопольском соборе Св. Софии они, по преданию, доложили: *"Мы не знаем на небе мы или на земле"*. Выслушав все сообщения, вассалы Владимира добавили еще один аргумент в пользу греческого православия: *"Если бы греческая вера была злом, ее бы не приняла твоя бабка Ольга, которая была мудрее других людей"*.

В этот момент случилось так, что поворот событий в Византийской империи сделал сближение между Русью и Византией необходимым для юного византийского императора Василия II.

[Г.В. Вернадский «Киевская Русь»]

В восьмидесятых годах X века положение императора и его династии казалось критическим. Поднявший восстание против Василия Варда Фока, имея на своей стороне почти всю Малую Азию подошел с востока к самой столице, тогда как с другой стороны победоносные в то время болгары грозили ей с севера. В столь стесненных обстоятельствах Василий обратился за помощью к северному князю Владимиру, с которым ему и удалось заключить союз на следующих условиях: Владимир должен был отправить на помощь Василию шеститысячный отряд, взамен чего получал руку сестры императора Анны и обязывался за себя и за свой народ принять христианскую веру. Благодаря русскому вспомогательному отряду так называемой «варяго-русской дружине», восстание Варды Фоки было подавлено, и сам он погиб. Избавившись от страшной опасности, Василий, по-видимому, не хотел соблюдать обещания, данного Владимиру, относительно сестры Анны. Тогда русский князь осадил и взял важный византийский город в Крыму Херсонес (Корсунь).

[А.А. Васильев «История Византийской империи»]

Завоевав славный и богатый город, который в течение многих веков умел отражать приступы народов варварских, Российский Князь еще более возгордился своим величием и Послов объявил Императорам, Василию и Константину, что желает быть супругом сестры их, юной царицы Анны, или в случае отказа, возьмет Константинополь. Родственный союз с греческими знаменитыми царями казался лестным для его честолюбия. Империя, по смерти Героя Цимиския, была жертвой мятежей и беспорядка: Военачальники Склир и Фока не хотели повиноваться законным Государям и спорили с ними о Державе. Сии обстоятельства принудили Императоров забыть обыкновенную надменность Греков и презрение к язычникам. Василий и Константин, надеясь помощью сильного Князя Российского спасти трон и венец, ответствовали ему, что от него зависит быть их зятем; что, приняв Веру Христианскую, он получит руку Царицы, и Царство Небесное. Владимир, уже готовый к тому, с радостью изъявил согласие креститься, но хотел прежде, чтобы Императоры, в залог доверенности и дружбы, прислали к нему сестру свою. Анна ужаснулась: супружество с Князем народа, по мнению Греков, дикого и свирепого, казалось жестоким пленом и ненавистнее смерти. Но политика требовала сей жертвы; и ревность к обращению идолопоклонника служила ей оправданием или предлогом. Горестная Царица направилась в Херсон на корабле, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: там народ встретил ее как свою избавительницу, со всеми знаками усердия и родства. В летописи сказано, что Великий Князь тогда разболелся глазами и не мог ничего видеть; что Анна убедила его немедленно креститься, и что он прозрел в самую ту минуту, когда Святитель возложил на него руку. Бояре Российские, удивленные чудом, вместе с Государем приняли истинную Веру (в церкви Василия, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, где жили Великий Князь и невеста его). Херсонский Митрополит и Византийские Пресвитеры совершили сей обряд торжественный, за коим следовало обручение и самый брак Царицы с Владимиром, благословенный для России во многих отношениях и весьма счастливый для Константинополя: Великий Князь, как верный союзник Императоров, немедленно отправил к ним часть мужественной дружины своей, которая помогла Василию разбить мятежника Фоку и восстановить тишину в Империи.

Сего не довольно: Владимир отказался от своего завоевания и, соорудив в Херсоне церковь — на том возвышении, куда граждане сносили из-под стен землю, возвратил сей город царям Греческим в изъявление благодарности за руку сестры. Вместо пленников он вывел из Херсона одних Иереев.

Наставленный Херсонским Митрополитом в тайнах и нравственном учении Христианства, Владимир спешил в столицу.

[Н.М. Карамзин «История государства Российского»]

Мотивы обращения Владимира в христианство могли быть, в основном, политическими. Однако, приняв крещение, он отнесся к новой вере со всей возможной ответственностью.

Вслед за возвращением в Киев Владимир приказал повергнуть и уничтожить статуи языческих богов. Идол Перуна был привязан к конскому хвосту и проволочен к Днепру. Всему населению Киева, в одинаковой степени богатым и бедным, предписывалось идти к реке для крещения. Аналогичные указания исходили от его наместников в Новгороде, и других городах.

В программе Владимира по крещению Руси можно выделить три направления: строительство церквей, образование и благотворительность. Сразу после возвращения с Крымской кампании и крещения киевлян он «повелел, что церкви должны строиться на местах, где прежде стояли языческие идолы». Первая церковь - церковь Святого Василия, покровителя Владимира - была возведена по этому указу на холме, где раньше находился идол Перуна.

Затем был построен более сложный по архитектуре собор - церковь Успения Богородицы в Киеве, так называемая «Десятинная церковь», о которой я упоминал, и чьи фундаменты сохранились до нашего времени. Для распространения образования Владимир приказал собрать детей из лучших семей и послать их в школы в книжное учение. «Матери горько оплакивали своих детей, потому что они еще не были сильны в вере и плакали по ним, как по мертвым».

Широкая благотворительность Владимира описана в «Повести временных лет» в яркой, реалистичной манере, не оставляющей места сомнению.

«Он приглашал всякого нищего и убогого приходить на княжий двор и брать все, что надобно: еду и питье, и деньги из казны. Мысля о том, что слабые и больные не могут дойти до его двора, он приказал делать телеги, накладывать на них хлеб, мясо, рыбу, овощи разные, мед в бочонках, квас и развозить по городу. Возницам велено было выкрикивать: «Где здесь больные нищие, что ходить не могут?» Таким раздавали все по их нужде.

И больше, каждую неделю завел он на дворе своем пиры, куда приходили бояре, дворяне, соцкие, десятские, лучшие люди, и при

князе и без князя. Там было много мяса, говядины и дичины, и много всего». Гостеприимство князя, кажется, поразило воображение народа больше, чем что-либо другое, и во всех ранних былинах воспеваются его развлечения с богатырями и другими людьми. Именно как радушный хозяин Владимир преимущественно фигурирует в русском фольклоре; в памяти русского народа он навсегда остался как «Красное Солнышко».

«Пока Владимир жил в страхе божье, умножились разбойники; и епископы, обращая на то внимание князя, спрашивали, почему он не казнит их. Князь отвечал, что боится греха. Они говорили, что он был избран Богом карать преступников и миловать праведных, и поэтому ему подобает предавать заслуженной казни разбойников, но только после суда. Так Владимир нарядил казнить преступников».

После смерти Владимира началась кровавая междоусобица его сыновей. Недостаток братской любви между ними частично можно объяснить тем, что они были только сводными братьями. До своего крещения великий князь имел много жен, и в отношениях между разными семьями, вне всякого сомнения, существовало большое напряжение. Из его многочисленного потомства. Ярослав, Мстислав и Изяслав считаются сыновьями Рогнеды. Святополк сомнительного происхождения, сын вдовы Ярополка, на которой Владимир женился, когда она уже была беременной, если верить летописцу. Мать Святослава - чешская жена Владимира, Борис и Глеб - сыновья болгарской женщины, согласно «Повести временных лет». Однако, как описывается в «Сказании» о страданиях последних двух, впоследствии причисленных к лику святых, Глеб в момент убийства был совсем дитя (1015 г.). Если так, то он должен быть сыном первой христианской жены князя, византийской княжны Анны.

[Г.В. Вернадский «Киевская Русь»]

... Ее (Анны) внучка была в супружестве за королем Франции Генрихом I; кровь Македонской династии и, может быть, кровь Аршакидов до сих пор течет в жилах Бурбонов.

[Эдуард Гиббон «Закат и падение Римской империи»]

Литература

1. Азимов Айзек «Ближний Восток», М., 2002
2. Асадов Ю.А. «Родословные тайны армянских князей», М., 1997
3. Бибииков М.В. «Историческая литература Византии», Санкт-Петербург, 1998
4. Брюсов Валерий «В Армении», Собрание сочинений, т. 2, М., 1973
5. Бузанд Фавост «История Армении», Ереван, 1953
6. Васильев А.А. «История Византийской империи. Время до крестовых походов», Санкт-Петербург, 2000
7. Вернадский Г.В. «Киевская Русь», М., 2001
8. Власов С.М. «Константин Великий», М., 2001
9. Гиббон Эдуард «Закат и падение Римской Империи», М., 1997
10. Карамзин Н.М. «История государства Российского», М., 1991
11. Константин Багрянородный «Об управлении империей», М., 1991
12. Кошеленко Г.А. «Родина парфян», М., 1977
13. Левченко М.В. «История Византии. Краткий очерк», М., 1940
14. Нерсисян М.Г. «История армянского народа», Ереван, 1980
15. Оболенский Дмитрий «Византийское содружество наций», М., 1998
16. Раффи «Самвел», Ереван, 1990
17. Рыжков К.В. «Все монархи мира. Древний Восток»
18. Хоренац Мовсес «История Армении», Ереван, 1990
19. Чируков И.С. «Место «Поучительных глав» Василия I в истории жанра» (в сборнике «Византийская цивилизация в освещении российских ученых 1947-1991»), М., 1997
20. Юзбашан К.Н. «Армянская эпопея V века», М., 2001